

Е.С. Скобликова

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

Синтаксис простого предложения

(теоретический курс)

Учебное пособие

Третье издание, исправленное и дополненное

*Рекомендовано Учебно-методическим объединением
в качестве учебного пособия для студентов
высших учебных заведений, обучающихся по направлению
031000 и специальности 031001 — Филология*

Москва
Издательство «Флинта»
Издательство «Наука»
2006

УДК 811.161.1(075.8)

ББК 81.2Рус

С44

Скобликова Е.С.

С44 Современный русский язык. Синтаксис простого предложения (теоретический курс) : учеб. пособие / Е.С. Скобликова. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Флинта : Наука, 2006. — 320 с.

ISBN 5-89349-912-3 (Флинта)

ISBN 5-02-034045-6 (Наука)

Книга представляет собой первую часть теоретического вузовского курса синтаксиса современного русского языка. В ней развернуто рассматриваются проблемные вопросы синтаксической теории: разные аспекты грамматической семантики простого предложения; вопрос о грамматических категориях предложения; проблемы теоретической трактовки словосочетания в его отношении к предложению. Выявляется грамматическая специфика второстепенных членов предложения, выделяемых на семантической основе. Конкретное рассмотрение типов простого предложения и компонентов его внутреннего членения осуществляется на обширном фактическом материале и характеризуется вниманием к семантике, стилистическим качествам и условиям коммуникативного употребления анализируемых конструкций.

Для студентов, аспирантов, преподавателей филологических факультетов вузов, учителей-словесников.

УДК 811.161.1(075.8)

ББК 81.2Рус

Учебное издание

Скобликова Елена Сергеевна
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК
Синтаксис простого предложения
(теоретический курс)

Учебное пособие

Подписано в печать 10.01.2006. Формат 84108/32. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 14,8.

Тираж 2000 экз. Заказ . Изд. 1106.

ООО «Флинта», 117342, Москва, ул. Бултерова, д. 17-Б, комн. 345.

Тел./факс: 334-82-65; тел. 336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru, flinta@flinta.ru; WebSite: www.flinta.ru

Издательство «Наука», 117997, ГСП-7, Москва В-485,
ул. Профсоюзная, д. 90.

ISBN 5-89349-912-3 (Флинта)

ISBN 5-02-034045-6 (Наука)

© Издательство «Флинта», 2006

Содержание

Введение	5
ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СИНТАКСИСА	8
ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК ОСНОВНАЯ СИНТАКСИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА	21
Аспекты грамматической семантики предложения.	
Грамматические категории предложения	23
Основные направления классификации простых предложений	44
Грамматическая группировка знаменательных слов в составе предложения	49
Словосочетание как основное звено грамматического объединения слов в составе предложения	55
Способы подчинительной связи слов	68
Согласование	69
Управление	73
Примыкание	79
Соотношение учения о словосочетании и предложении в русской лингвистике	82
ТИПЫ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ	95
Конструктивные типы простого предложения	95
Двусоставные предложения	95
Односоставные предложения	126
Неполные предложения	169
Нечленимые предложения	178
ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ	186
Учение о второстепенных членах предложения.	
Проблема их классификации	186
Дополнение	200
Определение	209

Приложение	217
Обстоятельства	222
ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ	
ОСЛОЖНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ	240
Однородные члены предложения	240
Обособление второстепенных членов предложения	253
Обособление определений	257
Обособление приложений	264
Обособление обстоятельств	268
Вводные слова и вводные предложения.	
Вставные конструкции	276
Обращение	280
Междометия в составе предложения	281
ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО ЦЕЛИ	
ВЫСКАЗЫВАНИЯ	283
Повествовательные предложения	285
Вопросительные предложения	286
Побудительные предложения	291
Другие типы предложений по цели высказывания	302
Взаимодействие между разными типами предложений	305
К проблеме классификации предложений по цели высказывания	310
Заключение	317
Литература	319

Введение

§ 1. Предмет синтаксиса. Морфология и синтаксис представляют собой два связанных и в то же время противопоставленных друг другу раздела грамматики.

Предметом изучения в морфологии являются грамматические свойства слова: передаваемые им общие и частные грамматические значения, особенности словоизменения и характер словообразования.

Предмет синтаксиса — грамматическая структура связной речи.

Минимальной единицей связной речи, т.е. минимальной единицей общения и языкового оформления мысли, является предложение. Оно и составляет основную синтаксическую единицу и, соответственно, основной объект изучения в синтаксисе.

Единицами внутренней структуры, внутреннего членения простого предложения являются члены предложения и словосочетания. Член предложения — это в простейших случаях одно знаменательное слово, наделенное той или иной функцией в передаче содержания всего предложения и грамматически оформленное в соответствии с этой функцией. Словосочетание — структурное звено предложения, которое представляет собой грамматическое объединение членов предложения и служит для выражения определенных отношений между соответствующими предметами и явлениями (ср.: *Ему дали стакан молока | стакан для молока | стакан из-под молока | стакан с молоком и т.п.*).

Наиболее изученными объектами синтаксической науки и являются предложение (в том числе сложное) и его составные части — единицы и звенья его внутреннего членения. Ознакомление с ними прочно вошло в практику изучения русского языка в школе и в вузе, несмотря на неоднозначное решение ряда вопросов при их теоретической интерпретации.

В гораздо меньшей степени изучены грамматические особенности синтаксических единств, более крупных, чем отдельные предложения, — единств, связанных со структурой целого текста. Давно привлекают внимание, но почти не описываются в общих курсах русского языка тесные объединения двух или нескольких предложений текста, графически часто выделяемые абзацем (Н.С. Поспелов называет такое объединение «сложное синтаксическое целое»¹; Л.А. Булаховский — «сверхфразное единство»²; аналогичный термин — «сверхфразовое единство» и др.). Между тем изучение закономерностей построения этих объединений очень важно, с одной стороны, с точки зрения навыков грамотного оформления связной речи, а с другой — в связи с тем, что вне таких объединений нередко невозможно даже элементарно осмыслить и объяснить содержание и некоторые особенности структуры отдельного предложения. Например, вне связи с соседними предложениями нельзя ни употребить, ни понять многие местоименные слова. См.: *...Юфан был работник в имении Толстых, который очень нравился Льву Николаевичу. Нравился до такой степени, что он подражал его движениям, его манере держать соху и т.д. И это было далеко уже не в детском и даже, кажется, не в юношеском возрасте. Таких примеров можно было бы привести много и из произведений, и из биографии великого писателя. Эта способность увлекаться чужой личностью... составляет очень заметную черту нравственной физиономии Толстого* (Короленко).

Влияние контекста отражается в предложении на порядке слов. Ср. видоизменения выделенного предложения

¹ *Поспелов Н.С.* Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры // Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР. 1948. Вып. 2.

² *Булаховский Л.А.* Курс русского литературного языка. Т. I. Киев, 1952. С. 392.

в зависимости от изменений предшествующего контекста: ...запасы пресной воды на кораблях уже давно подошли к концу. **Откалывали лед от айсбергов и растапливали его** (Поступальская) — Запасы пресной воды уже давно подошли к концу. Для пополнения этих запасов использовали лед. **Лед откалывали от айсбергов и растапливали его** — Запасы пресной воды уже давно подошли к концу. Для пополнения этих запасов использовали айсберги. **От айсбергов откалывали лед и растапливали его.**

Предложение и его члены, словосочетание, сложное предложение и структура текста составляют предмет изучения при рассмотрении синтаксического строя разных языков. В этом отношении объекты синтаксиса часто универсальны. Однако никогда не являются универсальными средства грамматической организации связной речи и отдельных ее компонентов. Поэтому важный аспект в изучении синтаксической системы определенного языка составляет раскрытие грамматической техники оформления всех крупных и мелких единиц связной речи.

В соответствии с общественными функциями языка, реализующимися в связной речи, изучение синтаксиса требует структурно-семантического подхода. Он предполагает рассмотрение всех структурных звеньев связной речи в неразрывном единстве их семантической роли и техники грамматического оформления.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СИНТАКСИСА

К грамматическим средствам синтаксиса относятся все те средства, с помощью которых одно слово или совокупность слов могут быть оформлены по законам данного языка как отдельная единица связной речи — самостоятельная (простое предложение, сложное предложение, сверхфразовое единство) или несамостоятельная (член предложения, словосочетание). В русском языке такими средствами являются: грамматические формы знаменательных слов; служебные слова; в отдельных случаях — сами знаменательные слова, в первую очередь — местоименные; определенный порядок размещения слов и других синтаксических компонентов предложения и текста; ритмомелодические (интонационные) средства.

§ 2. Грамматические формы слова. Только при употреблении изменяемых слов в строго определенных грамматических формах можно передать нужное смысловое содержание и построить предложение грамматически правильно — в соответствии с нормами русского литературного языка. Ср., например: *Незнакомая старушка держала за руку худенького мальчика — Старушка держала за худенькую ручку незнакомого мальчика; Записку передали сестре — Записку передала сестра.*

Выбор нужной формы слова осуществляется обычно в соответствии с правилами согласования и управления (они будут рассмотрены ниже).

§ 3. Служебные слова. Роль различных разрядов служебных слов не одинакова.

Предлоги. Предлоги, как и формы изменяемых знаменательных слов, используются для объединения слов и выражения определенных смысловых отношений в рамках простого предложения или отдельной части сложно-

го предложения. Употребляются они лишь с существительными и их заместителями и выражают соотношение предмета с другими предметами и явлениями. Ср., например: *Тетрадь лежит **в книге** — **на книге** — **под книгой** — **между книгами**...*; *Зашли **за товарищем** — **с товарищем** — **из-за товарища*** и т.д. Эту функцию предлоги в русском языке выполняют в неразрывной связи с формами определенных падежей. Общее назначение у падежной формы с предлогом и без предлога совпадает, только одни разновидности смысловых отношений передаются падежными формами без предлогов, другие — с предлогами (ср., например: *Записку передали **сестре** — **через сестру** — **для сестры*** и т.д.). Поэтому сочетание существительного с предлогом постоянно оценивается как своеобразная «синтаксическая форма» существительного — «предложно-падежная форма».

Союзы. Союзы используются для выражения смысловых связей между словами внутри отдельного простого предложения, между частями сложного предложения, между самостоятельными предложениями. В простом предложении они используются ограниченно, чаще всего — в группах однородных членов (сочинительные союзы). В отличие от предлогов союзы могут объединять слова любых частей речи, выражая различные отношения однородных членов между собой и к тому слову, с которым они связаны (*Купи → ручку **и** карандаш — ручку **или** карандаш — ручку, **а не** карандаш*).

Частицы. По сравнению с функциями предлогов и союзов синтаксические функции частиц характеризуются значительно большей сложностью, многообразием, неоднородностью.

В одних случаях роль частиц замыкается рамками отдельного предложения: наряду с предлогами и союзами они участвуют в выражении связей между явлениями. Такова, например, роль частицы *не*, с помощью которой

отрицаются все или одна из фиксируемых в предложении связей. Ср.: *Приемные экзамены еще **не** начались...* (Тендряков); *...нам отвели **не** комнату — временное жилье, а полдома...* (Тендряков) и т.д.

В других случаях с помощью частиц выражаются смысловые связи между отдельными предложениями текста, логическая последовательность в ходе рассуждений. Например, частицы **вот и, и вот, что же, так**, каждая по-своему, служат сигналом итогового характера предложения в сверхфразовом единстве или итога размышлений, внутренней речи: *Да мало ли что может случиться в тайге с человеком, которому перевалило за восемьдесят. **Вот и** болит сердце за старика* (Федосеев); *...**Так**, говорите, ни одной хаты и ни одного человека?* (Закруткин); — ***Что же**, теперь можно встречать зиму, — сказала она себе* (Закруткин).

Часто с помощью частиц выражается эмоциональная и модальная оценка содержания предложения. Так, с помощью вопросительных частиц **неужели, разве** выражается удивление от почти очевидного, но неожиданного для говорящего факта: *«А и верно, Улукиткан!.. **Неужели** с Утукского поднялся так рано?» — «Да, да, с перевала»* (Федосеев). При использовании частиц **как будто, будто, вроде** и подобных говорящий может выражать неуверенность в достоверности передаваемого содержания: *...поглядывают на нее просительно, **вроде** сказать что-то хотят* (Закруткин). **Вряд ли** указывает на сомнения в осуществимости события: ***Вряд ли** когда-нибудь занесет меня в этот суровый край* (Федосеев). И т.д.

§ 4. Знаменательные слова. Непосредственно в качестве грамматического средства синтаксиса выступают местоименные слова. Так, относительные и указательные местоимения служат средством связи в сложноподчиненных предложениях: *Хорошо может видеть людей и землю только **тот, кто** их любит* (Паустовский). С помощью указательных местоимений и близких к ним личных мес-

тоимений 3-го лица осуществляется связь самостоятельных предложений в тексте, связь частей сложносочиненного предложения, а иногда и частей простого предложения: *Луначарский попросил слово и начал превосходно построенную, блестящую речь о Шекспире и современности. Эта речь могла показаться давно обдуманной, подготовленной, но на самом деле это был экспромт... Такую речь можно было бы напечатать без поправок, если бы сохранили ее стенограмму* (Никулин).

Другие (неместоименные) знаменательные слова не играют обычно роли собственно грамматического средства. Но тем не менее они постоянно так или иначе участвуют в грамматической организации предложения, ориентируя нас в потенциально возможных отношениях между соответствующими предметами и явлениями. Лексические значения знаменательных слов несут «черновую» информацию о возможных смысловых и грамматических связях всех слов предложения, о возможных семантических функциях отдельного слова; о возможных его сочетаемости с другими словами — его синтаксической «валентности». Называя такое явление, которое предполагает устойчивую связь с другими предметами и явлениями объективного мира, знаменательное слово нередко становится организующим центром для определенных разновидностей синтаксических конструкций, выражающих эту связь, — словосочетаний, предложений. В предложении роль такого центра чаще всего играет глагол, предсказывающий своим лексическим значением выражение тех или иных связей с субъектом, объектами действия, а иногда и обстоятельствами.

Например:

Кто? что? ← *вырос*

Кто? ← *вырастил* → что? кого?

Кто? что? ← *ехал, шел, двигался* → куда? откуда?

Кто? что? ← *нес, вез, двигал* → а) кого? что?
б) куда? откуда?

Употребление различных знаменательных слов может вызывать неодинаковое грамматическое оформление одного и того же члена предложения. Ср.: *Он приехал с завода* — *Он приехал из колхоза*; *Меня отчитали за опоздание* — *Мне выговорили за опоздание*. Поэтому изучение многих синтаксических конструкций невозможно без учета их лексического состава.

§ 5. Порядок слов. По сравнению с многими другими языками порядок слов в русском языке характеризуется большей свободой и гибкостью. При сохранении одного и того же реального содержания часто возможно значительное число перестановок слов. Объясняется это тем, что основную нагрузку в выражении общего характера передаваемой информации в русском языке несут грамматические формы слов и служебные слова. Ср.: *Врач вошел к больному*; *К больному вошел врач*, но (иная информация): *Больной вошел к врачу*; *К врачу вошел больной*.

Гибкость в размещении слов отнюдь не предполагает безразличия в выборе определенного их порядка. Этот выбор может обуславливаться действием различных факторов в зависимости от распространенности предложения, формы и стиля речи. В совокупности порядок слов в русском языке отражает: 1) грамматические нормы расположения слов внутри отдельных словосочетаний; 2) акцентировку тех или иных частей предложения в зависимости от задач высказывания (коммуникативную акцентировку); 3) смысловое объединение определенных слов, а иногда и характер смысловых отношений между словами; 4) стилистические особенности речи. В соответствии с этим принято говорить о грамматических, коммуникативных, смысловых и стилистических функциях порядка слов. Значимость этих функций в русском языке неодинакова.

1. Существенную роль порядок слов играет в **грамматическом оформлении внутренних группировок слов** в

предложении, особенно — словосочетаний. Достаточной стабильностью характеризуется, например, расположение слов в словосочетаниях с главным словом-сущест-
 тельным: обычным положением для зависимого при-
 логательного-определения является в них положение перед
 определяемым словом — препозиция; для зависимого су-
 щественного и наречия — положение после определя-
 емого слова — постпозиция. Ср., например: *пушкинская*
проза — проза *Пушкина*, *верхние* помещения — помеще-
 ния *наверху*. Не менее устойчив порядок слов в большин-
 стве словосочетаний с главным словом-прилагатель-
 ным и наречием. Зависимое наречие употребляется
 в них в препозиции: *очень приветливый*, *очень приветли-*
во; *ослепительно яркий*, *ослепительно ярко* и под.

Определенная устойчивость порядка слов в русском языке во многом создается как раз за счет достаточно жестких правил оформления словосочетаний.

С жесткостью этих правил связана дифференцирующая грамматическая роль порядка слов, например, он помогает разграничивать в предложении функцию определения и именной части сказуемого у прилагательного. Ср.: *Теплая ночь...* (назывное предложение с определением) и *Ночь теплая* (двусоставное предложение со сказуемым *теплая*¹⁾; *Вернулся расстроенный отец* (*расстроенный* — определение) и *Отец вернулся расстроенный* (*расстроенный* — часть сказуемого).

2. В порядке слов получает выражение **коммуникативная акцентировка частей предложения**. При спокойном, нейтральном интонировании те члены, которые содержат наиболее важную и новую информацию, ставятся в конце повествовательного предложения. Очень ярко это про-

¹ Порядку слов может своеобразно «противодействовать» усиленное смысловое ударение, при наличии которого в качестве сказуемого может выступать и препозитивное прилагательное.

является в ответных репликах. Ср., например: «**Куда** вы едете?» — «Мы едем **на Урал**»; «**Кто** едет на Урал?» — «**На Урал** едем **мы**»; «**Когда** вы едете на Урал?» — «**На Урал мы едем летом**».

С коммуникативной акцентировкой определенных частей предложения в современной лингвистике связан относительно новый аспект в его характеристике — учение об актуальном членении. С развитием этого учения разные по коммуникативной значимости части предложения получили специальное терминологическое обозначение. «Исходная» часть предложения, не содержащая или почти не содержащая новой информации, — это *тема*. Та часть предложения, которая является основной носителем новой информации, — это *рема*¹. Например, вопрос **Куда** вы едете летом? предполагает, что факт предстоящей летней поездки уже известен, это — тема. Коммуникативным центром вопроса, его ремой, оказывается в этих условиях только обстоятельство места **куда**. Соответственно и в ответе **Летом мы едем на Урал** ремой составляет обстоятельство места².

Кроме различий в актуальном членении, порядок слов выражает и другие особенности коммуникативной акцентировки. Например, при употреблении согласованных определений не в обычной для них препозиции, а в пост-

¹ Подробное рассмотрение порядка слов в русском языке и характеристику понятий, связанных с актуальным членением предложения, см. в кн.: Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.

² Определения и обстоятельства степени, имеющие закрепленное место в словосочетаниях, в выражении актуального членения редко участвуют самостоятельно: обычно они перемещаются вместе с тем словом, которому подчинены. Ср.: *В эту зиму в лазарете было особенно пусто и глухо* (Паустовский) и *Особенно пусто и глухо в лазарете было в эту зиму*.

позиции (с обособлением) они не только оказываются более подчеркнутыми, но и приобретают полупредикативность — оттенок добавочного высказывания, как бы включенного в основное. По своей коммуникативной роли они приближаются в этом случае к сказуемому самостоятельного предложения: *...верхушки влажно поблескивают, **румяные и яркие*** (Солоухин). Ср.: *Они **румяные и яркие***.

3. Грамматические особенности порядка слов в словосочетаниях помогают выражению смысловых связей слов в предложении. Правда, чаще всего в русском языке порядок слов оказывается лишь одним из многих одновременно действующих средств выражения этих связей. Например, отнесение прилагательного к определенному существительному выражается: 1) грамматической формой прилагательного, согласованного с существительным; 2) положением прилагательного перед существительным; 3) интонационным их объединением (произнесением сочетания существительного с прилагательным без паузы). Однако в определенных условиях порядок слов может стать если не единственным, то, по крайней мере, главным средством выражения смысловых связей. Особенно повышается его роль в письменной речи, где интонационное объединение двух слов прямо не выражается. Потребность в максимально строгом порядке слов возникает здесь тогда, когда и по грамматической форме, и по смыслу слово может быть связано с двумя или несколькими словами предложения. См., например: *С вершины... видны в темно-зеленой глубине покачивающиеся водоросли, **красные, зеленые, мохнатые** камни* (Рылов).

В некоторых (относительно немногих) случаях порядок слов указывает не просто на наличие связи между определенными словами, но и на смысловой характер этой связи. При этом иногда смысловые отношения могут выражаться совершенно однозначно. Так, сочетания типа *десять человек* передают точное количество, а сочетания

типа *человек десять* — приблизительное. В других случаях, например для разграничения субъекта и объекта действия (*Мать любит дочь* и *Дочь любит мать*), порядок слов полной однозначности не обеспечивает.

4. Те общие закономерности, которые отмечались выше, связаны с обычным, стилистически нейтральным порядком слов. Изменение обычного порядка слов, или инверсия, наблюдается только в некоторых стилевых разновидностях литературного языка, преимущественно — в поэтической речи и речи разговорной.

В поэтических текстах нередко встречается, например, инверсия в словосочетаниях с главным словом существительным: *Для берегов отчизны дальней / Ты покидала край чужой; / В час незабвенный, в час печальный / Я долго плакал пред тобой* (Пушкин). Такая инверсия служит средством усиления экспрессии, средством поэтической ритмизации речи. Она усиливает коммуникативную значимость обеих частей словосочетания.

В разговорной речи инверсия может затрагивать и структуру словосочетаний, и актуальное членение предложения. В словосочетаниях она часто наблюдается в силу неподготовленности (спонтанности) разговорной речи, в частности, когда в процессе формирования высказывания возникает потребность в добавочной детализации: *Дай мне портфель старый; Яблока хочется очень* и под. При выражении актуального членения инверсия проявляется в постановке выразителя ремы не в конце повествовательного предложения, а в начале: *«Куда вы пойдете завтра?» — «В театр пойдём»; «Когда вы пойдете в театр?» — «Завтра пойдём»* и т.д. Такая инверсия поддерживается, с одной стороны, разговорными тенденциями к «энергичности», экономности реплик, позволяющими начинать высказывание с главного — с ремы (и даже вообще сохранять в предложении только рему!), с другой стороны, наличием в разговорной речи дополнительных (интонаци-

онных) средств: при выдвижении на первое место рема оказывается выделенной усиленным ударением: ***В театр*** пойдем; ***Завтра*** пойдем.

Таким образом, использование определенного порядка слов в предложении может зависеть от целого комплекса грамматических, коммуникативных, собственно смысловых и стилистических факторов.

§ 6. Интонация. Использование интонационных, или, иначе, ритмомелодических, средств при грамматическом оформлении предложения и вообще связной речи является строго обязательным (хотя в письменном тексте прямого обозначения эти средства не получают). Любое предложение, в том числе однословное, характеризуется определенным типом мелодического рисунка, который сохраняется, несмотря на индивидуальные особенности речи. Этот рисунок зависит от характерных повышений и понижений тона, от протяжности или, наоборот, краткости, беглости произнесения, от различий в громкости, в интенсивности (силе) звука.

Мелодические особенности предложения способны передавать самую различную информацию. С их помощью могут разграничиваться: предложения разного коммуникативного назначения — повествовательные и вопросительные, повествовательные и побудительные; предложения разного содержания: *Воды!* (= *Дайте воды!*) и *Воды́-ы!* (= *Как много воды!*); предложения различные по эмоциональной и модальной оценке; ср. фразу *Ты уже решил!*, произнесенную с выражением удивления и восхищения, удивления и недоверия, досады и зависти и т.д.

Так называемая «интонация конца», чаще всего связанная с понижением голоса в конце предложения, указывает на завершенность высказывания и служит по отношению ко всему предложению своеобразным цементирующим средством.

С мелодическими особенностями предложения неразрывно связаны особенности его ритмического

строения. Наиболее заметно ритмическое деление осуществляется в распространенных многословных предложениях. Посредством пауз такие предложения делятся на речевые звенья, состоящие из двух или нескольких слов (объединенных в смысловом отношении), а иногда из одного слова. Каждое из речевых звеньев характеризуется усиленным ударением на одном слове, чаще всего — на последнем. См., например: *Шатёрников | быстро поверну́лся | и вышел из блиндажа́* (Нагибин); *Пряча лицо́ от вётра | в подня́тый воротник полушубка́ | и не глядя на Раки́тина, | он сказа́л...*¹ (Нагибин). Ритмическое членение предложения производится, таким образом, посредством пауз и чередования слабых и более сильных словесных ударений внутри речевого звена. Наиболее сильное из ударений речевых звеньев («синтагматических» ударений) является фразовым (логическим) ударением.

Наряду с другими средствами, ритмическое членение предложения служит одним из выразителей смысловой и грамматической группировки слов в предложении. В случае, когда порядок слов не обеспечивает однозначного понимания связей между словами, место паузы в устной речи может отчетливо выразить определенную связь. Ср., например, по-разному прочитанное предложение *В этой гимназии учился впоследствии всемирно известный киноартист*: 1) *В этой гимназии | учился | впоследствии всемирно известный киноартист*; 2) *В этой гимназии | учился | впоследствии всемирно известный киноартист*.

Как и порядок слов, ритмомелодические средства участвуют в выражении актуального членения предложения. При этом между порядком слов и ритмомелодическими особенностями предложения наблюдается тесное взаимо-

¹ Чертой обозначается место паузы, знаком ´ — синтагматическое ударение. Пунктирная черта указывает на необязательную, факультативную паузу.

действие. Выше говорилось, что часть предложения, выражающая рему высказывания, находится обычно в конце повествовательного предложения. Этот обычный, нейтральный порядок слов сопровождается максимально спокойной, размеренной и нейтральной интонацией. Его характеризует: 1) относительно неторопливое произнесение всего предложения; 2) возможное выделение части, содержащей рему, в отдельное речевое звено; 3) употребление наиболее сильного из синтагматических ударений — фразового ударения — в конце предложения, в соответствии с местом выразителя ремы. Если часть, выражающая рему, передвигается в начало предложения или, по крайней мере, ближе к его началу, особенности интонации меняются: 1) предложение произносится в более быстром, энергичном темпе; 2) часто снимается возможность выделения выразителя ремы в отдельное речевое звено; 3) фразовое ударение смещается и делается более сильным, а иногда и экспрессивно подчеркнутым — «эмфатическим». Например, при нейтральном порядке слов на вопрос *Когда вернулись ребята?* мы отвечаем предложением типа *Ребята | вернулись **ночью*** или *Ребята вернулись | **ночью***. Чтобы сохранить ту же коммуникативную направленность при употреблении обстоятельства *ночью* в начале предложения, нужно сильно изменить интонационные особенности предложения: ***Нóчью** вернулись ребята* должно быть произнесено бегло, без паузы, с усиленным ударением на *ночью*. См. произнесение предложений с передвинутым вперед выразителем ремы: *Конечно же, | **не для себя** старалась она...* (Нагибин); — ***Неосторожный** вы, дедушка!* — *упрекнула старика черненькая* (Нагибин).

§ 7. Пунктуация. Знаки препинания в письменной речи, подобно ритмомелодическим средствам в устной речи, дают возможность разграничивать предложения разного целевого назначения (ср.: *Он сдал экзамен?* и *Он*

сдал экзамен!), позволяют обозначать границы различных смысловых и грамматических группировок слов в предложении, выражать разные смысловые и грамматические связи между компонентами предложения.

* * *

Таким образом, потребности структурной организации связной речи обслуживаются в синтаксическом строе широким комплексом средств — собственно синтаксических (порядок слов, служебные слова), лексических (слова знаменательные), морфологических (морфологические формы знаменательных слов), фонетических (интонация — ритмомелодика) и даже графических (пунктуация).

Использование большинства этих средств (кроме средств морфологических) является обязательным для всех языков — универсальным. Конкретные особенности такого использования национально своеобразны.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК ОСНОВНАЯ СИНТАКСИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА

§ 8. Общая характеристика. Предложение, как уже говорилось, представляет собой единицу связной речи — наименьшую единицу, пригодную для общения и выражения мысли: «это грамматически оформленная по законам данного языка целостная... единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли», — пишет В.В. Виноградов¹. Дополняя эту характеристику, В.В. Виноградов указывает: «...в русском языке есть предложения, функция которых сводится к простому утверждению или отрицанию, выражению согласия или несогласия или к общей экспрессивно-модальной оценке предшествующего высказывания. Это — предложения, основу которых составляют утвердительные или отрицательные слова *да* и *нет*, модально окрашенные слова и частицы (типа: *разве? едва ли! может быть! конечно! вероятно!* и т.п.), междометия и слова, близкие и междометиям»².

Основным функциональным признаком предложения является, таким образом, способность служить самостоятельным высказыванием. Обусловлена эта способность либо выражением относительно законченной мысли, характеризующей определенную ситуацию, либо выражением нерасчлененной эмоциональной, волевой, а также этической реакции говорящего на слова собеседника или на ситуацию в целом (*Эх! Ну! Эй! Спасибо!* и т.д.).

Из чего складывается грамматическое оформление употребляемых в речи конкретных предложений, отчасти явствует из рассмотрения средств, участвующих в грамматической организации связной речи.

¹ Виноградов В.В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 254.

² Там же. С. 266—267.

Чтобы оформить простое предложение, состоящее более чем из одного знаменательного слова, следует: а) употребить все изменяемые слова предложения в определенных грамматических формах, соответствующих передаваемому содержанию (ср.: *Рассказал об этом директор — Расскажи об этом директору*); б) употребить, где нужно, служебные слова (*Рассказали об этом директору и инженеру*); в) расположить слова в определенном порядке — в соответствии с коммуникативными задачами высказывания и принятыми грамматическими нормами; г) интонационно оформить предложение в устной речи и пунктуационно оформить — в письменной (ср.: *Директор рассказывал об этом? — Директор рассказывал об этом*).

При построении предложения, включающего одно знаменательное слово, неактуальным становится только вопрос о порядке слов. Все остальные слагаемые грамматического оформления могут быть налицо. Так, изменяемое знаменательное слово должно быть употреблено в определенной грамматической форме и произнесено с определенной интонацией; в некоторых случаях оно сопровождается предлогом, иногда — частицей. См., например: *Танки! — Танки? — Танко-ов! — По танкам! — Неужели танки?* и т.д. Минимум элементов грамматического оформления — только определенная интонация — наблюдается в предложениях, включающих одно неизменяемое слово: *Вперед! Ну!* и т.д.

Содержание тех предложений, которые употребляют в нашей речевой практике, безгранично разнообразно. Но несмотря на это многообразие, употребляющиеся в нашей речи предложения характеризуются многими общими чертами как в своей содержательной стороне, так и в грамматической структуре. Дело в том, что, строя предложение, говорящий использует достаточно стабильные правила и определенный круг отстоявшихся синтаксических моделей, широкое грамматическое значе-

ние которых позволяет подводить под эти модели все многообразие конкретных высказываний. Например, с помощью нераспространенного двусоставного предложения в русском языке может утверждаться, отрицаться или выясняться наличие у предмета любого признака — активного или пассивного, статического или динамического, постоянного или временного, качественного или чисто классификационного, конкретного или абстрактного и т.д. См., например: *Он работает; Он работает? Он спит; Он не приходил; Он молодой; Он молодой? Он врач; Он врач? Он болен; Трава желтая; Трава желтеет; Сочинение трудное; Сочинение дописано; Проверка состоялась* и т.д. Существование, кроме того, специфических моделей распространения предложения второстепенными членами дает возможность многообразно расширять предложения, построенные по двусоставной или односоставной модели.

Те общие особенности грамматической структуры и грамматической семантики, которые присущи неопределенному множеству конкретных предложений, составляют в синтаксисе основной предмет изучения.

Аспекты грамматической семантики предложения.

Грамматические категории предложения

§ 9. Общая характеристика. И со стороны семантики, и со стороны структуры предложение — образование многомерное.

Грамматическая семантика предложения складывается как бы из нескольких «срезов», каждому из которых соответствуют специфические средства грамматического оформления.

В любом предложении, состоящем из знаменательных слов, формулируется мысль говорящего по поводу опре-

деленной ситуации. При этом материальное воплощение мысли — звуковое или графическое — осуществляется с ориентировкой на определенные условия и цели общения. В соответствии с этим в содержании и построении предложения отражаются и особенности ситуации, и осмысление ее говорящим с точки зрения задач общения. В совокупности с помощью предложения, построенного из знаменательных слов, говорящий грамматически обобщенно передает (как минимум):

1) какие компоненты включает обозначаемая ситуация и в каких соотношениях между собой находятся эти компоненты (ср., например: *Мама встречала Володю — Маму встречал Володя; Мама приехала из-за Володи — Мама приехала с Володи и Машей* и т.д.);

2) как в момент речи (с точки зрения говорящего) обозначаемое соотношение компонентов относится к действительности: является ли оно реально существующим или только предполагаемым, желательным, возможным, необходимым; относится ли оно к прошлому, настоящему или будущему и т.д. (ср.: *Меня **встречали** на станции — Меня **встретили бы** на станции — **Встретьте** меня на станции — Меня **встрелят** на станции* и под.);

3) с какой целью осуществляется высказывание: имеет ли говорящий в виду информировать собеседника, получить от собеседника какую-либо информацию, побудить кого-либо к определенному действию или, изредка, просто оформить свою мысль — безотносительно к собеседнику или читателю;

4) что в характере ситуации оказывается в конкретных условиях общения наиболее важным и новым (см.: ***Кого ты встречал вчера? — Я вчера встречал нашего инженера; Кто встречал вчера инженера? — Встречал его я; Когда встречали инженера? — Встречали его вчера*** и т.д.).

Рассмотрим, с помощью каких средств выражаются различные аспекты содержания предложения.

§ 10. Выражение компонентов обозначаемой ситуации и их соотношения. Данная сторона грамматической семантики получает выражение в совокупности членов предложения и их связях между собой. Место отдельного предмета или явления в обозначаемой ситуации выражается тем, в роли какого члена предложения и в какой грамматической форме употребляется соответствующее знаменательное слово, как оно связано с другими словами предложения (см. выше примеры типа: *Мама встречала Володю — Маму встречал Володя*).

Каждый член предложения наделен тем или иным широким грамматическим значением, позволяющим выражать с его помощью, с одной стороны, тип компонента ситуации (предмет, признак и т.д.), с другой — роль этого компонента в соотношении с другими компонентами. Например, у предмета это может быть роль субъекта или объекта по отношению к действию (*Березка закачалась; Посадили березку*), роль пространственного ориентира (*Скамейку сделали под березкой*) и т.д.

Тип компонента ситуации выражается не только лексическим значением слова, но в большинстве случаев и тем, к какой части речи оно относится. Так, конкретный предмет всегда обозначается существительным или местоимением-существительным, качественный признак — чаще всего прилагательным и т.д.

Для обозначения соотношений между компонентами ситуации в русском языке специализировались грамматические формы знаменательных слов¹ и служебные сло-

¹ У существительного и его заместителей эту функцию выполняют падежные и предложно-падежные формы; у прилагательного, причастия, местоимения-прилагательного — согласуемые формы рода, числа и падежа; у личного глагола, с одной стороны, согласуемые формы лица, числа и рода, с другой — формы залога. Все это — формы, с помощью которых передаются смысловые и грамматические связи данного слова с другими словами предложения.

ва. Дополнительными средствами уточнения этих соотношений могут быть, кроме того, порядок слов и место пауз (см. об этом выше, § 5, 6).

§ 11. Выражение смысловой и грамматической законченности предложений. Высказывание по поводу определенной ситуации в принципе может включать обозначение различного числа ее компонентов. Ср., например: *Дом стоял на берегу — Дом лесника стоял на берегу — Дом лесника стоял на высоком берегу — Дом лесника стоял на высоком берегу таежной реки* и т.д. Однако не только простое название компонентов, но даже и выражение характера их связей между собой не является достаточным для формирования законченного предложения. Например, не является предложением такое грамматически оформленное объединение слов, как *стоявший на высоком берегу таежной реки дом лесника*, хотя соотношение компонентов ситуации в нем передано. Для завершенности предложения в большинстве случаев требуется соблюдение двух условий: во-первых, употребление в составе предложения сказуемого; во-вторых, интонационное оформление, указывающее одновременно на законченность высказывания и на его цель: *Из-за поворота **был виден** стоявший на высоком берегу дом лесника; Дом **стоял** на берегу?* и под. В некоторых случаях завершенность предложения достигается только его интонационным оформлением — без включения сказуемого: *Дождь! Дождь? Вперед!* и т.д.

«Скрепляющая» роль сказуемого объясняется его особыми смысловыми и грамматическими свойствами. По разным причинам оно является тем центром, на который говорящий ориентирует все устанавливаемые в предложении смысловые и грамматические связи.

Глагольное сказуемое может непосредственно называть те отношения, которые связывают обозначаемые предметы (см.: *Река **затопила** деревню; Река **огубает** деревню; Мать **упрекнула** меня; Я **забыл** об обиде*). Поэто-

му часто оно концентрирует информацию об общей схеме связей: между субъектом и объектом действия, субъектом и объектом эмоционального отношения и воздействия, субъектом и его отношением к пространственному ориентиру и т.д. См., например: кто? ← читал → что?; кто? ← обижается → на кого? на что?; кого? ← тянуло → куда?; кто? ← сидел → где?; кто? ← двигает → что? куда? и под. Естественно, что сказуемое — необходимый компонент предложения во всех тех случаях, когда оно обозначает тот признак отдельного предмета или ситуации в целом, ради выявления которого осуществляется высказывание, например: *Цветы в саду еще не расцвели*; *Завтра отец возвращается*; *Шкаф был старинный*? *В зале уже темно*; *Его брат студент*? *Он способный*? Не менее показательно, что и тогда, когда сказуемое выражает признак, не нуждающийся в выявлении, это обычно все равно признак, находящийся в центре обозначаемой ситуации: по соотношению с ним и для его уточнения в предложении выявляются неизвестные компоненты ситуации. Например: *Отец возвращается завтра?*; *Темно было только в зале*; *Старинными были здесь и другие вещи*.

Таким образом, в том или ином смысле сказуемое почти всегда выражает центральный признак передаваемой ситуации.

С грамматической стороны центральная роль сказуемого проявляется в том, что оно находится в фокусе грамматических связей между словами. В большинстве односоставных предложений оно выступает в «абсолютно господствующем» положении: все подчинительные связи слов начинаются с него и группируются вокруг него. В двусоставных предложениях оно скрепляет два центра подчинения слов — подлежащее и сказуемое. См., например, схемы предложений *Даже на опушке леса было совсем темно* и *Густой туман покрывал всю долину реки*.

Не менее важно то, что именно сказуемое содержит обычно прямые грамматические показатели модальности, т.е. выражает реальный или потенциальный характер всей совокупности обозначаемых в предложении связей (подробнее об этом см. ниже).

Ослабление смысловой значимости сказуемого и даже возможное его отсутствие наблюдается в тех предложениях, где в качестве выразителя центрального признака ситуации используется существительное. См.: *Был мороз; Ожидается мороз; Мороз? Самолет! В декабре будет проверка* и т.д.¹ Однако и в подобных предложениях сохраняется важнейшая грамматическая функция сказуемого: оно выражает отношение обозначаемой ситуации к действительности (при отсутствии сказуемого эта функция выполняется интонацией).

§ 12. Выражение модальности. Одним из необходимых слагаемых грамматической семантики предложения является выражение модальности, т.е. выражение того, имеет ли передаваемое в предложении соотношение компонентов ситуации реальный, нереальный или потенциально возможный характер. Центром прямого выражения модальности является сказуемое. Для модальной оценки в его составе служат, во-первых, формы наклонения и времени; во-вторых, частица **не** или ее отсутствие; в-третьих (необязательно!), вспомогательные компоненты составного глагольного сказуемого типа *может, хочет, должен, можно, нужно, нельзя* и под.

¹ Влияние лексического значения существительных на их синтаксическое функционирование раскрывается в кн.: Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 1976.

Изъявительное наклонение призвано выражать реальность устанавливаемого соотношения (в разных временных вариантах!); сослагательное и повелительное — его потенциально возможный характер. Например: *Он **приехал** в субботу* — утверждение реальности события, осуществившегося до момента речи; *Он **приедет** в субботу* — утверждение реальности события по отношению к будущему; *Пусть он **приедет** в субботу* — выражение потенциальной возможности события — события, которого говорящий ожидает в результате исполнения побуждения; *Он **приехал бы*** — констатация возможности события при определенных условиях и т.д.

Вспомогательные модальные глаголы, краткие прилагательные и слова категории состояния в составном глагольном сказуемом позволяют детализировать оценку потенциально возможных связей. Ср.: *Он **может (мог)** приехать*; *Он **рад** приехать*; *Он **хотел** приехать*; *Он **должен** приехать*; *Ему **можно** приехать*; *Ему **нужно** приехать*; *Ему **нельзя** приезжать* и т.д.

Частица **не** служит для отрицания как реальных, так и потенциальных связей: *Он **не** приехал*; *Он **не** мог приехать*; *Он **не** приехал бы* и под.

Важно подчеркнуть, что выражаемая в сказуемом модально-временная оценка относится в предложении не только и не столько к действию или признаку, обозначаемому сказуемым, сколько к ситуации в целом¹. Например, в предложении *В ночной смене на этом станке работал Афанасьев* к прошедшему времени оказывается отнесенным не просто факт работы, а в совокупности факт работы Афанасьева в ночной смене на определенном станке.

Значение глагольных категорий наклонения и времени для всего предложения интересно проявляется в том,

¹ См. об этом в кн.: Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972. Гл. 4, раздел «Синтаксис». С. 267.

что категории эти выражаются и в таких предложениях, где сказуемое не обозначает действия. Для их выражения в сказуемом используются «синтаксические» показатели — определенная форма глагольной связки или отсутствие связки (нулевая связка). См., например: *Сейчас он **был бы** уже взрослый* — *Сейчас он уже взрослый* — *Через два года он **будет** уже взрослым* и т.д. Широта синтаксической роли категорий наклонения и времени, а также существование таких выразителей этих категорий, которые не связаны с употреблением знаменательного глагола, вызвали к жизни использование в современной лингвистике особых понятий — синтаксическое наклонение и синтаксическое время¹. Синтаксическое наклонение и синтаксическое время могут выражаться вообще без сказуемого. Так, предложение *Поезд!* с помощью интонации сообщения обозначает реальную ситуацию, связанную с моментом речи (т.е. синтаксический индикатив и синтаксическое настоящее время).

Дополнительными выразителями модальной оценки служат в предложении вводные слова и модальные частицы, передающие, уверен или не уверен говорящий в достоверности устанавливаемых в предложении реальных или потенциальных связей: ***Наверное**, он приехал; **Конечно**, он уже приехал; **Вероятно**, я мог бы тебе помочь; Он **как будто** расстроен; **Вроде** я где-то видел его* и под. Естественно, что выражение неуверенности ставит под сомнение реальность ситуации.

Аналогичное, но еще более косвенное влияние на выражение модальности оказывает вопросительный характер предложения. Самый факт вопроса обычно показывает, что характер ситуации говорящему полностью или

¹ См. характеристику этих понятий: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. § 1282—1284; Русская грамматика. М., 1980. Т. II. § 1894—1895; 1915—1951.

частично неизвестен. См.: *Он сдал экзамен?*; *Он сдал бы экзамен?* и под.

Однако никакие средства, указывающие на предположительный характер содержания высказывания, не подчеркивают и не «обесценивают» значимость той модальной оценки, которая дается в сказуемом. Осложняется только характер этой оценки. Форма сказуемого всегда сохраняет свою роль в том смысле, что, несмотря на выражение неполного знания реальной ситуации, говорящий с помощью сказуемого передает, какие связи он стремится выявить — реальные или потенциальные. Так, употребление изъявительного наклонения всегда показывает, что говорящий интересуется реальной ситуацией и определенным временным планом. См.: *Наверное, он сдал экзамен*; *Наверное, он сдаст экзамен*; *Наверное, он сдает экзамен*; *Он сдал экзамен?* и т.д. Сказуемое, выражающее потенциальные связи, показывает, что говорящий выясняет особенности потенциальной, а не реальной ситуации. См.: *Наверное, он сдал бы экзамен*; *Кажется, он может сдать экзамен* и под.

§ 13. Выражение различия предложений по цели высказывания. Разграничение предложений по цели высказывания, т.е. разграничение их повествовательного, вопросительного и побудительного характера, осуществляется с помощью относительно немногих средств. Прежде всего — с помощью различий в интонации: *Поезд опаздывает?* — *Поезд опаздывает*; *Встать!* — *Встать?* и под. Выразителями вопроса могут быть, кроме того, вопросительные местоименные слова и частицы. *Кто ездил на конференцию?* *Ездил ли ты на конференцию?* Выразителем побуждения чаще всего является повелительное наклонение: *Неприменно приходи на совещание*; *Пусть он придет на совещание*. О других средствах выражения побуждения см. ниже, §§ 117 и 118.

§ 14. Выражение коммуникативной акцентировки.

В выражении актуального членения, а также в коммуникативной акцентировке различных частей предложения при помощи обособления главными грамматическими средствами являются, как уже говорилось, порядок слов (см. § 5) и ритмомелодическое оформление предложения (см. § 6). В качестве дополнительных средств, подчеркивающих актуальное членение, используются некоторые частицы, выделяющие рему или тему (*Пришли даже старики; Поедут они только завтра; Дети-то будут рады; Я же ни о чем не догадывался*), и некоторые другие средства. Обособленность этой области грамматического оформления проявляется в том, что выражение различий актуального членения может осуществляться при одном и том же составе членов предложения. Ср., например: 1) *На конференцию послали Николая*; 2) *Николая послали на конференцию*; 3) *На конференцию Николая все-таки послали* и т.д.

§ 15. Выражение эмоционального отношения говорящего к передаваемой ситуации. Самая возможность выражения этого отношения связана не со всеми стилями речи: в основном она ограничена рамками разговорной, художественной и публицистической речи. В то же время даже чисто синтаксические средства выражения эмоционального отношения имеют достаточно широкий диапазон. Они включают разновидности так называемой «восклицательной» (экспрессивной) интонации, междометия, частицы, вводные слова типа *к сожалению, по счастью*, многие эмоционально окрашенные модели предложений и т.д. Естественно, что все элементы эмоциональной окрашенности предложения играют существенную роль в процессе общения. В некоторых случаях они вызывают резкий сдвиг в модальной оценке, а также в целевом назначении предложения. Например, при иронической интонации недоверия предложения типа *Он прие-*

едет! начинают указывать на малую вероятность осуществления действия и по передаваемой информации сближаются с предложениями типа *Вряд ли он приедет; Он не приедет (И не подумает приехать!)*.

§ 16. Грамматические категории предложения. За каждым из аспектов выражаемого в предложении содержания закреплены специфические, лишь частично пересекающиеся грамматические средства. Это дает право считать соответствующие значения предложения грамматическими и выделять на их основе грамматические категории предложения. Общее содержание предложения характеризуют категории модальности, целевого назначения, актуального членения (коммуникативной перспективы, в терминологии И.П. Распопова) и самая общая и широкая — категория предикативности (см. таблицу в § 18). Традиционно выделяемые члены предложения являются выражателями категорий внутреннего членения предложения.

Не все рассмотренные структурно-семантические аспекты предложения и соответствующие им грамматические категории однозначно выделяются и интерпретируются в современной лингвистической литературе, не все они получили достаточно устойчивое терминологическое обозначение. Вместе с тем объективно учение о предложении развивается именно как учение о его грамматических категориях. Так, учение о членах предложения раскрыло основные категории типов смыслового соотношения и структурной иерархии знаменательных слов в составе предложения: категорию грамматического субъекта (подлежащее), предиката (сказуемое), объекта (дополнение) и т.д. В делении предложений на повествовательные, вопросительные и побудительные давно отразилось признание категории целевого назначения предложения. Учение об актуальном членении предложения и несколько более раннее учение об обо-

соблении выявили две категории коммуникативной акцентировки частей предложения.

Трудности в выделении и характеристике отдельных категорий обусловлены целым рядом объективных факторов: многообразием тех средств, которые участвуют в выражении почти каждого из грамматических значений; взаимосвязью и взаимодействием между различными структурно-семантическими аспектами предложения; использованием одного и того же средства для выражения разных грамматических значений и т.д.

Сложное взаимодействие между категориями модальности, целевого назначения и актуального членения предложения наблюдается при выражении отношения содержания предложения к действительности. Вслед за В.В. Виноградовым большинство лингвистов связывает с передачей этого отношения широкую грамматическую категорию предложения — категорию предикативности. В качестве выразителей предикативности в настоящее время обычно называют грамматические категории синтаксического наклонения и времени¹. Граница между категорией модальности и категорией предикативности при такой трактовке оказывается стертой.

Объективно в предложении, состоящем из знаменательных слов, в выражении отношения содержания предложения к действительности участвуют по меньшей мере три общие грамматические категории предложения: категория модальности, категория целевого назначения и категория актуального членения.

Это обнаруживается в тесном взаимодействии данных категорий. Так, категория модальности передается в

¹ См., например: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. § 1282—1285; Русская грамматика. М., 1980. § 1894, 1915—1951.

наиболее обычных случаях формами сказуемого. Однако не безразличны к выражению модально-временной оценки ни категория целевого назначения, ни актуальное членение (в вопросительном предложении).

В повествовательных предложениях модально-временная оценка, выражаемая сказуемым, только скрепляется и дооформляется интонацией сообщения. Эта оценка обращена здесь непосредственно к объективным особенностям передаваемой ситуации: *Он **работал** на заводе — Он **работает** на заводе — Он **хочет работать** на заводе* и т.д.

В вопросительных предложениях модально-временное значение, передаваемое сказуемым, может быть осложнено: оно, как было показано (см. § 12), может отражать не особенности объективной ситуации, а тот модально-временной план, который интересует говорящего и по отношению к которому говорящий хочет выявить определенные особенности ситуации. Ср.: *Он **работал** на заводе? — Он **работает** на заводе? — Он **хочет работать** на заводе?* Однако если сказуемое не является ремой вопросительного предложения, то оно (как и в повествовательных предложениях) непосредственно выражает объективную модально-временную оценку той части информации, которая ему известна. Ср.: ***В каком году** он работал на заводе? Он **с мая** работает на заводе? **Почему** он хочет работать на заводе?* и т.д.

В побудительных предложениях повелительное наклонение, а также побудительная интонация, выражающие побудительную цель предложения, являются тем самым и выразителями особого типа потенциальной модальности: они указывают на такие действия, которые могут быть реализованы только при условии исполнения побуждения (см.: *Отправь посылку; Идемте; Не двигайся!* и под.).

В то же время, несмотря на тесное взаимодействие рассматриваемых категорий, в вопросительных и повествовательных предложениях каждая из них обычно сохраняет самостоятельное значение и вносит в выражение отношения содержания предложения к действительности что-либо специфическое. Так, повествовательная интонация прибавляет к модально-временной оценке, выраженной сказуемым, значение утверждения говорящим данных особенностей ситуации. Вопрос (при любой модально-временной оценке) — значение высказывания каких-либо особенностей ситуации через собеседника. Только изредка интонационное выражение модально-временной оценки сливается с выражением целевого назначения не только в побудительных, но и в повествовательных и вопросительных предложениях: *Грибы! — Грибы?* и под.

В целом выражение предикативности опирается, таким образом, на грамматические категории модальности, целевого назначения и актуального членения.

Сущность самой категории предикативности состоит в выражении соотносительности содержания предложения с действительностью через призму отношения к ней говорящего — через его утверждение определенных особенностей ситуации, вопрос о них, побуждение к осуществлению определенных действий или, наконец, через нерасчлененное выражение его эмоционального, волевого и этического отношения к ситуации (*Эх! Ну! Ладно. Наверное. Спасибо* и т.д.). Предложения последнего типа резко отличаются от предложений, состоящих из знаменательных слов, тем, что не называют ни компонентов реальной или потенциальной ситуации, ни характера эмоционального или волевого отношения говорящего (ср., например: *Эх!* и *Удивляюсь!*; *Ну!* и *Читай! Говори! Иди же! Начинай работать!*; *Ладно* и *Я согласен. Поговорю*). Смысловая и структурная «нестандартность» нерасчлененных предложений обуславлива-

ет частое отрицание у них статуса предложения¹. Лингвисты, учитывающие функционально-семантическое назначение предложения как единицы общения, а также грамматическую роль интонации, признают их предложениями и склонны считать, что эти предложения выражают категории модальности и предикативности² (конечно, имеют они и категорию целевого назначения в несколько иных вариантах, чем предложения, состоящие из знаменательных слов. Ср.: *А?* — вопрос; *Эй!* — побуждение к вниманию; *Ну еще!* — выражение отрицательного эмоционального отношения и несогласия и т.д.).

§ 17. Грамматические парадигмы предложения и его компонентов. С выражением каждой из грамматических категорий предложения связан, как было показано, свой круг грамматических средств. В тех случаях, когда грамматическая категория предполагает широкий состав частных грамматических значений, средства выражения этих значений могут образовать достаточно четкую систему соотносительных друг с другом элементов. В соответствии с каждым из присущих предложению грамматических значений предложение приобретает определенные грамматические формы. Совокупность этих форм в рамках одного и того же состава членов предложения образует парадигму возможных изменений предложения, а также парадигму возможных изменений отдельного его члена.

¹ О тенденциях к сужению понятия «предложение» и к противопоставлению предложения «фразе» и «высказыванию» в истории лингвистических учений см., например: *Виноградов В.В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике.* М., 1975. С. 53–55, 271–274; *Общее языкознание. Внутренняя структура языка.* М., 1972. С. 320–328.

² См., например: *Виноградов В.В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике.* М., 1975. С. 266–267.

Так, с выражением разных модально-временных отношений связаны модально-временные парадигмы предложения: *Он **сделает** доклад — Он **сделал** доклад — Он **будет делать** доклад — Он **делал бы** доклад; Он **рад** — Он **был рад** — Он **будет рад** — Он **был бы рад**...*¹

С выражением целевого назначения связаны парадигмы противопоставления повествовательной, вопросительной и побудительной формы предложения: *Он **рад** — Он **рад?** Ты **делаешь доклад** — Ты **делаешь доклад?** — Ты **делай доклад**. Отдельную парадигму образуют формы предложений, выражающие различия актуального членения: *Доклад **делаешь ты** — Доклад ты **делаешь** — Ты **делаешь доклад** [а не сообщение].**

Достаточно четкие парадигмы возможных изменений имеют некоторые второстепенные члены, особенно при выражении грамматических категорий места и времени. Ср.: *Посоветуемся **на совещании** (во время совещания) — перед совещанием — после совещания; Тетрадь лежит в папке — на папке — под папкой — за папкой*... И т.д.

Вместе с тем в целом синтаксические парадигмы не характеризуются той строгой очерченностью и замкнутостью, какая свойственна парадигмам морфологическим. Связано это с тем, что в выражение синтаксических значений часто втянут обширный круг принципиально различных средств. Так, грамматические значения, связанные с выражением потенциальной модальности, передаются не только с помощью форм повелительного и

¹ Только эту парадигму первоначально считала парадигмой предложения Н.Ю. Шведова. См.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. § 1285. В «Русской грамматике» (М., 1980. Т. II) понятие парадигмы предложения расширяется: как коммуникативная парадигма рассматривается совокупность видоизменений предложения в плане актуального членения (§ 1906, 2132).

сослагательного наклонения, но и вспомогательными компонентами, входящими в составное глагольное сказуемое: *Он может делать доклад — хочет делать — должен делать — решился делать...*; вводными словами и частицами: *Вероятно, он сделал доклад — Вероятно, он может сделать доклад* и т.д. Естественно, что очень важно изучать взаимодействие всех форм выражения модальности и других грамматических значений предложения, однако связать их использование с единой, замкнутой парадигмой предложения или его членов возможно далеко не всегда.

§ 18. Аспекты изучения предложения. Наличие в структуре и семантике предложения разных «слагаемых», обладающих, как было показано, известной самостоятельностью по отношению друг к другу, обуславливает возможность относительно обособленного изучения предложения в соответствующих структурно-семантических аспектах. Это получает отражение в определенной самостоятельности складывающихся в настоящее время разделов синтаксиса¹, а также в неодновременности развития разных аспектов изучения предложения в истории синтаксической науки.

Одним из центральных аспектов является изучение предложения по составу его членов. Именно состав членов предложения в их связях между собой отражает, как это было показано, основные особенности передаваемой ситуации, обозначая компоненты ситуации и характер их соотношения. Неразрывно связана с составом членов предложения и модально-временная оценка ситуации, поскольку главным выразителем этой оценки являются обычно формы сказуемого. Употребление того или иного

¹ Показательно в этом отношении создание в серии учебников по синтаксису отдельной книги И.И. Ковтуновой «Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения». М., 1976.

слова в роли определенного члена предложения и грамматическое оформление отдельных членов (в их связях друг с другом) чаще всего не зависят ни от повествовательного, вопросительного или побудительного характера предложения, ни от особенностей его актуального членения, ни от того, какая именно модально-временная оценка дается соотношению компонентов ситуации. Ср.: а) *Дом построили на берегу* — *Дом построили на берегу?* — *Пусть дом построят на берегу*; б) *На берегу построили дом* — *Дом на берегу построили*; в) *Дом строят на берегу* — *Дом построили бы на берегу* и т.д. Естественно поэтому, что рассмотрение той совокупности грамматических моделей, в соответствии с которыми формируется состав членов предложения, и изучение грамматических значений этих моделей является одной из самостоятельных задач синтаксиса. Оно было и остается первой и основной ступенью синтаксического описания (несмотря на существование разных подходов к выбору конкретных приемов такого описания).

Осознание известной обособленности разных сторон в грамматическом оформлении и семантике предложения обусловило в настоящее время поиск терминологического разграничения соответствующих, наиболее крупных структурно-семантических аспектов предложения.

Так, тот аспект, который соотносится с составом членов предложения, И.П. Распопов называет, например, *к о н с т р у к т и в н о - с и н т а к с и ч е с к и м*, противопоставляя ему *к о м м у н и к а т и в н о - с и н т а к с и ч е с к и й* аспект¹ (см. последнюю рубрику приводимой ниже таблицы²). Коммуникативно-синтаксический аспект

¹ См.: *Распопов И.П.* Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970. С. 31.

² Мы не будем комментировать здесь отраженное в таблице понятие модального аспекта, поскольку это понятие имеет непосредственную связь с рассмотренной выше категорией модальности.

И.П. Распопов связывает, во-первых, с различиями предложений по цели высказывания; во-вторых — с различиями их по актуальному членению; в-третьих — по модальности¹. Аналогичное разграничение, но с акцентом не на структурном своеобразии, а на своеобразии в передаваемом содержании, проводит Н.Д. Арутюнова — она противопоставляет друг другу номинативный и коммуникативный аспекты предложения². Содержание, выражаемое совокупностью членов предложения, Н.Д. Арутюнова оценивает как «наименование» события, ситуации.

Несмотря на удобство этих терминологических разграничений, важно осознавать их условность и во многом лишь рабочий характер. В частности, надо указать на условность резкого противопоставления коммуникативно-синтаксического и конструктивно-синтаксического или коммуникативного и номинативного аспектов.

Такое разграничение как бы предполагает, что состав членов предложения формируется без участия коммуникативных факторов. На самом деле мыслеоформляющее и коммуникативное назначение предложения проявляется во всех сторонах его содержания и структуры, в том числе в составе членов предложения. От условий речи и коммуникативных задач зависит:

- а) самая потребность в высказывании по поводу определенной ситуации;
- б) объем сообщаемых в предложении сведений о ситуации и соответственно — степень распространенности предложения;
- в) выбор для обозначения одной и той же ситуации определенной модели предложения (ср.: *А меня **мать** послала за хлебом* — *А меня **послали** за хлебом*);

¹ Соответствующую оценку категории модальности см.: *Распопов И.П.* Очерки по теории синтаксиса. Воронеж, 1978. С. 43.

² См.: *Общее языкознание. Внутренняя структура языка.* М., 1972. С. 290—297.

- г) выбор того или другого слова для употребления в роли сказуемого (ср.: *Морозные ночи **были долгими** — Долгие ночи **были морозными**; **Затихали**, удаляясь, звуки песни — **Удалялись**, затихая, звуки песни*);
- д) способы выражения отдельных членов предложения (ср.: *В комнате сидели **офицеры** — В комнате сидели **пять офицеров**; В передней висели **офицерские шинели** — В передней висели **шинели офицеров***) и т.д.

Влияние коммуникативных условий проявляется и в других особенностях лексического и грамматического выражения членов предложения: все обозначения лиц сориентированы обычно на отношения к говорящему и его собеседнику (***Ты** не понял меня — **Отец** не понял меня* и под.); модально-временная оценка ситуации дается по отношению к моменту речи.

Вместе с тем определенное право на отграничение конструктивно-синтаксического аспекта дает то, что, во-первых, только состав членов предложения обращен непосредственно к обозначению компонентов ситуации и соотношению между ними; во-вторых, в формировании состава членов предложения проявляется значительная степень независимости от тех факторов, которые определяют «чисто коммуникативные» особенности предложения — его целевое назначение и актуальное членение. Поэтому в дальнейшем изложении мы будем обращаться к понятиям конструктивного состава предложения и конструктивных типов предложения. Чисто коммуникативные аспекты предложения целесообразно рассматривать расчлененно — в соответствии с намеченными выше грамматическими категориями: целевого назначения; актуального членения (коммуникативной перспективы) и обособления.

Примечание. Среди терминов, обращенных к содержательной стороне конструктивного состава предложения, более целесообразным представляется использование термина «дено-

тативный»¹, а не «номинативный» аспект предложения. Раскрывая, что представляет собой «наименование» ситуации, Н.Д. Арутюнова пишет: «Для того чтобы смысл предложения соответствовал его денотату, необходимо не только правильно поименовать фрагменты ситуации, но и правильно поименовать связывающие их отношения»². Однако члены предложения называют (в буквальном смысле слова) только компоненты ситуации — связывающие их отношения обозначаются с помощью грамматических средств. При расширенном применении понятия «наименование» затушевывается разница между принципиально различными способами языкового обозначения — собственно номинативными и грамматическими. Кроме того, оказывается затемненным тот факт, что наименование компонентов ситуации и выражение отношений между ними осуществляется ради реализации мыслеоформляющей и коммуникативной функций предложения³.

Рассмотренные соотношения между разными сторонами содержания предложения, средствами его выраже-

¹ Денотат (от лат. *denotare* — отмечать, обозначать). Предмет или явление окружающей нас действительности, с которыми соотносится данная языковая единица (Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976. С. 92).

² Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972. С. 290.

³ Следует учитывать, что термины «номинация» и «номинативная функция» в трудах по общему языкознанию приобрели и еще более широкое значение — философское значение любой формы языкового отражения внеязыковой действительности — «обозначение всего отражаемого и познаваемого человеческим сознанием» (см.: Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977. С. 234). При таком понимании «номинативная сторона» предложения охватывает все рассмотренные нами его структурно-семантические аспекты (в указанной коллективной монографии «Языковая номинация...» В.Г. Гак, автор VI главы, обозначает эти частные аспекты «событийных номинаций», как денотативный, модальный, социальный и информативный (коммуникативный). С. 261).

ния и аспектами теоретической оценки обобщены в приводимой ниже таблице.

Основные аспекты выражаемого в предложении содержания	Основные средства выражения различных аспектов содержания	Грамматические категории предложения, соответствующие аспектам его содержания	Обобщающие терминологические обозначения различных аспектов в современной лингвистической литературе	
Компоненты обозначаемой ситуации	Знаменательные слова определенных частей речи	Категории членов предложения (категория грамматического субъекта, предиката, объекта и т.д.)	Конструктивно-синтаксический аспект (в плане выражения); деноминативный или номинативный (в плане содержания)	
Соотношение между компонентами ситуации	Грамматические формы знаменательных слов. Служебные слова			
Реальный, нереальный или потенциальный характер выражаемой ситуации	Формы наклонения и времени сказуемого	Категория модальности	Категория предикативности	Модальный аспект
Цель высказывания (цель обращения к собеседнику)	Интонация. Изъявительное или повелительное наклонение в сказуемом. Вопросительные слова	Категория целевого назначения		Коммуникативно синтаксический (коммуникативный) аспект
Коммуникативная акцентировка отдельных частей предложения	Порядок слов. Ритмомелодическое оформление предложения	Категория актуального членения (коммуникативной перспективы)		
		Категория обособления		

Основные направления классификации простых предложений

В классификации простых предложений получают отражение рассмотренные выше структурно-семантические аспекты предложения и его грамматические категории.

§ 19. В соответствии с особенностями **конструктивного** состава, предложения разграничиваются следующим образом.

1. По количеству необходимых главных членов в грамматической основе предложения различаются предложения **двусоставные** и **односоставные**. Грамматическую основу (полных!) двусоставных предложений составляют два главных члена — подлежащее и сказуемое (***Рабочие потушили свет. Зал тьмен***). Грамматическая основа односоставных предложений включает один главный член, которого достаточно для полного словесного выражения мысли (*Свет потушили. В зале темно; Тесные ряды кресел. Притихшие зрители*).

И односоставные, и двусоставные предложения неоднородны как по оформлению главных членов, так и по грамматическому значению. Рассмотрение их разновидностей составляет основу для описания грамматических моделей простого предложения. Направления этого рассмотрения не всегда совпадают. Например, в «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970) и «Русской грамматике» (М., 1980) разграничение и описание разновидностей двусоставных и односоставных предложений осуществляется на формально-грамматической основе, исходя из особенностей морфологического выражения главных членов. В соответствии с этим выделяются многообразные структурные схемы предложения, которые и составляют основу описания конструктивных типов предложения. В русской лингвистической традиции классификация разновидностей односоставных предложений имеет более обобщенный характер и осуществляется на структурно-семантической основе, а описание и классификация двусоставных предложений опирается на особенности грамматических типов сказуемого, поскольку с ними связаны не только структурные, но и важнейшие семантические различия двусоставных предложений.

2. По наличию или отсутствию второстепенных членов предложения делятся на **распространенные** и **нераспространенные**. Этот признак является важным, но по отношению к распространенному предложению слишком общим. В связи с многообразием семантико-грамматических разновидностей второстепенных членов, для предложения существен не столько факт наличия второстепенных членов, сколько то, какие они и сколько их. Пристальное внимание привлекает в настоящее время разграничение различных типов распространения. Так, выделяются: распространение обязательное и факультативное; распространение одного определенного члена предложения и распространение (детерминация) всего предложения в целом и т.д. Все эти моменты дополнительной характеристики свидетельствуют о том, что простая констатация распространенности предложения оказывается оценкой недостаточно содержательной.

3. По полноте или неполноте состава членов предложения, необходимых для законченного словесного выражения мысли, разграничиваются полные и неполные предложения. Неполные предложения являются своеобразным «усечением» полного предложения, построенного по определенной модели. См., например, вопросо-ответные реплики следующих диалогов: *«Мне тоже надо идти?» — «Н надо»; «Идти надо мне?» — «Тебе»; «Я тоже должен идти?» — «Должен».*

С коммуникативной характеристикой предложений связаны два основных направления их классификации.

1. Классификация **по целевому назначению** предполагает общую оценку предложений с точки зрения их роли в речевом общении. Исходя из этой роли, в качестве основных выделяются **повествовательные**, **вопросительные** и **побудительные** предложения.

2. Классификация **по актуальному членению** предусматривает разграничение предложений **нерасчле-**

ненных — таких, в которых все содержание предложения составляет рему высказывания (*Наступил февраль. Бушуют метели*), и расчлененных, включающих не только рему, но и тему высказывания (*Февраль | наступил; Метель | бушевала уже третьи сутки*). Детализация этого общего деления осуществляется с учетом соотношения между актуальным членением и конструктивным составом членов предложения¹.

На основе **эмоционально-экспрессивной окрашенности** выделяются восклицательные предложения.

С **модально-предикативной характеристикой** связано разграничение утвердительных и отрицательных предложений.

В особую группу выделяются так называемые **осложненные** предложения. Это предложения, включающие однородные члены, обособленные второстепенные члены предложения, вставные конструкции, вводные слова, обращения, междометия. Явления, «осложняющие» структуру предложения, имеют неоднородный характер, но объединяются тем, что они как бы дополнительно накладываются на основной структурный состав предложения, не изменяя общей схемы подчинительных связей слов.

Естественно, что в ходе развития науки появляются новые аспекты характеристики явлений и уточняются старые. Поэтому перечень направлений классификации любых объектов изучения никогда не может рассматриваться как исчерпывающий, не допускающий дальнейшего уточнения, расширения и детализации.

¹ См. опыт таких классификаций: *Распопов И.П.* Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970. Ч. 2, гл. 2; *Ковтунова И.И.* Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976. Гл. II и III.

§ 19а. Отдельное направление в современном синтаксисе составляет **функционально-семантическая** характеристика простых предложений — в соответствии с их **типовыми значениями**. Например, особый характер имеют в русском языке конструкции, выражающие обладание чем-либо. Основной из них является модель с употреблением в сказуемом форм глагола *быть* типа У него было два дома / три дочери / несколько научных трудов и под. В большинстве европейских языков этой конструкции соответствуют предложения иной модели (имеющейся и в русском языке, но более книжной по сравнению с наиболее употребительной) типа Он имел два дома / трех дочерей / несколько научных трудов и т.д. («неестественно», однако: Он имел две майки, ср.: У него было две майки).

С проблемой функционально-семантической классификации предложений тесно связаны проблемы синтаксической синонимии, способов выражения в языке различных концептов. Так, имущественное обладание может быть выражено с помощью иных синтаксических и лексических средств. Например: Он был владельцем двух домов (но: ...автором нескольких научных трудов).

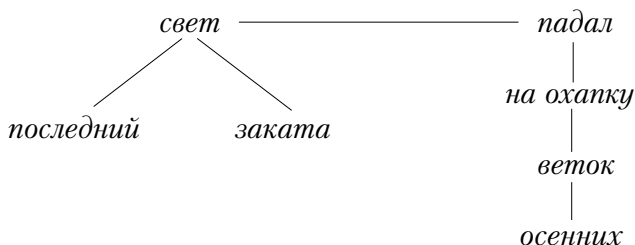
Описание предложений в соответствии с типовыми значениями постоянно обнаруживает ограничения в возможностях лексического наполнения разных конструкций. Например, значение «болезненное состояние человека» может быть выражено лишь немногими двусоставными конструкциями с подлежащим, обозначающим лицо. Ср.: Он болел / грипповал. При конкретизации значения «болел»: болел гриппом / туберкулезом / диабетом (ср.: ...был болен туберкулезом / диабетом). Но чаще: У него был грипп / туберкулез / диабет. Ср. использование разнообразных лексических конструкций при выражении болезненных симптомов: У него болит голова — Его знобит — У него озноб — Ему зябко — У него колет в боку и т.д.

Функционально-семантический подход к характеристике предложений широко используется при изучении русского языка как неродного.

Грамматическая группировка знаменательных слов в составе предложения

§ 20. Двусловные подчинительные словосочетания.

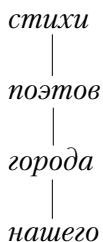
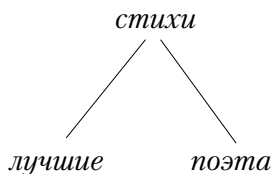
Преобладающей формой грамматического и смыслового объединения знаменательных слов в предложении является попарное (бинарное) объединение их между собой. См., например, предложение *Последний свет заката падал на охапку осенних веток* (Паустовский), где все слова охватываются таким объединением и в совокупности образуют непрерывную цепь связанных друг с другом и зависящих друг от друга слов — «дерево зависимостей»:

В центре грамматических связей слов находятся слова, выступающие в роли главных членов и составляющие грамматическую основу предложения. В двусоставном предложении это сочетание сказуемого с подлежащим — предикативное словосочетание, в односоставном — один главный член. Остальные знаменательные слова непосредственно или опосредованно подчинены словам, входящим в грамматическую основу предложения. Они включаются в предложение в соответствии с моделями его распространения и выступают в роли

второстепенных членов. Чаще всего каждое из таких слов подчинено какому-либо отдельному слову предложения и в том или ином отношении поясняет, конкретизирует его. Поясняемое слово называется **главным** (или, иначе, **стержневым, опорным**) словом словосочетания, поясняющее — **зависимым, подчиненным**. Грамматическое объединение главного и зависимого слов составляет **непредикативное подчинительное словосочетание**. Например, в приведенном выше предложении это словосочетания: *последний* ← *свет*, *свет* → *заката*, *падал* → *на охотку*, *на охотку* → *веток*, *веток* → *осенних* (стрелка направлена от главного слова к зависимому; в школьной практике зависимость одного слова от другого определяется по вопросам).

§ 21. Сложные подчинительные словосочетания. В тех случаях, когда при одном главном слове имеются параллельно подчиненные ему два или несколько зависимых слов (*лучшие стихи поэта, послал книги сестре в Москву*), а также когда несколько слов находятся между собой в отношениях последовательного подчинения (*стихи поэтов нашего города, проблема воспитания детей* и под.), образуются единства, которые называются сложными словосочетаниями. Они представляют собой комбинацию двух или нескольких простых двусловных словосочетаний: *лучшие стихи* + *стихи поэта*; *стихи поэтов* + *поэтов города* + *нашего города* и т.д. См. схемы таких словосочетаний:

Связь каждого из подчиненных слов с главным составляет в таких случаях самостоятельное (двусловное) звено грамматического оформления. Например, прилагательное *лучшие* согласуется с главным словом *стихи* независимо от того, есть или нет при главном слове *стихи* другие, параллельно подчиненные ему слова.

Объединение слов на базе двусловных подчинительных словосочетаний и их комбинаций является одной из основных и наиболее распространенных форм внутренней грамматической организации слов в предложении. Однако это не единственная форма.

Во-первых, не все трехсловные и многословные подчинительные объединения слов можно свести к комбинации простых (двусловных) сочетаний. Во-вторых, наряду с подчинительными существуют сочинительные сочетания слов. В-третьих, в предложении возможны слова (второстепенные члены предложения), которые не вступают в тесный смысловой и грамматический контакт ни с отдельным словом предложения, ни с какой-либо строго очерченной группой слов. В большинстве случаев они распространяют предложение в целом. В терминологии Н.Ю. Шведовой, это так называемые детерминанты¹. Рассмотрим перечисленные категории явлений.

§ 22. Осложненные трехсловные и многословные подчинительные словосочетания. От сложных словосочетаний отличаются такие трехсловные и многословные словосочетания, которые нельзя объяснить как результат параллельного или последовательного подчинения отдельных слов. Это осложненные словосочетания, в кото-

¹ См.: Шведова Н.Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения // Вопросы языкознания. 1964. № 2; Шведова Н.Ю. К вопросу о детерминантах (обстоятельственная и необстоятельственная детерминация простого предложения) // Филологические науки. 1973. № 5.

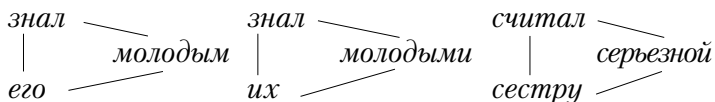
рых один из компонентов — главный или зависимый — представляет собой не отдельное знаменательное слово, а двусловное или даже трехсловное подчинительное или сочинительное словосочетание. Например:

<i>младшие</i>	←	[<i>брат и сестра</i>]	} главный компонент
<i>младшие</i>	←	[<i>брат с сестрой</i>]	
<i>первые</i>	←	[<i>пять человек</i>]	
<i>получили</i>	→	[<i>сто метров провода</i>]	} зависимый компонент
<i>продукция</i>	→	[<i>высокого качества</i>]	

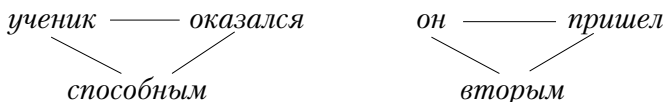
Подобные объединения слов показывают, что не во всех грамматических и смысловых связях может участвовать каждое знаменательное слово в отдельности. Так, очевидно, что в первых трех примерах зависимые слова *младшие*, *первые* связаны не с одним словом, а с целым словосочетанием. На это указывает их форма (именительного падежа множественного числа): она не может относиться в отдельности ни к одной из словоформ главного компонента во всех примерах. Нечленимость зависимого компонента в словосочетании *продукция высокого качества* явствуется из того, что ни одна из входящих в него словоформ не может быть непосредственно связана со словом *продукция*. И т.д.

При употреблении фразеологических оборотов один из компонентов словосочетания, естественно, состоит из двух и более слов. См., например: *вывели из себя* → *отца*; *зубы заговаривал* → *мне*; *сидит* → *как ни в чем не бывало*.

Особые трехчленные группировки слов складываются в тех случаях, когда одно из слов подчинено одновременно двум разным словам, каждое из которых накладывает отпечаток на его грамматическую форму. Например, в следующих сочетаниях падеж прилагательного зависит от его связи с глаголом, а род и число избираются в порядке согласования с существительным или местоимением, выступающим в роли дополнения. См:

Ср. также предикативные словосочетания типа:

и т.д.

§ 23. Сочинительные словосочетания. Сочинительные словосочетания — это сочетания однородных членов предложения. В них наблюдаются отношения смыслового и грамматического равноправия — отсутствие подчинения одного слова другому. Они могут включать любое количество знаменательных слов. См.: *в повестях, рассказах и очерках; солнечные, яркие, но холодные* и под.

§ 24. Детерминанты. Как уже говорилось, детерминанты — это такие слова (второстепенные члены), которые относятся к содержанию всего предложения или к какой-либо группе его членов. В современной лингвистике детерминант оценивается в соответствии с этим не как «присловный» зависимый компонент строго определенного словосочетания, а как «распространитель» всего предложения. В роли детерминантов могут выступать многие обстоятельства, а также некоторые дополнения, чаще всего — дополнения, обозначающие лицо, к которому как-либо относится выражаемая в предложении ситуация (типа *у нас, у директора, для нас* и под.). Детерминанты-обстоятельства выражают время, место, причину, условия (способствующие или препятствующие), с которыми связана передаваемая ситуация. Например (об А.М. Горьком): ***На родине** были кипучая жизнь, работа, дорогие ему люди* (Никулин); ***Позднее** эту пьесу смотре-*

ли моряки, красноармейцы... (Никулин); **Несмотря на писательскую интуицию, на всеобъемлющую осведомленность**, Алексей Максимович все еще не считал возможным написать пьесу на современную тему (Никулин). Дополнения типа **для него** обозначают лицо, по отношению к которому имеет силу выражаемая в предложении оценка явлений: *Рисовать было для него* [Репина] *все равно что дышать* (К. Чуковский); *Для всех людей мира полет Юрия Гагарина был полетом в страну прекрасного...* (Бражнин). Дополнения типа **у него** обозначают лиц или животных, которым (в качестве определенного признака) «принадлежит» то, о чем сообщается в предложении, при этом либо принадлежит буквально, либо только в том смысле, что сообщаемое находится в пределах «принадлежащего» лицу пространства и даже просто в сфере интересов данного лица — «личных» или деловых: **У нее** *была хорошо выезженная верховая лошадь* (Никулин); **У него** *в прошлом году на глазах офицеры... расстреляли мать и сестру* (Шолохов); **У пассажира** *возле ног лежал желтый саквояж...* (Шолохов); *...вне сомнений, у птиц существуют игры и развлечения, не связанные с практической надобностью* (Бражнин); **У него** *завтра в институте конференция и под.*

Принципиальная возможность употребления тех или иных слов и словоформ в тесной связи с определенным словом предложения или в более автономной позиции — в качестве детерминанта — зависит от выражаемого ими лексико-грамматического значения.

Например, в тесной связи с одним определенным словом обычно употребляются все слова и словоформы, функции которых устойчиво связаны с выражением признака предмета (*синее платье, ночи длинные, платье сестры*), степени признака (*очень сильный, довольно хорошо, много работает*), образа действия (*учится усердно, шли толпами*), а также с обозначением объекта действия (*запасли*

хлеба, запастись хлебом, верили в успех, сомневались в успехе).

Выразители места, времени, причины, цели, условия и уступки, а также рассмотренные выше формы типа **у него, для него** могут употребляться как в подчинении отдельному слову предложения (в «присловной позиции»), так и в роли детерминантов. Это естественно, так как со стороны места, времени, причины, отношения к лицу и т.д. могут характеризоваться как ситуация в целом, так и отдельные ее детали: предметы, действия, качественные признаки. Ср., например: *На веранде переставили стулья* — *Стулья на веранде были мокрые*; (о скворце) *У Желтухина отчаянно билось сердце* (А.Н. Толстой) — *Голова у Желтухина была закинута...* (А.Н. Толстой). Причины определенной автономности в семантике и грамматическом оформлении большинства слов с обстоятельными значениями будут рассмотрены в дальнейшем в разделе «Второстепенные члены предложения» (см. § 85).

Словосочетание как основное звено грамматического объединения слов в составе предложения

§ 25. Общая характеристика. В учении о словосочетании в русской лингвистике наблюдаются существенные расхождения, затрагивающие, во-первых, определение места словосочетания в описательном синтаксисе; во-вторых — теоретическую трактовку природы словосочетания в его отношении к предложению. С различиями этой трактовки связаны несовпадения в определении самого объема понятия «словосочетание».

Но прежде чем обратиться к анализу указанных расхождений, мы рассмотрим объективные семантические и грамматические особенности важнейших разновидностей

словосочетаний, исходя из широкой трактовки понятия «словосочетание».

В широком понимании словосочетание — это объединение минимум двух знаменательных слов, оформленное по определенной модели и выражающее в соответствии с грамматическим значением этой модели определенный тип соотношения между связанными друг с другом компонентами ситуации.

При таком понимании к словосочетаниям относятся все наиболее характерные для предложения типы грамматической группировки знаменательных слов — двучленные подчинительные объединения слов (предикативные и непредикативные) и сочетания сочинительные. При узком понимании словосочетаниями считают только непредикативные подчинительные сочетания слов.

Каждый из основных типов словосочетаний, выделяемых и рассматриваемых при широкой трактовке понятия словосочетания, отличается от других типов комплексом функционально-семантических и грамматических особенностей. Своеобразие проявляется: 1) в характере выражаемых соотношений между компонентами ситуации; 2) в коммуникативной и структурной роли в составе всего предложения; 3) в способах грамматического объединения слов.

§ 26. Различия сочинительных и подчинительных словосочетаний. Различия прослеживаются здесь по всем указанным линиям.

1. Сочинительные словосочетания призваны выражать соотношение между двумя или несколькими равноправными и в каком-либо отношении «одноплановыми» компонентами ситуации. В соответствии с этим в основе их лежит простой перечень названий таких компонентов (*окна и двери; медленно, но тщательно и аккуратно* и под.). Подчинительные словосочетания отличаются от сочинительных двумя взаимосвязанными функционально-се-

мантическими особенностями. Во-первых, в них выражается соотношение между двумя неравноправными компонентами ситуации (*окна комнаты, комната без окна, яблоки на пирог, работал медленно, работал над докладом, очень медленно, улица тиха* и т.д.). Во-вторых, они служат не для перечисления таких компонентов, а для характеристики или конкретизации одного из них.

2. Сочинительные и подчинительные словосочетания не одинаково значимы для структуры предложения.

В большинстве случаев слова в предложении грамматически объединяются друг с другом на основе подчинительных связей. Сочинительные сочетания слов (встречающиеся не в любом предложении) чаще всего входят в подчинительное словосочетание и выступают в нем в качестве единого, «расширенного» компонента — зависимого или главного. Например, в группе *его рассказы и очерки* сочинительное словосочетание *рассказы и очерки* является главным компонентом по отношению к словоформе *его* (*чьи рассказы и очерки?*). В группе *печатали рассказы и очерки* то же сочетание выступает в качестве зависимого компонента по отношению к глаголу *печатали* (*что печатали?*)¹.

Равноправие компонентов сочинительных словосочетаний проявляется в том, что, как правило, их можно свободно «свертывать» и расширять. Ни свертывание, ни расширение не приводит при этом к ломке структуры всего предложения. Ср., например: ...*Васильев двигался легко и ловко* (Нагибин) — *двигался легко* — *двигался легко, быстро и ловко* и т.д. В подчинительных словосочетаниях опускаться может (притом не всегда!) только грамматически зависимое слово непредикативного словосочета-

¹ Только изредка сочинительные словосочетания оказываются не включенными в подчинительные связи слов в предложении (*Тишина и покой; Темнеет и холодает; Душно и знойно* и под.).

ния. Например, в предложении *Мы беспрекословно подчинились его авторитету* могли бы быть опущены зависимые слова в трех словосочетаниях: *подчинились [беспрекословно]*; *[его] авторитету*; *подчинились [авторитету]*. При этом состав предложения оказался бы свернутым до главных членов. Опустить главные компоненты в тех же словосочетаниях невозможно. Это привело бы к «разрывам» в цепи связанных между собой слов. См., например: *Мы беспрекословно [подчинились] его авторитету*; *Мы беспрекословно подчинились его [авторитету]* и т.д.

3. Резко противопоставлены друг другу сочинительные и подчинительные словосочетания по способам их грамматического оформления. Так, одним из главных средств, используемых при построении сочинительных словосочетаний, являются союзы. Для установления подчинительных отношений между словами они используются редко. В подчинительных словосочетаниях существенную роль играют согласование, управление и примыкание. Компоненты сочинительных словосочетаний не могут быть связаны между собой этими способами. Различно интонационное оформление бессоюзных сочинительных и подчинительных словосочетаний. Ср., например, выделенные сочетания в следующих предложениях, рассматриваемых А.Н. Гвоздевым: *Дома улицы залиты светом* и *Дома, улицы залиты светом*. Ср. также: *Ослепительно, ярко блестят стекла* и *Ослепительно ярко блестят стекла*. Порядок слов в подчинительных словосочетаниях более жесткий и играет более существенную роль, чем в сочинительных. Например, в подчинительном словосочетании *от подруги сестры* перестановка слов невозможна без резкого изменения смысла (ср.: *от сестры подруги*). В сочинительных словосочетаниях порядок слов часто бывает безразличен (ср.: *от подруги или сестры — от сестры или подруги*).

§ 27. Соотношение предикативных и непредикативных словосочетаний. Как в характере грамматических

значений, так и в особенностях построения между предикативными и непредикативными словосочетаниями наблюдается, с одной стороны, большое сходство, с другой — ряд принципиальных различий.

Сходство определяется тем, что в разных вариантах модель предикативного словосочетания всегда выражает соотношение между предметом и его признаком (в широком понимании), т.е. то же общее соотношение, которое передается в одной из больших групп непредикативных словосочетаний — в словосочетаниях с зависимым словом-определением. Поэтому в грамматическом и лексическом выражении компонентов предикативных и непредикативных (определительных) словосочетаний наблюдается либо определенное соответствие, либо совпадение. Ср.:

Предикативные словосочетания

*деревья выросли
съехались делегаты
работа выполнена
квартира удобная (удобна)
дом (был) с балконом
береза (была) повыше*

Непредикативные словосочетания

*выросшие деревья
съехавшиеся делегаты
выполненная работа
удобная квартира
дом с балконом
береза повыше*

Совпадают и способы грамматического оформления того компонента словосочетания, который обозначает признак предмета. Чаще всего здесь используется согласование, реже — управление или примыкание.

Различия между предикативными и непредикативными (определительными) словосочетаниями связаны с принципиальными различиями их коммуникативной и грамматической роли в составе предложения.

Коммуникативной особенностью непредикативных словосочетаний является то, что в них признак указыва-

ется попутно, чтобы конкретизировать обозначение предмета (см. выше примеры правого столбца). В предикативных словосочетаниях выражение признака обязательно связано с **в ы с к а з ы в а н и е м** о предмете-носителе признака. Это либо признак, ради выявления и утверждения которого говорящий строит повествовательное, вопросительное или побудительное предложение с ремой-сказуемым (*Иван был **старшим**; Ташкентский поезд **пришел**; Пришедший поезд **был ташкентский**; Эта река **судоходна**?; Вы **останьтесь** и под.), либо тот выдвигаемый на первое место признак предмета, по соотношению с которым в предложении выявляются и утверждаются все другие компоненты ситуации: носитель признака (***Старшим** был Иван*), место проявления признака (***Судоходна** река только в устье*) и т.д. (в таких случаях сказуемое входит в тему).*

Грамматические различия предикативных и непредикативных словосочетаний определяются тем, что предикативные словосочетания выполняют, в отличие от непредикативных, две грамматические функции. Как и другие модели грамматического объединения слов внутри предложения, модели предикативных словосочетаний служат для выражения определенного типа соотношения между реалиями. Но плюс к тому они являются еще и выразителями категорий предикативности и модальности — важнейших грамматических категорий, характеризующих содержание всего предложения (см. выше, § 12, 16). Именно это обеспечивает предикативному словосочетанию роль грамматической основы, которой иногда может исчерпываться весь состав предложения.

Совмещение двух грамматических функций обуславливает большую сложность оформления предикативных словосочетаний по сравнению с непредикативными.

Как и в непредикативных словосочетаниях, в них используются согласование, управление и примыкание.

Однако, кроме того, предикативное словосочетание включает еще целый ряд элементов грамматического оформления.

1. В его построении участвуют грамматические формы наклонения и времени: *небо темнеет (темнело, темнело бы* и под.). В именном сказуемом этим обусловлено употребление связки, в том числе нулевой: *небо темнело, небо темное (было темное/будет темным); он инженер, он был инженером (будет инженером, был бы инженером)* и т.д. Словосочетание часто оказывается в связи с этим не двусловным, а трехсловным — со связочным глагольным компонентом. Непредикативные словосочетания типа *темное небо* морфологических выражений наклонения никогда не включают.

2. Грамматическое оформление качественного прилагательного в предикативном сочетании предполагает, кроме согласования, еще и выбор полной или краткой формы: *ночь темная — ночь темна*. Непредикативные словосочетания краткой формы обычно не допускают.

3. В предикативных словосочетаниях наблюдается ряд своеобразных особенностей согласования. Например, только в этих сочетаниях в согласовании участвуют формы лица: *я уезжаю; мы уезжаем; отец уезжает*. При наличии связки у сказуемого-прилагательного может отсутствовать согласование в падеже: *небо было темным; ночь была темной* (неполное согласование). В неосложненных непредикативных словосочетаниях неполное согласование невозможно. Согласование в предикативных словосочетаниях в целом играет более значительную роль, чем в непредикативных, так как согласование связки наблюдается и в тех случаях, когда слова, обозначающие признак, являются примыкающими или управляемыми: *братья были старше; дом будет без балкона* и т.д.

4. При построении простого непредикативного словосочетания жесткими нормами регламентируется обычно

оформление только одного слова — зависимого. Форма главного слова для тех смысловых отношений, ради выражения которых строится данное словосочетание, оказывается, как правило, безразличной. См., например: **вызвала, вызвали, вызовет, вызвать, вызвав, вызвавший** и т.д. → *секретаря*.

Напротив, изменение зависимого (управляемого) слова обычно резко меняет характер выражаемых отношений. Ср., например: *вызвали секретаря* — *вызвали к секретарю*.

В предикативных словосочетаниях передаваемые субъектно-предикатные отношения получают двустороннее выражение в обоих компонентах словосочетания. В типичных случаях они выражаются здесь, с одной стороны, в согласованной с подлежащим форме сказуемого, с другой — в форме подлежащего — в употреблении его в именительном падеже: *вызвал секретарь*. Отношения здесь близки к отношениям **взаимной** грамматической зависимости: подлежащее требует от сказуемого согласования, а сказуемое от подлежащего — употребление в именительном падеже для обозначения субъекта, ср.: *вызвал секретарь* — *вызвали секретаря*.

§ 28. Классификация непредикативных подчинительных словосочетаний. По сравнению с другими типами словосочетаний непредикативные подчинительные словосочетания характеризуются наибольшим грамматическим и семантическим многообразием, что обуславливает необходимость различных направлений классификации и анализа этих словосочетаний.

Наиболее крупное грамматическое деление предусматривает разграничение словосочетаний в соответствии с тем, к какой части речи принадлежит главное слово. Основными типами словосочетаний, выделяемыми по этому признаку, являются словосочетания **глагольные** — с главным словом-глаголом, **субстан-**

т и в н ы е — с главным словом-существительным, а д ъ -
е к т и в н ы е — с главным словом-прилагательным и н а -
р е ч н ы е — с главным словом-наречием. Своеобразие
каждого из этих крупных разрядов определяется тем, что
принадлежность слова к той или иной части речи много-
образно влияет на его способность к формированию раз-
личных типов непредикативных словосочетаний (характер
такого влияния будет раскрыт в последующем изложении).

Более детальная классификация словосочетаний по
грамматическим (формальным) признакам предполагает
деление каждого из этих разрядов на более мелкие группы
в соответствии с грамматическим характером зависимого
слова. Например, среди субстантивных словосочетаний раз-
личаются словосочетания с зависимым прилагательным
(*огромные корпуса*), с зависимым существительным (*кор-
пуса завода*), с зависимым наречием (*яйца всмятку*), с
зависимым инфинитивом (*привычка спорить*). Словосо-
четания с зависимым существительным делятся на слово-
сочетания с беспредложными формами каждого из косвен-
ных падежей (*ответ противника, ответ противнику, за-
нятия физикой*) и с различными предложно-падежными
формами (*дом из камня, дом без окон, дом в саду* и под.).

Наиболее общее деление непредикативных подчини-
тельных словосочетаний на с м ы с л о в о й основе нераз-
рывно связано с классификацией второстепенных членов
по их семантическим функциям, поскольку в качестве за-
висимого компонента непредикативного словосочетания
всегда выступает тот или иной второстепенный член.
В соответствии с семантическим разграничением второ-
степенных членов различаются и типы словосочетаний:
о п р е д е л и т е л ь н ы е (или а т р и б у т и в н ы е) — с за-
висимым словом-определением (*широкое поле, ржаное
поле, поля колхоза*); а п п о з и т и в н ы е — разновидность
определятельных — с зависимым словом-приложением
(*инженер-электрик, женщина-мать*); о б ъ е к т н ы е —
с зависимым словом-дополнением, выражающим объект

действия или объект, на который распространяется качественный признак (*решить задачу, думал о школе, типичный для эпохи*), и обстоятельственные — зависимым словом-обстоятельством (*занимался в библиотеке, занимался по вечерам, ошибся по невнимательности*). Выделение этих широких разрядов важно для характеристики целого ряда общих особенностей системы словосочетаний: с каждым из разрядов связаны свои средства и приемы грамматического оформления; между разными разрядами наблюдаются существенные различия в степени грамматической и семантической спаянности компонентов и т.д.¹ В то же время изучение и описание всего многообразия существующих в языке разновидностей словосочетаний делает необходимой их более конкретную семантическую характеристику. Осуществляется эта задача по-разному, в зависимости от теоретических и практических целей изучения.

§ 29. Общие принципы построения непредикативных словосочетаний. Непредикативные словосочетания строятся по моделям синтаксического распространения знаменательного слова. Общие принципы такого распространения во многом определяются грамматическими особенностями и лексическим значением распространяемого и поясняемого слова — главного слова словосочетания.

Роль главного слова в построении словосочетаний заключается в том, что от его особенностей зависят потенциальные возможности его распространения, именуемые в современной лингвистике активной (иначе — прямой) синтаксической валентностью слова², или синтаксической сочетаемостью.

¹ Подробнее это будет раскрыто при характеристике второстепенных членов предложения.

² Способность к употреблению в роли зависимого компонента при определенных типах главных слов называется пассивной (или обратной) валентностью.

Самые широкие закономерности в распространении слова связаны с принадлежностью его к определенной части речи.

Во-первых, разные части речи вообще обладают неодинаковой способностью подчинять себе зависимые слова. Максимально активны в этом отношении глаголы и существительные. В гораздо меньшей степени этой способностью характеризуются прилагательные и наречия: в силу своего категориального значения они обычно выполняют роль зависимых, а не главных компонентов словосочетания.

Во-вторых, от части речи зависит возможность или невозможность подчинять определенные грамматические типы зависимых компонентов. Например, при глаголе возможны в качестве таких компонентов существительные, наречия, деепричастия, инфинитив, но обычно невозможны прилагательные. При существительном, напротив, чаще всего употребляются прилагательные, возможны зависимые существительные, но, как правило, невозможны наречия, редко употребляется инфинитив, совсем невозможны деепричастия. Зависимые существительные при словах разных частей речи нередко используются в различных грамматических формах. Так, для обозначения прямого объекта при глаголе употребляется винительный падеж, а при отглагольном существительном — родительный или изредка та или иная предложно-падежная форма: *проверять работу — проверка работы, открыть выставку — открытие выставки, любить физику — любовь к физике*.

В-третьих, опосредованно — через особенности лексического значения — с принадлежностью к части речи связана степень обязательности распространения. Наиболее часто обязательным является распространение глаголов, многие из которых обозначают действие, направленное на объект, и требуют обозначения этого объекта: *открыл*

дверь, всматривался в лицо, прислушивался к голосам, помог матери и т.д. У других частей речи потребность в объяснительном распространении возникает реже.

В-четвертых, с принадлежностью к части речи во многом связаны типы смысловых отношений, которые можно выразить при распространении слова.

Кроме грамматических особенностей слова, на его способность подчинять себе зависимые компоненты влияет его лексическое значение: от характера того явления, которое обозначается словом, зависят возможные направления его семантической конкретизации. Направления эти определяются закономерными связями между явлениями действительности. Например, существительные, обозначающие бытовые предметы — артефакты, легко образуют словосочетания с зависимыми словами, характеризующими эти предметы по назначению, материалу изготовления, по личной принадлежности, по сопровождающим предметным деталям, по местонахождению, по качественным признакам. См.:

<i>игрушки</i> —	— для елки (елочные)
	— из пластмассы (пластмассовые)
	— Пети (Петины)
	— с этикетками, без этикеток
	— в коробке, на полке
	— красивые, разноцветные

В отличие от существительных этого типа, при наименованиях конкретных предметов, не являющихся продуктом целенаправленной созидательной деятельности человека, указания на назначение и материал обычно не допускаются. Например, слова *озеро, дерево* не образуют словосочетаний, аналогичных словосочетаниям *бассейн для плавания, плавательный бассейн; столб для качелей* и под.

Значение зависимого слова определяется тем, что именно оно играет активную роль в грамматическом оформлении словосочетания и в выражении определенного типа смысловых отношений.

Грамматические особенности этого слова обуславливают использование разных способов связи между компонентами словосочетания и разное расположение главного и зависимого компонентов. Так, если в качестве зависимого слова употребляется **прилагательное** (или слово, подобное ему по характеру словоизменения), связь осуществляется посредством **согласования** и зависимое слово ставится чаще всего **перед главным**; если зависимое слово — **существительное**, оно связывается с главным посредством **управления** и обычно ставится **после него**; если **наречие** или **простая форма сравнительной степени прилагательного**, то используется **примыкание**. Ср., например: ***березовые** почки — почки **берез**; **снежная** крепость — крепость **из снега**; **маленькая** птичка — птичка **поменьше**; **угрюмый** взгляд — взгляд **исподлобья*** и т.д.

Характер устанавливаемых в словосочетании смысловых отношений получает выражение в зависимом слове: на тип этих отношений оно указывает своей грамматической формой и лексическим значением. Ср., например, ***взял вилку** — **взял вилкой** — **взял весной**; **подарок брата** — **подарок брату**; **ехали ночью** — **ехали берегом** — **ехали рысью*** и т.д.

В целом формирование непредикативных словосочетаний связано со следующими общими закономерностями: а) осуществляется оно в рамках сочетательных (валентных) возможностей главного слова; б) реализация одной или нескольких из этих возможностей зависит от коммуникативных задач высказывания; в) грамматическое и лексическое выражение отношений между компонентами словосочетания осуществляется с помощью зависимого слова.

Способы подчинительной связи слов

§ 30. Общая характеристика. В выражении подчинительных связей слов участвует целый комплекс грамматических средств: грамматические формы знаменательных слов, порядок слов, интонационные средства. В настоящем разделе будут рассмотрены те способы выражения подчинительных связей, которые опираются на морфологические свойства знаменательных слов. В силу того, что русский язык обладает развитой системой склонения и спряжения, способы эти имеют очень важное значение. Основными из них являются традиционно выделяемые согласование, управление и примыкание — способы оформления слов, употребляемых в грамматически зависимой позиции. Использование определенного способа диктуется морфологическими особенностями той части речи, к которой принадлежит зависимое слово словосочетания или детерминант. Если это прилагательное или слово, сходное с ним по формам словоизменения, а также личный глагол, они оформляются при помощи согласования; если существительное или какое-либо другое слово с предметным значением — при помощи управления; неизменяемым словам и словоформам свойственно примыкание (*балконная дверь, дверь на балкон, дверь слева*).

Те грамматические категории, которые должны быть выражены согласуемой или управляемой формой, имеют особый характер. Они специализировались для выражения смысловых и грамматических связей между словами. В отличие от других категорий, они не имеют непосредственного отношения к особенностям самой обозначаемой реальности. Так, если категория числа у существительного передает различия в количестве предметов, а род может выражать пол человека или животного, то падеж никогда не обращен к характеристике самого предмета (ср.: *при-*

езжала **сестра**, встречали **сестру**, встречались **с сестрой** и т.д.). У прилагательных с характеристикой обозначаемого ими признака не связаны ни род, ни число, ни падеж. Выражение этих грамматических категорий невозможно вне связи прилагательного со словом, обозначающим предмет-носитель признака (ср.: **черное платье**, **черные туфли**). Все это чисто «синтаксические» категории (термин А.М. Пешковского).

Согласование

§ 31. Общая характеристика. **Согласование** — это уподобление слову с предметным значением в тех грамматических категориях, которые выражаются окончанием зависимого слова. В качестве зависимых слов при согласовании выступают части речи и словоформы, обозначающие признак предмета (включая действие — активный, процессуальный признак): прилагательные, причастия, местоимения-прилагательные, личные глаголы и отчасти числительные.

В уподоблении могут участвовать разные грамматические категории и неодинаковое их количество — в зависимости от того, какие категории способно передать окончание согласуемого слова. Например, у полных прилагательных, причастий и местоимений в форме единственного числа в согласовании участвуют три грамматические категории: род, число и падеж (**высокое дерево**, **на цветущей липе**, **мой друг**), в форме множественного числа — две: число и падеж (**высокие деревья**, **цветущие липы**, **у моих друзей**); у кратких прилагательных, причастий, глаголов прошедшего времени в форме единственного числа — две категории: число и род (**липа высока и стройна**; **дуб посажен**; **дерево выросло**), в форме множественного числа — только одна: категория числа (**липы стройны и высоки**, **дубы посажены**, **деревья выросли**); у

глаголов в формах настоящего и будущего времени — две категории: лицо и число (*я уезжаю, вы уедете*).

В силу специфики грамматического уподобления, характерной особенностью согласования является то, что при изменении формы главного слова или его замене словом другого грамматического типа требуются соответствующие изменения согласуемого слова. Ср., например: **способный** ученик — **способным** учеником — **способные** ученики — **способная** ученица; *я прочитаю, кто-нибудь прочитает, вы прочитаете* и т.д.

§ 32. Семантико-грамматические функции согласования. Дублируя грамматические категории того или иного слова с предметным значением, согласуемая форма, во-первых, максимально отчетливо указывает на связь с этим словом и, во-вторых, выявляет, какому предмету принадлежит признак. Ср., например, словосочетания *приятному человеку*, где согласование показывает, что носитель признака — человек, и *приятная человеку*, где согласования нет и носитель признака остается неназванным (ср. сложное словосочетание *приятная человеку мысль*). См. также сложные словосочетания, в которых именно согласование выражает, какой из названных предметов является носителем признака: *мать товарища, приходившая меня навестить* — *мать товарища, приходившего меня навестить*.

Согласуемые грамматические категории у зависимого слова несамостоятельны. Они имеют отраженный характер. Своим значением они обращены не к характеристике признака, а к характеристике предмета, являющегося носителем признака. С этим связана еще одна (дополнительная) функция согласования. Как указывает А.Н. Гвоздев¹, грамматические категории главного слова могут получать в русском языке многократное повторное

¹ См.: Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. М., 1973. Ч. II: Синтаксис. С. 30.

выражение в согласуемых словах. См., например: *Приехала моя старшая сестра* — *Приехали мои двоюродные сестры*.

§ 33. Разновидности согласования. Конкретные приемы согласования не всегда одинаковы. Их качественные различия в основном зависят от того, обладает ли главное слово категориями рода и числа, которые имеет и должно выразить в своей форме слово подчиненное. При их наличии подчиненное слово просто повторяет эти категории, чисто грамматически уподобляясь главному слову. Это обычный, наиболее распространенный прием, который можно назвать собственно грамматическим согласованием. В случаях когда хотя бы одна из этих категорий отсутствует или не соответствует реальным свойствам обозначаемого предмета, а также когда главный компонент представляет собой сочетание слов, — вступают в действие другие (осложненные) приемы.

Первый из таких приемов — согласование с м ы с л о в о е. При его использовании форма подчиненного слова отражает не грамматические категории главного слова, а непосредственно реальные признаки обозначаемого им предмета — пол человека или животного, единичность или множественность конкретных предметов. См., например: *я сел* — *я села*; *вы способный* — *вы способная* — *вы способные*; *секретарь не ответила*; *мои отец с матерью*; *следующие пять человек*; *страшный плакса* — *страшная плакса*¹.

Второй из осложненных приемов — согласование у с л о в н о - г р а м м а т и ч е с к о е. Это традиционно сложившаяся немотивированная форма «приспособления» к определенным типам господствующих компонен-

¹ В ряде случаев смысловое согласование становится единственным средством информации о предметном содержании главного компонента: Ср.: *На площади стояло такси* — *стояли такси*; *Председатель встал* — *встала* и под.

тов, не имеющих категорий рода и числа. Чаще всего такой формой служит нейтральная и «обезличенная» форма единственного числа среднего рода или 3-го лица единственного числа (в настоящем и будущем времени): *шло (идет)* «Много шума из ничего» (ср.: *шла* «Бесприданница»); *ранено пять человек; громкое ура; что-то случилось* и т.д. Только при местоимении *кто* и его производных употребляется иная форма — форма единственного числа мужского рода: *Кто вчера к вам приходил?; Кто-то вчера к ним приходил* (независимо от количества приходивших и их пола — хотя данные эти могут быть известны говорящему).

Третий прием — согласование ассоциативно-грамматическое. Это согласование с родовым нарицательным наименованием, с которым ассоциируется несклоняемое существительное. Например: *Тарту возник в утреннем тумане, зимний, жемчужно-серый...* [город]; *по мнению американской «Нью-Йорк геральд трибюн»* [газета]; *Главная авеню города также украшена флагами* [улица] и т.д.

§ 34. Неполное согласование. Особняком стоят случаи так называемого неполного согласования, когда согласование захватывает не все категории, в которых способно согласоваться зависимое слово. Ср., например: *День был теплый*, где прилагательное воспроизводит род, число и падеж существительного *день*, и *День был теплым*, где род и число согласованы, а падеж не согласован.

Неполное согласование обычно наблюдается там, где а) отсутствует непосредственная грамматическая связь со словом, обозначающим носителя признака, и б) связь имеет характер двустороннего или взаимного подчинения. Так, в конструкциях типа *День был теплым* возможность неполного согласования определяется наличием связки, обуславливающей подчинение и слову *день*, и связке. В силу этого зависимость от существительного *день* ста-

новится опосредованной. Показательно, что без связки согласование обязательно полное: *День **теплый***. В словосочетаниях типа ***два окна, обе стены***, а также в выделительных оборотах типа ***старшая из девочек, старший из мальчиков*** наблюдаются отношения взаимного подчинения. Числительное и прилагательное подчиняют себе падежную форму существительного (без предлога и с предлогом), а существительное требует от них согласования в роде.

Интересны те случаи неполного согласования, которые показывают, что согласование в роде и числе со словом, обозначающим носителя признака, может выходить далеко за рамки непосредственно связанных между собой слов. См., например: *Приехав еще **молодым** на Север, **он** остался там на всю жизнь*. Ср.: *Приехав еще **молодой** на Север, **она** осталась там на всю жизнь*.

Поэтому определение согласования только как формы грамматического уподобления слов **в составе словосочетания** не исчерпывает всех случаев согласования. Вместе с тем во всех частных особенностях согласования ярко проявляется единство его основных черт. Специфику согласования всегда составляет отражение грамматических или смысловых особенностей слова, обозначающего предмет-носитель признака¹.

Управление

§ 35. Общая характеристика. Управление — такой способ выражения грамматической связи слов, при котором слово с предметным значением ставится в определенной падежной или предложно-падежной форме в со-

¹ Рассмотрение других, более частных вопросов согласования, в том числе дискуссионного вопроса о согласовании в лице, см.: *Скобликова Е.С.* Согласование и управление в русском языке. М., 1971; М., 2005.

ответствии с характером передаваемых смысловых отношений. Избираемая форма призвана передавать, как обозначаемый предмет соотносится с теми предметами и явлениями, которые выражаются главным словом словосочетания или содержанием всего предложения (в случае оформления детерминантов). Ср.: *кран **умывальника*** — *кран **от умывальника*** — *кран **для умывальника***; *достал **ножницы*** — *достал **ножницами*** — *достал **из-под ножниц***; *прошел **огородами*** — *прошел **мимо огородов***; ***В городе** обстановка не изменилась* — ***За городом** обстановка не изменилась* и т.д.

Каждая из форм закрепляется за выражением определенного типа смысловых отношений — в соответствии с одним из своих грамматических значений (в отдельных случаях уже стершихся). Так, в словосочетании *кран умывальника* родительный падеж зависимого существительного указывает на «принадлежность» *умывальнику* — на то, что кран является частью *умывальника* (ср.: *ножка стола, ветви дерева, листки календаря* и т.д.). В словосочетании *кран от умывальника* устанавливаются отношения отделенной части; в словосочетании с формой *для умывальника* — назначение предмета и т.д.

§ 36. Факторы, определяющие выбор управляемой формы. На выбор формы управляемого слова в совокупности может влиять достаточно сложный комплекс факторов — смысловых, грамматических, лексико-фразеологических, стилистических.

В соответствии с функциями управления основным и постоянно действующим фактором в этом комплексе является фактор смысловой. Форма управляемого слова всегда должна соответствовать тому типу соотношения между компонентами ситуации, который нужно выразить с ее помощью (см. выше примеры типа *достал ножницы* — *достал ножницами*). Влияют ли на выбор управляемой формы еще и другие факторы — это в большой мере зави-

сит от того, для выражения какого общего типа смысловых отношений она служит.

Максимальное количество воздействующих условий наблюдается при передаче объектных отношений. Помимо характера выражаемых отношений, выбор управляемой формы в объектных словосочетаниях нередко зависит от свойств главного компонента: а) от его грамматических особенностей; б) от конкретного лексического выражения.

Грамматическое воздействие главного слова чаще всего связано с принадлежностью его к определенной части речи. Например, при глаголе прямой объект обозначается винительным падежом, при отглагольном существительном — родительным без предлога, иногда предложно-падежными формами: *перевозить грузы* — *перевозка грузов*; *отменить решение* — *отмена решения*; *выращивать деревья* — *выращивание деревьев*; *презирать опасность* — *презрение к опасности* и т.д.

Лексико-фразеологическое воздействие проявляется в том, что выбор разных управляемых форм (при выражении одинаковых смысловых отношений!) зависит от того, какое именно слово употребляется в роли главного. Например, для обозначения адресата передачи информации при одних глаголах употребляется дательный, при других — винительный падеж:

<i>сообщил</i>	} командиру	<i>известил</i>	} командира
<i>передал</i>		<i>уведомил</i>	
<i>доложил</i>			
<i>рапортовал</i>		<i>информировал</i>	

При выражении обстоятельственных отношений влияния главного слова на выбор управляемой формы в большинстве случаев не наблюдается. Зато нередко выбор этот зависит от конкретного лексического выраже-

ния самого подчиненного компонента. Ср., например: *жили в деревне* — жили *на хуторе*; *приехал с Украины* — *приехал из Белоруссии*; *вернулся на рассвете* — *вернулся в сумерках (в сумерки)*; *вспыхнул с досады (от досады)* — *вспыхнул от негодования* и т.д.

Иногда при одинаковых условиях допускается употребление двух или более управляемых форм: *говорили о школе (про школу, насчет школы)*; *обедали в кухне (на кухне)*; *побледнел от злости (со злости)* и т.д. При выборе одной из подобных форм нередко учитываются их стилистические свойства, например, разговорный характер предложно-падежных форм типа *про школу, насчет школы, со злости*.

Рассмотрение факторов, обуславливающих выбор той или другой управляемой формы, важно как с практической, так и с теоретической точки зрения.

В традиционном определении управления, идущем от грамматик первых десятилетий XIX в., сосредоточивается внимание на том, что при управлении главное слово в силу своего лексического или грамматического значения требует от подчиненного определенного падежа с предлогом или без предлога¹. Определение это предполагает, что выбор управляемой формы непосредственно обусловлен особенностями главного слова. Если бы это было справедливо, то самая зависимость субстантива от того или другого главного слова с непреложностью подсказывала бы его употребление в той, а не в другой форме (как это обычно бывает при согласовании). Между тем при одном и том же главном слове (и при одном и том же его значении!) подчиненные слова могут стоять в разных формах; ср.: *рассказал матери* — *рассказал о матери*; *подарок сестре* — *подарок сестры (от сестры)*; *восхищение брата* — *восхищение братом* и под. Поэтому очевидно, что основ-

¹ См.: Грамматика русского языка. М., 1954 (1960). Т. II: Синтаксис, часть первая, § 10. С. 22.

ным и постоянным условием, определяющим выбор управляемой формы, является потребность выразить тот или иной тип смысловых отношений¹.

§ 37. Сильное и слабое управление. Во многих случаях между значением главного слова и теми смысловыми отношениями, которые передаются с помощью управляемой формы, наблюдается органическая связь. Особенно тесной эта связь оказывается тогда, когда выражаемый тип соотношения с предметом обязательно предполагается лексическим или грамматическим значением главного слова, «подсказывается» этим значением². Так, например, закономерная связь между глаголами речи и управляемыми формами, обозначающими собеседника (*сказал, ответил, рассказал, доказывал, объяснял* → *ему*; *спросил* → *его, у него*; *разговаривал* → *с ним*), а также тему речи (*сказал, рассказал, упомянул, спросил* → *о матери, про школу* и т.д.). Так же закономерно выражители темы подчиняются глаголам мысли (*думал, размышлял, вспоминал* → *о школе*). Глаголы созидания устойчиво употребляются с формами, обозначающими создаваемый объект (*строить мост, шить платье, разработать проект, написать рассказ*).

¹ Важно подчеркнуть, что смысловой фактор сохраняет свою силу и в тех случаях, когда наряду с ним действуют и другие факторы. Так, на выбор управляемой формы *к отцу* в словосочетании *уважение к отцу* влияют и грамматическая природа главного слова (ср.: *уважение к отцу*, но *уважает отца*), и конкретное лексическое выражение главного компонента (ср.: *уважение к отцу*, но *преклонение перед отцом*). В то же время ясно, что форма *к отцу* избирается не автоматически под влиянием главного слова *уважение*, а исходя из необходимости выразить объектные (а не субъектные) отношения (ср.: *уважение к отцу*, но *уважение отца*).

² Выше (см. § 4) уже говорилось, что от лексического значения слова вообще зависит, в выражении каких типов отношений между реалиями оно может участвовать.

Если главное слово допускает выражение определенных отношений, но прямо на них не указывает, употребление соответствующих зависимых форм является менее регулярным, а связь с этими формами менее тесной и для самого главного слова не необходимой. Например, глаголы *разговаривать*, *заниматься* или *шить* позволяют выразить соотношение действия с пространственным ориентиром (*разговаривали в комнате, за стеной, около института*), но сами по себе они не требуют его выражения, в отличие, например, от глаголов *находиться*, *оставаться*, *ехать*, *везти*, которые обязательно предусматривают выражение пространственных отношений (где? куда?).

Разграничение фактов управления с точки зрения наличия или отсутствия необходимой связи между значением главного слова и употреблением при нем определенных типов управляемых форм впервые было дано А.М. Пешковским, который ввел понятия *сильного и слабого управления*: при сильном управлении наблюдается наличие такой связи, при слабом — ее отсутствие. Проводя это разграничение, А.М. Пешковский в то же время подчеркивает: «...в области сильного управления можно различать разные степени силы, т.е. разные степени необходимости связи между падежом (или предлогом с падежом) и глаголом...»¹

Объективно явления, связанные со степенью силы управления, относятся не столько к чисто грамматической сфере, сколько к сфере семантической. Сила управления, т.е. степень «предсказуемости» управляемой формы, степень ее необходимой связи с главным словом, в разных случаях очень индивидуальна и проявления ее многообразны. Зависит она от того, насколько конкретно значение глагола предсказывает возможные типы соотно-

¹ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 287.

шения с предметом. Например, по степени силы управления различны словосочетания типа *вложил в книгу* и *положил в книгу*. Глагол *вложил* благодаря приставке **в-** предполагает строго определенное направление перемещения (перемещение внутрь предмета) и потому допускает при себе только форму, выражающую именно это направление. Глагол *положил* не конкретизирует соотношение с пространственным ориентиром и потому в принципе может сочетаться с разными предложно-падежными формами, передающими общее значение «к у д а»: *положил на книгу, под книгу, около книги*. Несмотря на эту разницу, на грамматический выбор формы сила управления сама по себе не влияет. Общий принцип употребления формы *в книгу* в обоих случаях одинаков: она избирается из числа форм типа *на книгу, под книгу, за книгу* и под. потому, что перемещение во внутренние границы предмета обозначается в русском языке формой типа **в** + вин. пад.

Поэтому, когда, игнорируя семантическую сущность «силы» управления, многие лингвисты предпринимают попытки интерпретировать ее как явление чисто грамматическое и в связи с этим вывести слабое управление (как понимал его А.М. Пешковский) за пределы управления и отнести его к примыканию, это ведет к неоправданному разобщению фактов, имеющих одну и ту же грамматическую природу (а вместе с тем — и к нарушению единого классификационного принципа в разграничении согласования, управления и примыкания)¹.

Примыкание

§ 38. Общая характеристика. П р и м ы к а н и е — это способ грамматического подчинения несклоняемых и не-

¹ О различиях в понимании управления см.: Скобликова Е.С. Согласование и управление в русском языке. М., 1971. С. 7–27, 62–77.

спрягаемых слов и словоформ, которые не способны выражать синтаксическую связь с другими словами путем изменения своей формы.

Наиболее типичные примыкающие компоненты — наречия и простые формы сравнительной степени прилагательных и наречий. На связь с определенным словом предложения или на роль детерминанта сами они не указывают. Конкретные связи их внутри предложения отчасти устанавливаются на смысловой основе, а грамматически выражаются с помощью порядка слов и ритмомелодического членения предложения¹. Роль этих грамматических средств особенно заметна в тех случаях, когда по смыслу неизменяемое слово может примкнуть к разным словам предложения. Ср., например: ***К дому слева** | подъехала машина* — *К дому | **слева подъехала** машина* — *К дому | **подъехала слева** | машина*; ***Девочка поменьше** | расспрашивала меня о Наташе* — *Девочка | **поменьше расспрашивала** меня о Наташе*.

В отличие от управляемых форм, примыкающие наречия неспособны грамматически дифференцированно передавать различные смысловые отношения. Они могут разграничивать их только путем лексического выбора **р а з н ы х** слов. При управлении различные смысловые отношения могут выражаться за счет употребления разных падежных и предложно-падежных форм **о д н о г о** и **т о г о ж е** зависимого слова. Ср., например:

¹ Следует отметить, что наречия на **-о, -е** (*быстро, хорошо, громко, вызывающе* и под.) совсем неспособны употребляться при существительном, лишь изредка встречаются при прилагательных и наречиях (*хорошо видный, вызывающе громкий, вызывающе громко*) и используются преимущественно при глаголах. Поэтому обычно их употребление косвенно указывает на связь с глаголом.

<i>ехали</i> →	{	<i>прямо</i> <i>вперед</i> <i>назад</i> <i>вправо</i>	→	{	<i>лесом</i> <i>в лес</i> <i>из леса</i> <i>к лесу</i>

§ 39. Вопрос о примыкании глагольных форм. Среди глагольных форм примыкающими являются неизменяемые формы: а) типа *прыг, бух, трах*; б) повелительного наклонения, когда они употребляются вместо изъявительного или сослагательного наклонения; в) инфинитив; г) деепричастия.

Неизменяемость этих глагольных форм приводит к отсутствию согласования, свойственного личным глаголам. Ср., например:

Кошка — прыг!
Они — прыг!
Я — бежать.
Мы — бежать.
А я и приди.
А они и приди.

Кошка прыгнула.
Они прыгнули.
Я побежал.
Мы побежали.
А я и пришел.
А они и пришли. И т.д.

В то же время употребление этих форм не во всем типично для примыкания: оно лишено того безразличия к грамматической форме зависимого слова, которое характерно для обычного примыкания. Использование их связано не с выбором определенного (неизменяемого) слова, а с выбором одной из грамматических форм разветвленной глагольной парадигмы. Поэтому сама их неизменяемость условна: употребление каждой из таких форм представляет собой одно из проявлений грамматической изменяемости глагола; каждая форма противопоставлена другим глагольным формам и специализировалась для выражения определенных семантико-синтаксических отношений. Ср., например: *Они шли и разговаривали* — *Они*

шли, **разговаривая** — Они *шли* **разговаривать** с директором. Личный глагол *разговаривали* в первом предложении находится с глаголом *шли* в сочинительных отношениях. Форма деепричастия *разговаривая* указывает на подчинение глаголу *шли* и выражает сопутствующее, добавочное действие. Инфинитив *разговаривать* тоже указывает на подчинение глаголу *шли*, но обозначает действие, являющееся целью перемещения. Та грамматическая значимость, которая присуща выбору любой глагольной формы, характеризует и употребление несогласуемых глагольных форм в случаях типа *А кошка — прыг!*; *А я и прыди!* и под. Во-первых, формы обоих типов выступают обязательно как выразители сказуемого. Во-вторых, по сравнению с согласуемыми формами (*прыгнула*, *пришел*) каждая из них является носителем какого-либо дополнительного значения: стремительности, неожиданности, нежелательности действия для кого-либо. Поэтому обычная оценка всех рассмотренных «неизменяемых» глагольных форм просто как примыкающих — оценка условная и не вполне точная. Вместе с тем она приемлема, поскольку подчеркивает существенную объективную особенность этих форм — их несогласуемость.

Соотношение учения о словосочетании и предложении в русской лингвистике

§ 40. Место учения о предложении и словосочетании в структуре описательных грамматик. В истории русской лингвистики, как уже указывалось, наблюдаются существенные расхождения, с одной стороны, в практическом решении вопроса о месте словосочетания в структуре описательной грамматики, с другой — в теоретической трактовке природы словосочетания в его отношении к предложению.

Хотя в русских грамматиках XVIII — первой трети XIX в. нет самого термина «словосочетание», но содержание синтаксических разделов обращено в них преимущественно к законам синтаксического соединения слов — к описанию правил построения словосочетаний. Эта тенденция наблюдается в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова (1755), синтаксический раздел которой именуется «О сочинении частей слова» (т.е. частей речи)¹, и у его последователей, в частности — в академической «Российской грамматике» (1802, 1819) и в «Русской грамматике» А.Х. Востокова (1831 и последующие издания). И в академической грамматике, и у А.Х. Востокова синтаксический раздел дается под общим заголовком «О словосочинении»: «Словосочинение есть часть Грамматики, показывающая правила, по коим совокуплять должно слова в речи», — пишет А.Х. Востоков². Детализированное описание конкретных разновидностей словосочетаний составляет основное содержание грамматик первой трети XIX в.

Однако постепенно усиливается и внимание к основной коммуникативной единице — предложению. Например, по сравнению с академической грамматикой 1802 г. в грамматике А.Х. Востокова и в «Практической русской грамматике» Н.И. Греча (1827 и последующие издания) удельный вес сведений о предложении, его членах, типах предложений уже значительно выше. В «Опыте исторической грамматики русского языка» Ф.И. Буслаева (1858)³ предложение (простое и сложное) оказывается

¹ Освещение многих вопросов, касающихся структуры и семантики простого и сложного предложений, дается М.В. Ломоносовым в его «Риторике». См.: *Ломоносов М.В.* Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика... // Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 89–387.

² *Востоков А.Х.* Русская грамматика. 7-е изд. СПб., 1848. С. 177.

³ В последующих изданиях она выходила под названием «Историческая грамматика русского языка».

уже центральным объектом синтаксиса и в последующие годы надолго остается таким объектом, особенно в школьной практике изучения родного языка. Словосочетания начинают описываться только со стороны наиболее общих закономерностей их построения: характеризуются основные приемы объединения их компонентов (согласование, управление, примыкание); порядок слов, свойственный разным моделям словосочетаний. Это общее направление выдерживается в классическом труде А.М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении», несмотря на то, что А.М. Пешковский определяет синтаксис как «отдел грамматики, в котором изучаются формы словосочетаний»¹ (дело в том, что и предложение А.М. Пешковский считает одной из форм словосочетания — «важнейшей» его формой).

Возвращение к такому построению синтаксиса, когда основное его содержание заключается в подробном описании разновидностей словосочетаний, а внимание к предложению сводится к минимуму, наблюдается только в работах М.Н. Петерсона — в 20—30-е гг. XX в.²

В дальнейшем словосочетания уже не были основным и тем более единственным объектом описания в общих курсах синтаксиса, хотя внимание к их изучению не ослабевало, а, наоборот, усиливалось и углублялось.

В фундаментальном труде академика А.А. Шахматова «Синтаксис русского языка» раздел «Учение о словосочетаниях», противопоставленный разделу «Учение о предложении», занимает почти третью часть книги³. В разделе «Учение о предложении», исходя из характера

¹ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 37.

² См.: Петерсон М.Н. Очерк синтаксиса русского языка. М.; Пг., 1923; Его же. Синтаксис русского языка. М., 1930.

³ См.: Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л., 1941. С. 274—420.

главных членов, А.А. Шахматов строит детальную классификацию односоставных и двусоставных предложений, описывая структуру предикативных («законченных») словосочетаний. В разделе «Учение о словосочетаниях» он рассматривает второстепенные члены — зависимые компоненты непредикативных («незаконченных») словосочетаний. «Синтаксис словосочетаний занимается главным образом второстепенными членами предложения в их отношении к главным членам или во взаимном их отношении друг к другу; ...синтаксис предложения занимается главными членами предложения в их отношении к предложению или во взаимном их отношении друг к другу», — пишет А.А. Шахматов¹.

Предложенную А.А. Шахматовым структуру описательного синтаксиса, на первый взгляд, во многом повторяет академическая «Грамматика русского языка» под ред. акад. В.В. Виноградова (М., 1954. Т. II, часть первая) и в еще большей мере — «Грамматика современного русского литературного языка» (М., 1970) и «Русская грамматика» (М., 1980) под ред. проф. Н.Ю. Шведовой. Как и у А.А. Шахматова, в разделах, посвященных словосочетанию, здесь рассматриваются только не предикативные объединения слов; большое место отводится описанию конкретных разновидностей словосочетаний. Однако сходство это во многом внешнее, так как за противопоставлением «синтаксиса предложения» и «синтаксиса словосочетания» у А.А. Шахматова и у В.В. Виноградова с его последователями стоят принципиальные различия в теоретической трактовке природы словосочетания. Излагая ниже вопросы теории словосочетания, мы остановимся на этих различиях.

§ 41. Теоретические различия в понимании соотношения словосочетания и предложения. Исходным мо-

¹ Там же. С. 274.

ментом теоретических расхождений в трактовке словосочетания в современной отечественной русистике является интерпретация соотношения между словосочетанием и предложением.

Именно к этой области относятся принципиальные различия в противопоставлении «синтаксиса предложения» и «синтаксиса словосочетания» у А.А. Шахматова и у В.В. Виноградова.

А.А. Шахматов рассматривает любое словосочетание — предикативное и непредикативное («законченное» и «незаконченное») — как элемент внутренней структуры предложения. «Учение о предложении, с одной стороны, учение о словосочетаниях, с другой — имеют свою задачу исследовать все элементы, входящие в состав предложения: первое из названных учений останавливается на законченных словосочетаниях, второе — на словосочетаниях незаконченных», — пишет А.А. Шахматов, подчеркивая тем самым подчиненное положение словосочетания по отношению к предложению¹. Отнесение предикативных словосочетаний к «синтаксису предложения», а непредикативных — к «синтаксису словосочетаний» связано у А.А. Шахматова только со стремлением разграничить «центральные» и «периферийные» звенья грамматической структуры предложения. У В.В. Виноградова и его последователей оно вытекает из прямой или косвенной оценки словосочетания как единицы, существующей независимо от предложения: «Под словосочетанием, — пишет, например, Н.Ю. Шведова, — понимается существующая в языке независимо от предложения некоммуникативная синтаксическая единица...»²

На основе указанных различий в понимании природы словосочетаний в современной отечественной русистике

¹ Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941. С. 276.

² Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1966. С. 134.

сложились два направления теоретической трактовки словосочетаний: а) лексикологическое; б) собственно синтаксическое.

Появление лексикологической трактовки связано с именем академика В.В. Виноградова. Особенности этой трактовки обусловлены тем, что и по функциям, и по грамматическим свойствам В.В. Виноградов уподобляет словосочетание отдельному слову. Основные положения его теории сводятся к следующему:

1. Словосочетания выполняют в языке номинативную функцию. Они служат «обозначением какого-нибудь единого, но расчлененного понятия или представления, например: *сторонник мира, законы развития... расцвет культур, расцвет национальных культур, учиться в университете марксизма-ленинизма, недалеко от Москвы*»¹. Как и слова, «они относятся к области номинативных средств языка, средств обозначения предметов, явлений, процессов и т.п.»². У В.В. Виноградова нет прямого указания на то, что словосочетания, подобно словам, существуют в языке в готовом виде, независимо от предложения (ср. цитировавшееся выше положение Н.Ю. Шведовой). Однако признание такого независимого существования косвенно вытекает из положения о том, что, как и слова, они являются номинативными средствами языка и служат «строительным материалом» для предложения.

2. Словосочетание имеет систему грамматических форм (*сторонник мира, сторонника мира, стороннику мира* и т.д.), ему, «как и слову, принадлежит способность формоизменения»³. Ср. также более раннее высказывание В.В. Виноградова: «Словосочетание — это сложное наименование. Оно несет ту же номинативную

¹ Грамматика русского языка. М., 1960. Т. II: Синтаксис. Ч. 1. С. 6.

² Там же. С. 10.

³ Там же.

функцию, что и слово. Оно так же, как и слово, может иметь целую систему форм»¹.

3. К словосочетаниям относятся только *непредикативные* подчинительные словосочетания, т.е. только такие объединения слов, которым (хотя бы с определенной долей условности) можно приписать функцию единого развернутого наименования. Предикативные сочетания, сочетания с обособленными второстепенными членами, сочинительные сочетания слов В.В. Виноградов из состава словосочетаний исключает, поскольку утверждать, что они выполняют номинативную функцию, явно невозможно.

Синтаксическое направление трактовки словосочетаний в отечественном языкознании имеет давние, по существу, не прерывавшиеся традиции. В процессе развития синтаксической теории основные положения этого направления постепенно оттачиваются, кристаллизуются.

Краеугольным камнем синтаксической трактовки словосочетания является признание его единицей, подчиненной предложению. Формируясь в предложении, свободное (не фразеологизированное) словосочетание объективно существует в конкретном лексическом наполнении только в составе предложения, а не в качестве отдельного сложного наименования, в готовом виде включаемого в состав предложения.

Представители синтаксического направления видят назначение словосочетаний не в наименовании «единого, но расчлененного понятия», а в выражении определенных *отношений* между понятиями² — в «соотнесении разных понятий», как формулировал это еще М.В. Ломоносов³. В определенном уточнении нуждается здесь вопрос

¹ Виноградов В.В. Русский язык. М.; Л., 1947. С. 8.

² См., например: Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. М., 1973. Ч. II: Синтаксис. С. 19.

³ Ломоносов М.В. Российская грамматика. СПб., 1755. С. 38.

о том, выражаются ли в словосочетаниях отношения между понятиями или непосредственно между теми предметами и явлениями, о которых идет речь в конкретных предложениях. В сущности, эти функции совмещаются. Грамматическая модель словосочетания служит для обобщенного выражения отношений даже не между понятиями как таковыми, а между определенными типами понятий: понятием предмета и его признака; действия и его объекта; действия и места его совершения и т.д. Содержание же конкретных словосочетаний, употребляемых в предложении, обращено непосредственно к отношениям между теми явлениями, которые обозначены отдельными словами. Ср., например: *На высокой подставке стояла ваза* — *На подставке стояла высокая ваза*; *На подставке стояла ваза с цветами (ваза для цветов)*; *К ним приходила сестра инженера (сестра-инженер)* и под. Но так как отношения между явлениями (независимо от степени конкретности или абстрактности самих этих явлений) выражаются в словосочетаниях грамматически обобщенно — на базе определенной модели с очень широким и абстрактным значением, то словосочетания, естественно, сохраняют и « типовые » значения, являющиеся грамматическими значениями той модели, по которой они строятся. Именно обобщающее грамматическое значение модели и усвоение его носителями языка (а не усвоение всех потенциально возможных словосочетаний в качестве « готовых » номинативных единиц) обеспечивает говорящему свободу употребления в речи неопределенного множества конкретных словосочетаний — с разными вариантами лексического наполнения, а слушающему — общее понимание их (даже в тех случаях, когда они берутся вне контекста). См., например: *ваза с цветами* — *стакан с молоком* — *ящик с яблоками* — *книга с картинками* — *платье с бантом*; *сестра инженера* — *отец подруги* — *дочка учительницы*; *сестра-инженер* — *дочь учительница* — *мальчик-первоклассник* и т.д.

При синтаксической трактовке внимание фиксируется на универсальной функции словосочетаний: в соответствии с типовым значением модели, лежащей в их основе, все отдельные звенья грамматического объединения слов в предложении призваны выражать характер соотношения между теми явлениями, которые обозначаются объединяемыми словами.

Из признания рассматриваемой функции основной функцией словосочетаний вытекают все отличия синтаксической трактовки от лексикологической.

Во-первых — широкое понимание словосочетания, охватывающее не только непредикативные подчинительные, но и предикативные, а также сочинительные объединения слов: все они участвуют в грамматически дифференцированном выражении типов соотношения между отдельными компонентами ситуации; ср., например: *сообщил Володя — сообщил Володе — сообщил о Володе — сообщил без Володи — сообщил через Володю; сестра и Вера — сестра или Вера — сестра Вера — сестра Веры* и т.д.

Во-вторых — интерпретация непредикативного подчинительного словосочетания как грамматического единства, а не номинативной единицы (наравне с другими видами словосочетаний).

В-третьих — внимание к форме зависимого компонента словосочетания, поскольку, как уже говорилось (см. выше, конец § 29), именно она определяет обычно специфику грамматической и смысловой связи объединяемых слов, ср.: *воспоминания писателя — воспоминания о писателе*. При утверждении способности словосочетания к «формоизменению» в центре внимания оказывается грамматическая форма главного слова, как правило, не имеющая значения для тех семантико-грамматических отношений, которые выражаются в пределах изолированно взятого словосочетания, ср.: *воспоминание о писа-*

теле, воспоминания о писателе, воспоминаний о писателе и т.д.¹

Синтаксическая трактовка функций словосочетания дает возможность интерпретировать и те особенности непредикативных подчинительных словосочетаний, которые акцентируются сторонниками лексикологической трактовки, главное — природу их «номинативной» роли.

Способность этих словосочетаний служить расширенным обозначением предмета или явления представляет собой следствие их грамматических свойств и является не первичной, а производной функций этих словосочетаний. Дело в том, что через выражение определенного типа соотношения между компонентами ситуации в непредикативных подчинительных словосочетаниях достигается, как было показано (см. § 20), конкретизация в обозначении тех предметов и явлений, которые выражаются главным словом: «пояснительная» роль зависимого слова отмечается школьными учебниками с первых шагов знакомства с синтаксисом. Поэтому субстантивное словосочетание, которое обозначает соотношение между предметом и его признаком, естественно, связано, например, с уточненным обозначением предмета. См.: *В комнате стоял большой стол — красивый стол — чистый стол — заваленный стол — тот же стол — мой стол — полированный стол — письменный стол* и т.д.

Однако чаще всего подобные словосочетания не имеют свойств самостоятельной номинативной единицы, способной в готовом виде существовать до предложения и вне

¹ Те видоизменения словосочетаний, которые связаны с грамматической формой главного слова, В.П. Сухотин удачно называет «внешними формами словосочетаний». См.: *Сухотин В.П. Проблема словосочетания в современном русском языке // Вопросы синтаксиса современного русского литературного языка: Сб. / Под ред. акад. В.В. Виноградова. М., 1950. С. 159—160.*

предложения. Они формируются в процессе речи для характеристики и уточненного обозначения конкретного предмета. Между тем существование в языке самостоятельной номинативной единицы связано не с обозначением конкретных реалий, а с обобщающим обозначением понятий. Чтобы сформироваться в такую единицу, субстантивное словосочетание должно обладать способностью обозначать не конкретный единичный предмет с его признаками, а понятие об определенной категории однотипных предметов, четко и однозначно вычленимой говорящими. Это свойство чуждо всем тем словосочетаниям, в которых зависимое слово обозначает индивидуальный признак конкретного предмета, причем нередко — случайный даже для данного единичного предмета, зависящий только от ситуации, см. выше — *заваленный, чистый, мой, тот же стол*. Потенциальной возможностью развиться в сложное наименование характеризуются лишь те словосочетания, которые содержат название достаточно стабильного классификационного признака (*письменный стол, кухонный стол* и под.). См. многочисленные терминологические наименования типа: *паровой двигатель — ветряной двигатель; неорганическая химия — органическая химия; производная основа — непроеводная основа* и т.д.¹ Важно подчеркнуть, что, приобретая ту или иную степень номинативной самостоятельности, словосочетания не претерпевают никаких существенных грамматических изменений, сохраняя обычные свойства субстантивных словосочетаний: сохраняются основные правила их грамматического построения; остается неизменной их грамматическая функция — кон-

¹ Отметим, что, представляя собой цельное наименование одной определенной категории «предметов», даже такие словосочетания включают в себя тем не менее названия двух понятий: с одной стороны, предмета (в широком грамматическом понимании), с другой — признака.

кретизировать предмет указанием на какой-либо его признак. Сами условия, при которых словосочетания с зависимым прилагательным могут развиваться в самостоятельную номинативную единицу, имеют не грамматический, а лексико-семантический характер, и для синтаксиса изучение их в основном не актуально.

Большинство употребляющихся в речи свободных непредикативных словосочетаний не способно к роли самостоятельной номинативной единицы. При этом некоторые из них имеют очевидные признаки такой неспособности. Например, многие конкретные непредикативные словосочетания, ничем не отличающиеся по грамматической структуре и грамматическим функциям от всех других, содержат в своем составе местоимения (*эти упражнения, какие-то рассказы, ваш сын, видел ее, открыл их*), которые, с одной стороны, не способны **н а з ы в а т ь** предметы и явления и потому не могут участвовать в формировании сложного наименования, с другой — не могут употребляться **в н е п р е д л о ж е н и я**, без опоры на контекст.

Таким образом, лексикологическая трактовка не соответствует природе словосочетаний, поскольку базируется на утверждении такой их функции, которая, во-первых, является для них не первичной, а только производной и потому неприменимой к большинству словосочетаний (даже непредикативных), во-вторых, не является функцией грамматической¹.

Конкретное подчинительное словосочетание с определенным лексическим наполнением является не готовой

¹ Показательно, что непосредственное описание разновидностей словосочетаний проводится у представителей лексикологического направления практически без учета способности-неспособности словосочетания к роли самостоятельной номинативной единицы, тогда как тип отношений между реальностями, который выражается словосочетаниями грамматически, подвергается рассмотрению вполне последовательно.

номинативной единицей, существующей в языке до предложения и вне предложения, а **звеном предложения** — грамматическим единством, которое формируется в речи, в предложении в связи с индивидуальными особенностями передаваемого содержания. Языковую основу такого единства составляет то, что оно строится из имеющихся в языке слов (собственно номинативных единиц) и по одной из принятых в языке моделей. Любое словосочетание является таким структурным звеном предложения, в котором (частично, а иногда полностью) реализуется одна из грамматических функций всего предложения, призванного передавать общую схему соотношений между интересующими говорящего компонентами ситуации¹.

¹ В школьном учебнике русского языка для 8 класса *С.Г. Бархударова, С.Е. Крючкова, Л.Ю. Максимова и Л.А. Чешко* (М., 2001 и другие издания), с одной стороны, используется понятие грамматического значения словосочетания (§ 7), имеющее источником синтаксическую трактовку. С другой — в нем много элементов лексикологической трактовки словосочетаний: утверждение их номинативной функции; исключение из состава словосочетаний предикативных объединений слов; выявляющееся в упражнениях косвенное признание того, что словосочетания существуют в готовом виде до предложения. Показательно также, что почти во всех упражнениях словосочетания рассматриваются в изолированном виде — вне предложения. Многие из этих особенностей прослеживаются и в других школьных учебниках массового пользования.

ТИПЫ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Конструктивные типы простого предложения

Двусоставные предложения

§ 42. Общая характеристика. Двусоставные предложения — это предложения, структура которых при полном словесном выражении мысли предполагает наличие двух главных членов — подлежащего и сказуемого. Второстепенные члены в двусоставном предложении группируются вокруг этих двух главных членов и образуют вместе с ними группу подлежащего (или, иначе, состав подлежащего) и группу сказуемого (или, иначе, состав сказуемого)¹.

Подлежащее и сказуемое являются грамматической основой двусоставного предложения. Рассмотрим их основные признаки, начиная со сказуемого — главного члена, являющегося выразителем важнейших категорий модальности и предикативности не только в двусоставных, но и в большинстве односоставных предложений.

Употребление **сказуемого** устойчиво связано в предложении с выражением признака — в широком понимании, включающем действие — активный процессуальный признак (в методических целях удобнее говорить, что сказуемое выражает действие или признак). Поэтому основными его выразителями являются глагол, прилагательное, причастие и категория состояния (или, иначе, предикативное наречие). См., например: *Река **клокотает***.

¹ Вне отчетливой связи только с одним из этих «составов» могут оставаться лишь детерминанты (см. о них § 24), которые в грамматическом отношении тяготеют к сказуемому, а в семантическом — ко всему предложению или к его реме.

ла; Река была спокойна; Река была перекрыта плотиной; Реку перекрыли плотиной; Реку перекрыло во время обвала; Тихо и спокойно было на реке.

В коммуникативно-семантическом плане сказуемое отличается от других выразителей признаков — определений, приложений, обстоятельств — тем, что выражаемое им действие или признак говорящий выдвигает в качестве центрального. Ср., например, предложения с одинаковым или сходным лексическим составом, где в роли сказуемого употребляются разные слова: *Прорвавшая плотину река грозно **клокотала** внизу — Грозно **клокотавшая** внизу река **прорвала** плотину — Прорвавшая плотину река **была грозна**; Шумя, **набегали** волны — **Шумели**, набегая, волны.*

Центральное место обозначаемого сказуемым действия или признака проявляется в том, что именно это действие или этот признак непосредственно характеризуется со стороны отношения к действительности. С этим связана яркая *г р а м м а т и ч е с к а я* специфика сказуемого. Среди всех других членов предложения только сказуемое включает грамматические показатели модальности, так как в его выражении в подавляющем большинстве случаев участвуют формы наклонения — спрягаемые формы знаменательного или связочного глагола: *Бушующая река **прорвала** плотину (**прорывала, прорывает, прорвет, прорвала бы**); **Теплеет** (**теплело, потеплеет, хоть бы потеплело**); **Было тепло** (**будет тепло**) и т.д.*

Использование при обозначении действия или признака показателей наклонения, времени и лица служит несомненной грамматической приметой сказуемого¹.

Характерно, что и в тех (немногих) случаях, когда сказуемое оформляется без участия спрягаемых глагольных

¹ Определяющей особенностью является употребление форм наклонения. Вне формы наклонения выражение времени (например, у причастия *летающий — летевищий*) признаком сказуемого служить не может.

форм, в его выражении наблюдается системная связь с этими формами. Например, неизменяемые формы «междоментных» глаголов или инфинитива, иногда употребляемые в качестве сказуемого двусоставного предложения, во-первых, свободно заменяются обычными спрягаемыми формами, во-вторых, встречаются вместе с ними в ряду однородных членов: *Камень этот **покатился** и в воду — **плюх!*** (Чарушин); *Я **цап** его рукой — **и поймал*** (Чарушин); *Ребята **истугались** и **бежать***.

Специфической особенностью сказуемого двусоставного предложения является то, что оно обязательно выражает такое действие или такой признак, который говорящий связывает с определенным субъектом — производителем действия или носителем признака. Этим оно отличается от сказуемого большинства односоставных предложений, чаще всего обозначающих действие или признак безотносительно к какому-либо конкретному субъекту. Ср., например:

Односоставные предложения	Двусоставные предложения
<i>Во время ливня плотину прорвало.</i>	<i>Хлынувшая вода про- рвала плотину.</i>
<i>В войну плотину взор- вали.</i>	<i>В войну наши части взорвали плотину.</i>
<i>По-моему, будет тепло.</i>	<i>По-моему, ночь будет теплая.</i>
<i>Здесь очень живописно.</i>	<i>Окрестности здесь очень живописны.</i>

С этой особенностью связано основное грамматическое свойство сказуемого двусоставного предложения — его **с о г л а с у е м о с т ь**: как было показано выше, согласование указывает на то, что признак принадлежит определенному предмету.

В зависимости от способа выражения, согласование захватывает или все сказуемое, или только отдельную его часть. Например, если именное составное сказуемое (изредка) выражается наречием, согласуемой в нем оказывается только связка: *Все вещи **были** уже **наготове*** — *Машина **была** уже **наготове***. Совсем отсутствует согласование только в тех случаях, когда его не допускают морфологические особенности слов, которыми оно выражено (см. выше, § 39).

Таким образом, *с к а з у е м о е* — это член предложения, который обозначает основное действие или наиболее коммуникативно важный признак и выражается обычно с использованием знаменательного или связочного глагола в форме определенного наклонения. Сказуемое двусоставного предложения выражает действие или признак определенного предмета и в типичных случаях согласуется с наименованием этого предмета.

Подлежащее в грамматическом плане характеризуется совокупностью двух признаков. Во-первых, это член предложения, выраженный именительным падежом существительного или допускающий замену именительным падежом существительного (см.: *Подбежали какие-то **мальчики*** — *Подбежали какие-то **два мальчика*** — *Подбежали **Петя и Миша*** — *Подбежали **Петя с Мишей*** и т.д.). Во-вторых, это тот член предложения, с которым в типичных случаях согласуется сказуемое.

В семантическом отношении подлежащее характеризуется тем, что обозначает предмет, который выдвигается говорящим как субъект (непосредственный носитель) признака, выраженного сказуемым. Ср., например:

Михаил вызвал сестру.
Дорогу они выравнивали
Грейдером.

*Сестра вызвала Ми-
хаила.*
Грейдер выравнивал
дорогу.

Он оставался неподвижным.

Парк был тенистый.

Глаза его оставались неподвижными.

Аллеи в парке были тенистые.

Таким образом, подлежащее — это выраженный именительным падежом существительного или его заместителями член предложения, с которым согласуется сказуемое и который обозначает субъект действия или субъект (носитель) пассивного признака, названного сказуемым.

§ 43. Грамматическое выражение подлежащего.

Грамматическое выражение подлежащего в целом характеризуется единообразием.

В подавляющем большинстве случаев подлежащее выражается существительным или местоимением-существительным в форме именительного падежа. С этим основным способом смыкается относительно редкое использование субстантивированных прилагательных и причастий (как в случаях устойчивой субстантивации, фиксируемой словарями, так и в случаях частичной, контекстуальной субстантивации). См.: *Поскрипывала, покачивалась телега. Никита* лежал на спине, закрыв глаза. *Усталость* сладко гудела во всем теле. *Он* полусонно вспоминал этот день... (А.Н. Толстой); *Всё* в зале затихло... (А.Н. Толстой); *Кто-то* тяжело прошел за стеной по коридору... (А.Н. Толстой); *...прохожие* расступались... (Почивалин); *Теперь едущий или идущий* пешком в разных местах заметит... пограничные метки — столбы (Песков); *Нередко в жизни драматическое* чередуется с комическим (Никулин).

Помимо этого обычного способа подлежащее может быть выражено: 1) некоторыми словосочетаниями; 2) субстантивированными неизменяемыми словами и группами слов; 3) инфинитивом.

Характерно, что все эти формы выражения подлежащего, во-первых, гораздо менее употребительны; во-вто-

рых (главное!), в большинстве случаев являются лишь своеобразным видоизменением основного способа и потому вместо них в принципе почти всегда можно употребить обычную форму существительного в именительном падеже. Ср., например:

1

Прошло **несколько** невыразимо долгих **секунд** (Саянов).

Один из пойманных **соловьев** оказался хорошим певцом (Песков).

Стало быть, **...Радин с Конарским** вернулись к себе (Сартаков).

Прошли невыразимо долгие **секунды**.

Пойманный **соловей** оказался хорошим певцом.

Стало быть, **Радин и Конарский** вернулись к себе (**они** вернулись к себе).

2

Ставилось **«На всякого мудреца довольно простоты»**.

...механиково **«как-никак»** показалось москвичу неуважительными... (Грачевский).

Но **пробраться** в те широты оказалось трудным делом (Поступальская).

Ставилась **пьеса** «На всякого мудреца довольно простоты».

Слова механика показались москвичу неуважительными.

Но **проникновение** в те широты оказалось трудным делом. И т.д.

Среди словосочетаний, используемых для выражения подлежащего, наиболее обычны такие, которые связаны с обозначением группы предметов: 1) количественно-именные сочетания, включающие, кроме обозначения предмета, отдельное слово, выражающее количество: обычное количественное числительное (**пять лодок**), неопределенно-количественное числительное или место-

имение-числительное (*много людей, несколько деревьев, столько же избирателей*), существительное с количественным значением (*большинство делегатов, большая часть делегатов, ряд делегатов, десяток лодок*); 2) так называемые выделительные обороты (*кто из вас, многие из присутствующих*); 3) сочетания типа *отец с матерью*. Например:

1) **Семь** маленьких зверьков испуганно глядят на свет (Песков); *В небе зажглось несколько серебряных звезд...* (Скиталец); *В Спасском-Лутовинове и ранее бывало много гостей* (Песков); **Большинство** этих частных музеев расположено в окрестностях Лондона (Образцов).

2) **Один из мостов** во время нашего выступления в 1943 году был построен в тридцать дней... (Песков); **Младший из пастухов**, глядя на процессию, засмеялся (Песков).

3) **...муж с сыном приходили** встречать ее (Почивалин); *А дня через два Левин с Диковским выехали вновь на участок фронта* (Павленко).

Каждый из этих типов подлежащего выполняет свои семантические функции. Количественно-именное сочетание позволяет более конкретно, чем при помощи грамматической формы множественного числа, выразить количество предметов, ср., с одной стороны, *Приехали студенты*, а с другой — *несколько студентов, десять студентов, много студентов, половина студентов, большинство студентов* и т.д. При употреблении выделительного оборота подчеркивается, что в качестве субъекта действия или признака, выраженного сказуемым, выступает часть определенной совокупности предметов (первый компонент выделительного оборота характеризует выделяемую часть в количественном или качественном отношении: *двое из делегатов, самые решительные из ребят*). Сочетания типа *отец с матерью* указывают на единство двух субъектов, составляющих

обычно некий коллектив — семейный, дружеский, рабочий и т.д., чаще относительно постоянный, реже — временный.

Грамматическая нечленимость количественно-именных сочетаний связана с тем, что в именительном падеже в них стоит не наименование самого предмета, а выразитель количества. Поэтому ни один из компонентов словосочетания в отдельности не может быть связан со сказуемым: компонент с количественным значением — по семантическим причинам (см.: *«приехали пять»*), а компонент с предметным значением — из-за употребления в родительном падеже (см. совершенно невозможное сочетание *«приехали студентов»*). Показательно, что в словосочетаниях типа *многие студенты (некоторые, все)*, где в именительном падеже стоит слово с предметным значением, выразители количества в подлежащее не входят — они являются согласованными определениями.

При введении в количественно-именное сочетание предлога, выражающего приблизительное количество, или близких к предлогу слов типа *больше, меньше* именительный падеж числительного трансформируется в родительный: *около ста человек, более пятисот делегатов* и под. О том, что и в этом случае сочетание сохраняет функцию подлежащего, свидетельствует его способность влиять на форму сказуемого: сказуемое согласуется с подлежащим типа *около ста человек* с помощью смыслового или условно-грамматического согласования, употребляясь в форме множественного числа или в форме единственного числа среднего рода (в настоящем и будущем времени — в форме 3-го лица). См.: а) ***Свыше двухсот человек приехали сюда, на конференцию читателей*** (Из газет); ***Бескрайние просторы морей бороздят сейчас около 150 судов, сошедших со стапелей югославских судостроительных заводов*** (Из газет); б) ***За несколько лет в клинике было проведено больше двухсот операций на сердце*** (Из газет) и т.д.

Грамматическая цельность сочетаний типа *отец с матерью* подтверждается употреблением сказуемого во множественном числе. При использовании единственного числа форма **с** + твор. пад. может восприниматься как дополнение, обозначающее только сопровождающих лиц, а не равноправных участников действия. См., например: *Одного из них провожала... жена с детьми* (А.Н. Толстой); *Петр с фельдмаршалом и полковниками был на мысу, на батарее* (А.Н. Толстой).

Изредка в качестве подлежащего употребляются разного рода субстантивированные формы слов, группы слов и целые предложения. Стабильными среди них являются заголовки художественных произведений типа: *«На дне»... имело большой успех* (Шебуев). В других случаях употребление таких подлежащих устойчивостью не характеризуется. Оно может быть связано с использованием цитат из чужой речи или звукоподражательных слов: *Привычное «А почему не ты?» не изменило положения* (Из газет); *Очень неожиданно за спиной у него послышалось птичье лесное «ку-ку»* (Березко); может представлять собой случайную (разговорную) субстантивацию несогласованного определения, подменяющего собой наименование лица: *В серой шубе уже ушла*. И т.д.

Инфинитив, употребляемый в роли подлежащего, выражает обычно не конкретно осуществляемое действие, а определенный тип действия, получающий оценку в сказуемом: *...ночью увидеть огонек сверху — большая удача* (Песков); *Разгадывать смысл географических названий — занятие... увлекательное...* (Песков). Иногда форму инфинитива в подлежащем имеет связочный глагол, сопровождающий именную часть: *Стать художником — это заманчиво...* (Тендряков).

§ 44. Грамматическое выражение сказуемого. Возможности грамматического выражения сказуемого очень

широки. В круг частей речи, которые используются в роли сказуемого, входят (притом в разных грамматических формах!): глаголы, прилагательные, порядковые числительные, существительные, местоимения и причастия — «именная» форма глагола. Изредка в сказуемом употребляются также количественные числительные и наречия. Исходя из различий в выражении сказуемого выделяют его основные грамматические типы: простое глагольное, составное глагольное и составное именное. См., например, некоторые формы сказуемого, возможные при одном и том же подлежащем в следующей схеме.

Он	<i>работает</i>	}	<i>простое глагольное</i>
	<i>приехал</i>		
	<i>будет скучать</i>		
	<i>пусть останется</i>		
	<i>[ну] кричать</i>		
	<i>бух [в воду]</i>		
	<i>толк [ногой]</i>	}	<i>составное глагольное</i>
	<i>может приехать</i>		
	<i>начал скучать</i>		
	<i>должен был остаться</i>		
	<i>торопится уйти</i>	}	<i>составное именное</i>
	<i>кончил работать</i>		
	<i>был болен</i>		
	<i>кажется усталым</i>		
	<i>будет вторым</i>		
	<i>был студентом</i>		
	<i>хочет стать врачом</i>		
	<i>был мой друг</i>		
	<i>хороший человек</i>		
	<i>был блондин</i>		
	<i>был вызван</i>		
	<i>приехал повзрослевшим</i>		

Рассмотрение типов сказуемого играет решающую роль в характеристике разновидностей двусоставных предложений, так как главные различия в структуре и семантике этих предложений связаны именно с различиями типов сказуемого. Ими определяется своеобразие моделей (структурных схем) двусоставного предложения. На противопоставлении предложений с глагольными и именными сказуемыми основывается разграничение предложений глагольного и именного строя — самое крупное из используемых в современной лингвистике разграничений конструктивных типов предложений.

Типы сказуемого двусоставного предложения

Простое глагольное сказуемое

§ 45. Простое глагольное сказуемое — это сказуемое, выраженное знаменательным глаголом в любой из форм изъявительного, повелительного и сослагательного наклонения. В качестве «заместителей» спрягаемых (личных) глаголов изредка употребляются несогласуемые «междометные» формы глагола или инфинитив — экспрессивные формы разговорной речи: ...*утенок, как мышь, пробежал до края — и кувырк вниз* (Пришвин); ...*солдат сграбастал его, подкинул под потолок, а потом прижал к груди и ну рыжими усами, не на шутку, колотъ губы, щеки, глаза. ...Мишка вырываться, да не тут-то было* (Шолохов).

Как правило, простое глагольное сказуемое включает одно слово. Однако среди форм наклонений встречаются сложные (аналитические) формы, при употреблении которых простое глагольное сказуемое формально состоит из двух слов. Это формы будущего времени (несовершенного вида), сослагательного наклонения, отдельные фор-

мы повелительного наклонения, некоторые разговорные сочетания знаменательных глаголов с частицами (типа *пошел было, как побегит* и под.): *Но изучение Антарктики и Антарктиды **продолжается и будет продолжаться*** (Поступальская); *В дождливом месте Земли город [Хива] **не простоял бы и десяти лет*** (Песков); *Богданов **пусть тоже идет** сюда* (Березко); *Брат **вступился было** за меня...* (Маршак); *И вдруг кто-то **как зарычит*** (Чарушин).

К простым сказуемым тяготеют устойчивые глагольные сочетания, семантически близкие к однословному глагольному сказуемому, типа *испытывал тревогу* («тревожился»), *принимала участие* («участвовала»), *вышел из строя* («испортился, сломался, изнашивался»), *находился в недоумении* («недоумевал») и т.д.

В разговорной речи встречаются осложненные формы «сдвоенных» глагольных сказуемых: *сидел читал, приходили спрашивали, пойду узнаю, сходи купи* и под. Они выражают статическое положение субъекта или перемещение его в пространстве и сопровождающее действие.

Простое глагольное сказуемое представляет собой максимально специализированную грамматическую форму сказуемого: личные формы глаголов употребляются только в сказуемом; они являются непосредственными выразителями модальности и способны к согласованию. Несмотря на существование некоторых осложненных разновидностей, простые глагольные сказуемые в грамматическом отношении характеризуются относительным единообразием. В семантическом же плане они, напротив, многообразны (что вообще свойственно грамматическим формам, специализировавшимся в роли определенных членов предложения). В частности, кроме действия в буквальном смысле этого слова, они могут обозначать пассивное состояние субъекта, связанное с непроизвольно протекающими процессами или с результатами этих про-

цессов (*растет, вырос, темнеет, потемнел, блестит*); могут совсем не обозначать процесса (*находится, располагается, состоит* [из частей], *связывает* [с городом] и т.д.).

Составное глагольное сказуемое

§ 46. Составное глагольное сказуемое включает минимум два слова и представляет собой сочетание «вспомогательной» части, выраженной спрягаемой формой глагола, кратким прилагательным или наречием, с инфинитивом знаменательного глагола. Таким образом, грамматическая модель составного глагольного сказуемого — «вспомогательная часть + инфинитив». Например:

мог бы хочу вправе должен был намеревался намерен торопился собирался }	уехать	начал стал продолжает кончил перестал бросил пытался старался }	писать

Естественно, что, когда вспомогательная часть выражена прилагательным или наречием, появляется потребность в употреблении связки и составное сказуемое формально становится трехкомпонентным: *должен будет выступить, был намерен остаться, будет обязан явиться, был вправе отказаться* и т.д.

Семантика составных глагольных сказуемых определяется потребностью в развернутом выражении отношения действия к действительности. С помощью вспомогательной части характеризуются различные условия реализации того действия, которое названо инфинитивом. При этом составное глагольное сказуемое

используется либо для оценки перспективы предстоящего или предстоявшего действия (см. выше примеры в первом столбце), либо для характеристики действия уже совершающегося или совершавшегося (см. примеры во втором столбце).

Перспектива действия в одних случаях может оцениваться в составном глагольном сказуемом со стороны отношения к ней субъекта — с помощью слов типа: *хочет, мечтает, надеется, намеревается, намерен, собирается, решил, решился, (не) отваживается, затрудняется, торопится, склонен, рад, готов, соглашается* и др.: ...я пишу, вернее, **собираюсь писать** именно об этом... (Паустовский); *Сошенко сам не решился пойти к Энгельгардту* (Паустовский); ...**напечатать** рассказ они **боятся**... (Вересаев); *Мишка деду всегда готов услужить*... (Шолохов); ...*Родители не соглашались отпустить* дочь... (Вересаев); *И он всё медлил уходить*... (Березко) и т.д. В других случаях действие характеризуется с точки зрения объективных условий для его совершения: говорящий констатирует возможность или невозможность, неизбежность, необходимость или отсутствие необходимости действия. Для выражения этих значений служат слова и устойчивые сочетания типа: *может, сумеет, не в силах, не в состоянии, вправе, имеет право, должен, вынужден, обязан* и др.: ...*теперь же мы не можем доверять* вам не только дивизии, но и полка (Шолохов); *Он был не в силах просить* сейчас у Сергея Александровича прощения... (Березко); *Конечно, секретарь... был вправе возмущаться*... (Падерин) и т.д.

В сообщениях о совершающемся или совершавшемся действии вспомогательные глаголы могут характеризовать разные его стороны. Так, фазовые глаголы (*начал, стал, принялся, продолжает, кончил, перестал* и др.) указывают на определенный этап в совершении действия: *Мы бросили удить и начали грести к берегу*... (Па-

устовский); *Город **продолжает строиться** и сегодня* (Песков); глаголы типа *ухитрился, успел* — на успешное преодоление определенных трудностей: *Он успел убежать*; *Как он **ухитрился проехать** в такой тесноте?* (Песков); глаголы типа *пробовал, пытался* — тоже на преодоление каких-либо трудностей, но, как правило, безуспешное; глаголы типа *торопился, спешил, старался* — на отношение субъекта к реализуемому действию и его поведение при совершении действия: *Он засел за гравюру, **торопился работать**...* (Паустовский) и т.д.

По своему грамматическому составу составное глагольное сказуемое сходно с такими сочетаниями, в которых инфинитив является дополнением или обстоятельством цели.

В роли обстоятельства цели инфинитив употребляется обычно при глаголах движения (*пошел, поехал, отправился, вез, нес, приехал, явился* и под.), а также при глаголах, выражающих отказ от перемещения или прекращение движения (*задержался, остался, остановился* и под.). Все эти слова естественно сочетаются с вопросами *зачем? для чего? с какой целью?* См.: *Я езжу сюда с фотографической снастью **выслеживать** глухарей и тетеревов...* (Песков); *Он проводил друзей-однокурсников в Киев и остался на один день **подписать** кое-какие бумаги* (Песков).

Функцию дополнения инфинитив выполняет в сочетании с глаголами волеизъявления (*просил, советовал, уговаривал, приказал, велел, разрешил, позволил* и под.), а также при глаголах типа *помог, помешал* и некоторых других: *о чем просил? что разрешил? в чем помог?* Инфинитив при этих глаголах обозначает не действие лица, названного подлежащим, а действие другого лица и потому не может входить в состав сказуемого: *Долго он уговаривал угрюмого подрядчика **отпустить** Шевченко в свободное время...* (Паустовский); *...Усков разрешил ему*

ж и т ь в беседке, в комендантском саду (Паустовский); ...помог ей *д о н е с т и* до дому корзину с еловыми шишками (Паустовский).

Когда личный глагол в сочетании с инфинитивом выражает отношение субъекта к его собственному действию (*любит читать, обещал выслать, привык сдерживаться* и под.), роль инфинитива двойственна. Инфинитив выражает здесь о б ъ е к т пристрастий, волеизъявлений, привычек субъекта (*что любит? что обещал? к чему привык?*). И вместе с тем инфинитив остается в этих сочетаниях выразителем того главного действия, по отношению к которому глаголы типа *любит, обещал, привык* передают лишь модальную оценку — оценку того, как это действие относится к действительности, как оно проявляется. Ср., например: *любит читать* и *много читает*, *обещал выслать* и *вероятно, вышлет*, *привык сдерживаться* и *обычно сдерживается* и т.д.

Составное именное сказуемое

§ 47. Составное именное сказуемое — это сказуемое, выраженное именными частями речи или их заместителями в сочетании с глагольной связкой. В основной, именной, части могут употребляться: имя существительное, прилагательное, причастие («именная» форма глагола), местоимение, числительное или — изредка — наречие: *Он был врачом; Он высокий; Он пойдет вторым; Он не такой; Он принят на работу; Он уже наготове* и т.д. По сравнению с другими типами сказуемого грамматические и семантические разновидности именного составного сказуемого наиболее многочисленны. Вместе с тем все они объединяются существенными общими признаками. Общей семантической особенностью является выражение с их помощью п а с с и в н о г о признака. Общей грамматической особенностью — употребление

в их составе глагольной связки, выражающей модально-временные отношения: слова именных частей речи не содержат грамматических показателей наклонения и времени и потому не могут выразить сами ни степень реальности признака, ни отнесенность его к определенному времени. См.:

<i>Дом, большой.</i>	<i>Он шофер.</i>	<i>Вход закрыт.</i>
<i>Дом был большой.</i>	<i>Он был шофером.</i>	<i>Вход был</i>
<i>Дом будет</i>	<i>Он будет</i>	<i>закрыт.</i>
<i>большой.</i>	<i>шофером.</i>	<i>Вход будет</i>
<i>Дом был бы</i>	<i>Он был бы</i>	<i>закрыт.</i>
<i>большой.</i>	<i>шофером.</i>	<i>И т.д.</i>
<i>Дом пусть будет</i>	<i>Пусть он будет</i>	
<i>большой.</i>	<i>шофером.</i>	

Как уже говорилось, реальность признака и отнесенность его к настоящему времени передаются в русском языке отсутствием материально выраженной связки — нулевой связкой. Понятие нулевой связки объясняет использование термина «составное именное сказуемое» и по отношению к сказуемым, не включающим материально выраженного вспомогательного компонента¹.

Связочные элементы составного именного сказуемого

§ 48. Среди связочных глаголов противопоставлены друг другу: а) *отвлеченная*, или, иначе, *незнаме-*

¹ Отвергая используемое в академической «Грамматике русского языка» (М., 1954) понятие «простое именное сказуемое», П.А. Лекант пишет: «“Материально” представленная именная часть не может выражать собственными средствами ни одно из грамматических значений сказуемого. Они находят выражение вне ее, т.е. в нулевой форме связки» (*Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М., 1976. С. 97*).

нательная, связка *был — будет — был бы — будь — пусть будет* и т.д.; б) полузнаменательные связки с более конкретным значением: *кажется, становится, стал, сделался, оставался, оказался, считается, называется, выглядит* и ряд других; в) так называемые знаменательные связки — знаменательный глагол, способный сочетаться с именной предикативной частью: *ушел успокоенный, сидел притихший, вернулся инженером* и под.

В грамматическом отношении полузнаменательные и знаменательные связки отличаются от незнаменательной тем, что они более жестко требуют определенных грамматических форм в именной части сказуемого. Так, из двух специфически предикативных падежей — именительного и творительного — при полузнаменательных связках почти всегда возможен только творительный: *кажется деревом, казался веселым, становился теплым, стал врачом* и т.д. При знаменательных прилагательные и причастия возможны и в именительном, и в творительном падежах: *вернулся веселый, вернулся веселым*, а существительные только в творительном: *работает слесарем, расстались друзьями*. При полузнаменательных связках почти не допускаются краткие прилагательные и причастия. Отвлеченная же связка, особенно в форме прошедшего времени *был*, свободно сочетается почти с любыми предикативными формами: *был герой — был героем, был смел — был смелый — был смелым — был из смелых, был высокого роста, был с характером* и т.д. При нулевой связке ограничения распространяются только на падеж предикативного имени: обычно невозможен творительный падеж, ср.: *Улица была узкой*, но: *Улица узкая; Он был героем*, но: *Он герой* (в порядке редкого исключения творительный падеж употребляется иногда только при разговорном обозначении должности: *Сейчас его брат директором в соседнем совхозе; Паромщиком он давно, с войны* (Шукшин).

В семантическом отношении каждая из полузнаменательных связок отличается от связки *быть* выражени-

ем каких-либо дополнительных компонентов модальной и фазовой оценки. Так, связка *кажется* — *казался* указывает на субъективность в восприятии признака (ср.: *был беззаботным* — *казался беззаботным*); связка *считается* — *считался* — на оценку, закрепленную в мнении какого-либо коллектива (ср.: *был талантливым* — *считался талантливым*); связка *становится* — *становился* — *стал* — на постепенное формирование признака (ср.: *был выше* — *стал выше*); *остается* — *оставался* — *остался* — наоборот, на сохранение признака без каких-либо изменений (*оставался спокойным*) и т.д.

Некоторые связки, например *являться*, *служить* (в значении «являться»), в грамматическом отношении сходны с полузнаменательными связками, а в смысловом — с незнаменательной связкой *быть* (ср. сказуемые типа *был образцом* — *служил образцом* — *являлся образцом*).

Использование понятия связки по отношению к **знаменательному** глаголу несколько условно. Оно основывается на том, что знаменательный глагол играет роль выразителя модально-временных отношений. Кроме того, именная часть в сказуемом со знаменательным глаголом нередко является коммуникативно более значимой, а роль глагольного компонента в той или иной мере ослаблена. См., например, предложения типа: *Все сидели озабоченные и смущенные* (Маршак); *Снег летел мелкий, острый* (Кожухова); *Таля у бабушки растет здоровенькой* (Сартаков); *...мы расстаемся единомышленниками* (Сартаков); *Он давно уже работал у сапожника подмостерьем...* (Маршак). Однако ослабленность коммуникативно-семантической и грамматической роли глагольного компонента в предложении не обязательна: глагол может подчинять себе второстепенные члены и входить в рему высказывания. См., например: *А в 1941 году Лев Александрович Рубинов... пошел в дивизию народного ополчения рядовым* (Успенский); *Улугбек первым, может быть, во всей Азии усомнился в существовании бога* (Песков).

В связи с однозначностью обоих компонентов некоторые исследователи называют такое сказуемое не именным составным (со знаменательной связкой), а сложным, т.е. таким, в котором каждый из компонентов способен в принципе составить сказуемое отдельного предложения: *Он вернулся в родной город уже инженером* = *Он вернулся в родной город* + *Он стал инженером*.

Именные компоненты составного именного сказуемого

§ 49. Наиболее существенные различия между разновидностями составного именного сказуемого связаны со способами выражения его основного (именного) компонента. Рассмотрим эти способы в соответствии с тем, какой частью речи выражен именной компонент.

Существительное и сочетание существительного с прилагательным. Сказуемые с существительным в именной части характеризуются максимальным грамматическим и семантическим многообразием.

Обычными формами существительного в сказуемом являются формы именительного и творительного падежей — именительный предикативный и (беспредложный) творительный предикативный. Существительное в этих формах может давать предмету, названному подлежащим, разнообразные оценки. Чаще всего оно выражает классификационный признак, обозначая тот разряд предметов, к которому относится характеризуемый предмет. См., например: *[Невельский задался целью показать, что] Сахалин — это остров* (Поступальская). Особенно многообразны классификационные оценки, которые относятся к лицу; см.: *Я инструментальщик...* (Падерин); *Второй брат... был и остался убежденным консерватором...* (Успенский); *«Вы француженка?» — спросил Тихонов...* *«О нет! Я шведка»* (Паустовский); *Он был вдовец...* (Паустовский); *«Вы его сын?» — «Нет, я его бывший ученик»* (Паустовский); *Петро был бездетный*

бедняк (Паустовский) и т.д. Существительные с качественно-оценочным значением выражают качественный «разряд», к которому принадлежит предмет, и по своей семантической роли близки к прилагательным: ...*в молодости она **была** писаной **красавицей*** (Успенский); ***Выжига** этот ваш **Амфитеатров*** (Успенский); ...***Я не хвастун и не честолюбец*** (Песков) и т.д.

Несмотря на многообразие конкретных оценок, собственно грамматическое значение предложений с именительным и творительным падежами существительного в именной части сказуемого характеризуется единством. Оба падежа выражают отождествление предмета, названного подлежащим, с тем предметом или разрядом предметов, который выражен сказуемым (при отрицании передается отсутствие тождества). В случаях использования в сказуемом иных грамматических форм существительного такого отождествления не наблюдается: признак предмета, обозначенного подлежащим, передается через то или иное соотношение с другим предметом. Ср., например: *Сарай **был пристройкой** к дому — Сарай **был с пристройкой***; *Найденный кусок заостренного камня **оказался** древним **топором** — Найденный кусок заостренного камня — древний **топор** — Найденный кусок заостренного камня — **от** древнего **топора***.

В силу единства общего грамматического значения жесткого разграничения в употреблении именительного и творительного падежей не наблюдается, особенно при связке прошедшего времени *был*. Однако в современном русском языке прослеживается заметная тенденция выражать с помощью именительного падежа тождество максимально полное, не вызывающее сомнений и устойчивое, долговременное, а с помощью творительного — такое, которое представляется говорящему не совсем очевидным, неполным, только кажущимся или нестабильным. Тенденция к такому разграничению проявляется во мно-

гих особенностях использования именительного и творительного падежей. Прежде всего она обнаруживается в тех конструкциях, где именительный падеж, с одной стороны, и творительный, с другой, употребляются наиболее последовательно, — в предложениях с нулевой связкой и в предложениях с полузнаменательными связками. Дело в том, что нулевая связка выражает обычно обобщенное (расширенное) значение настоящего времени и безусловную реальность устанавливаемого признака. Поэтому она в наибольшей степени способствует выражению устойчивого и полного тождества. Полузнаменательные связки указывают на признак не вполне очевидный, не сразу обнаруживаемый (*считается, кажется, выглядит, оказался* и т.д.) или изменчивый, формирующийся постепенно (*становится, делается* и под.). Поэтому выражаемое с их помощью тождество имеет, естественно, неполный или условный характер. Ср., например:

Он знаток живописи. Маша совсем еще девочка.

Этот участок суши — большой полуостров. Вертолет — летательный аппарат.

Он путешественник.

Он слыл знатоком живописи. Маша кажется совсем девочкой.

Обследованный участок суши оказался большим полуостровом. Вертолет им [курам] кажется, наверное, огромным голодным коршуном (Песков).

Судьба моего героя складывалась каждый раз по-иному. Он становился то путешественником, то полководцем, то капитаном корабля... (Маршак). И т.д.

Сказуемое со связкой *был* — *будет* занимает в этом отношении промежуточное положение. С одной стороны, оно обозначает признак реальный, не вызывающий каких-

либо сомнений, а с другой — признак, который ограничен во времени и, следовательно, не стабилен. Ср., например: *Ветер — постоянный **враг** (Песков) — В этот день **врагом** у солдат **был** только мороз (Песков)*. Связка *будет* предполагает, кроме того, развитие признака и потому постоянно взаимодействует с полузнаменательной связкой *станет — стал*: *Со временем этот поселок **будет (станет) городом** (ср.: **стал городом**)*. В соответствии с этой двойственностью при незнаменательной связке прошедшего и будущего времени употребляется как именительный, так и творительный предикативный. Показательно, что при связке *будет* решительно преобладает не именительный, а творительный падеж: выражаемое в этом случае тождество в момент речи оказывается явно проблематичным (см.: *Он **будет путешественником, будет врачом** и т.д.*). При связке прошедшего времени *был* употребление именительного и творительного падежей в целом является наиболее свободным. См., например: *Парк этот **был** главным **украшением** города — Парк этот **был** главное **украшение** города; Миша **был** **добряк**... (Ильина) — Миша **был** **добряком**; Он **был** **моряк** — Он **был** **моряком***. Однако даже в таких конструкциях нет абсолютной смысловой и стилистической равнозначности. На основе частного грамматического значения «полного тождества» в предложениях с именительным падежом намечается функция выражения главного, определяющего признака предмета, как бы конденсирующего все важнейшие его свойства. Показательно, что, когда в предикативном сочетании подчеркнуто передаются либо отношения полного тождества, либо неизменности признака, при связке *был* последовательно используется именительный падеж. Так, он регулярно употребляется при подлежащем *это*, когда сказуемое представляет собой конкретную «расшифровку» указательного местоимения: *Это **была** его новая книга; Это **был** командир батареи*; при полузнаменательных

связках *называется, именуется*, когда сказуемое выражено именем собственным: *...речка **называется Снежедь*** (Песков); при обозначении национальности: *У него няня **была китаянка*** (Ильина); *...мальчик **был испанец**...* (Паустовский). Наоборот, последовательное употребление творительного падежа наблюдается, когда выражение отождествления в буквальном смысле вообще невозможно, например, в случае использования отвлеченных существительных при конкретном значении подлежащего: ***Единственной любовью** Варвары Яковлевны **был** ее племянник и воспитанник Ваня Герасимов...* (Паустовский), а также при наличии прямых указаний на то, что признак был присущ предмету не все время — не был стабильным: *Омск в то время **был** обычной деревней* (Песков); *Абхазцы долго **были** язычниками* (Песков) и под.

Кроме специализированных предикативных форм именительного и творительного падежей, в сказуемом употребляются и другие формы существительных (преимущественно предложно-падежные). Они могут выражать разного рода внешние признаки, происхождение, состояние и т.д. См., например: *Мужчина **был в пиджаке и при галстуке*** (Березко); *...выползла из яйца черепашка. Сама с **пятточок**, глаза как у змейки, ножки лопаточкой* (Сладков); *Они **из одного города**, земляки по-нашему...* (Березко); *Оля **в страшном затруднении*** (Березко); *...он почти все время **без сознания*** (Симонов); *Самолет **в абсолютном порядке**...* (Березко) и т.д. Большинство этих форм в тех же значениях используется при выражении второстепенных членов — несогласованных определений и обстоятельств образа действия.

Часто в сказуемом существительные употребляются вместе с прилагательными, реже — с другими определяющими компонентами, образуя с ними нераздельное смысловое целое: *Через два месяца этот ребенок закончит школу и **станет самостоятельным человеком*** (Тендряков); *Ведь они были **люди серьезные*** (Маршак);

Замечательная женщина наша Феня (Паустовский); **Человек — существо пытливое** (Поступальская); ...**он был человеком удивительной деликатности** (Ильина); **Хитрая и крупная рыба** сазан (Падерин); **Зима для зверей — время суровое** (Сладков); **Морские экспедиции оспаривались... делом необычным, опасным и трудным** (Поступальская) и т.д. Употребление существительного без определительного компонента в подобных случаях или невозможно, или совершенно меняет содержание (ср.: *станет человеком, были люди*). Основную смысловую нагрузку несет здесь именно определительный компонент, и, если он выражен прилагательным, существительное в ряде случаев может быть опущено, см.: *станет самостоятельным* [человеком], *были* [люди] *серьезные*. Однако пропуск существительного возможен не всегда, см.: *И вдруг Уломов стал самым заметным в городе человеком* (Песков); *А Марья Петровна — чудесный человек* (Ильина) и под. Кроме того, прилагательное и сочетание существительного с прилагательным не равнозначны. Прилагательное констатирует отдельный, изолированно взятый признак — один среди других, присущих лицу или предмету. Сочетание существительного с прилагательным выражает обобщающую, как бы итоговую характеристику. При этом признак, называемый прилагательным, приобретает роль главного признака лица или предмета. Ср., например:

Да, она смелая (Падерин).

Я ужасно болтлива (Березко).

Он ведь честный и добрый (Шамякин).

Ваша сестра — человек смелый и опытный (Сартаков).

Отец был добрым и ласковым человеком (Песков).

Обязательность прилагательного может наблюдаться не только при обычных предикативных формах существи-

тельного (при именительном и беспредложном творительном), но и при других его формах — в основном таких же, какие употребляются в несогласованных определениях: *Он среднего роста, плотный...* (Падерин); *Комната просторная, с высоченным... потолком* (Почивалин) и под.

§ 50. Прилагательное. В именной части сказуемого в основном используются три формы прилагательного: а) краткая, б) полная в именительном падеже, в) полная в творительном падеже.

Употребление всех трех форм возможно только при незнаменательной связке, причем нулевая форма связки исключает творительный падеж: *Он тогда был молодой — был молод — был молодым; Он молодой — молод.*

Краткая форма в процессе развития русского языка почти перестала употребляться в роли определения и превратилась в специализированную форму выражения сказуемого. Именно она обладает наиболее широкими возможностями использования в сказуемом, чаще всего ею можно заменить любую из полных форм, сама же она в ряде случаев употребляется как единственно возможная. Сферы преимущественного или исключительного употребления этой формы связаны, с одной стороны, с ее семантическими, а с другой — стилистическими свойствами.

В семантическом отношении ее своеобразие состоит в том, что в основном именно с ее помощью выражается признак с о г р а н и ч е н н ы м и в каком-либо отношении пределами проявления. Во-первых, только краткая форма допускается, когда обозначается признак, проявляющийся в определенных условиях: *К детям он добр* (а не «добрый»); *Платье мне широко* (а не «широкое»); *Книга интересна только для специалистов; Зал темен для выставки* и т.д. (при обозначении аналогичных признаков без указания на какие-либо ограничения, как правило, возможны обе формы: *Он добрый — Он добр; Книга интересная — Книга интересна;*

Зал темный и мрачный — Зал темен и мрачен). Во-вторых, только краткая форма употребляется при обозначении временного состояния (у прилагательных, способных обозначать и временные состояния, и постоянные качества лица): *Он болен — сыт — весел — спокоен — серьезен — смешон — зол — здоров* и под. (при обозначении постоянных свойств употребляются либо только полные формы: *Он больной* — о хронически больном человеке; *Он здоровый*; *Он веселый*; либо полные и краткие: *Он серьезный*; *Он вдумчив и серьезен*). Только краткая форма возможна у таких прилагательных, которые вообще не могут выражать каких-либо устойчивых признаков предмета, а выражают оценку его состояния или его отношение к кому-либо или к чему-либо. Это прилагательные типа: *готов, рад, расстроен, доволен, озабочен, виновен, виноват¹, прав, согласен, склонен, достоин, благодарен, неразлучен, известен, неприемлем, предпочтителен, виден, слышен, замечен, доступен, неузнаваем, чужд, нужен* и т.д. Например: *Наконец пальтишки были готовы* (Маршак); *...слышны удары мяча...* (Песков); *Нужны были дрова* (Песков); *Это я виновата* (Сартаков).

В тех случаях, когда по нормам языка допускаются как полные, так и краткие формы, их употребление зависит от стилистических свойств этих форм. Краткую форму характеризует книжность и большая категоричность выражаемой характеристики. Именительному падежу полной формы свойственна непринужденность и эмоциональная мягкость оценки. Ср., например:

<i>Адъютант был молодой и красивый</i> (Первомайский).	<i>Леонид Александрович был красив, молод, здоров</i> (Вересаев).

¹ В сочетании с неодушевленными существительными типа *вид, взгляд, глаза, лицо, выражение* употребляется полная форма, ср.: *Он был доволен — Лицо у него было довольное.*

Голос у невидимого Даниль-
ченко был **сильный и весе-
лый** (Первомайский).
[пахло смолой] воздух был
густой и неподвижный...
(Первомайский).

Голос у него был **не громок,
но звучен и высок** (Горь-
кий).
Воздух **неподвижен, тя-
жел** (Тендряков).

Если прилагательное употребляется последовательно в книжных стилях речи и выражает логическую, квали-
фикационную оценку, то употребление его в краткой фор-
ме при нулевой связке часто является строго обязатель-
ным. См.: *Их выводы **убедительны — бездоказательны — гипотетичны — неправомерны — ошибочны — проти-
воположны — идентичны — закономерны — не окон-
чательны*** и т.д. Краткие прилагательные оказываются
единственно возможными и в случаях, когда выражаемая
оценка имеет обобщающий характер — относится не к кон-
кретным предметам, а к определенному типу предметов:
***Прекрасны** моря, **бескрайни** степи, **величественны** горы*
(Поступальская). Ср.: *Леса здесь **прекрасные — прекрас-
ны***.

Господство краткой формы в рассмотренных случаях
накладывает ограничения на сферу употребления полных
форм прилагательных (причем при использовании тво-
рительного падежа таких ограничений меньше, так как
при наличии материально выраженной связки он свобод-
но употребляется в книжных стилях, ср.: *Их выводы **были
убедительными — бездоказательными — гипотетич-
ными*** и т.д.).

За пределами этих сфер нередко предпочитают пол-
ные формы. Прежде всего это наблюдается в разговорной
речи, где краткие формы малоупотребительны из-за сво-
ей книжности: *Ночи были морозные* (а не «морозны»); *Она
очень симпатичная* (а не «симпатична»). Для художе-
ственно-изобразительной характеристики конкретного

предмета или явления тоже чаще используются полные прилагательные, при этом иногда краткие формы здесь даже невозможны. См., например: *Снег **рыхлый**, в темных соринках, свищах* (Песков); *Степная дорога к дому **была гладкой и теплой*** (Песков); *Зорька **была холодной, тихая, чистая*** (Сладков).

Изредка в непринужденной экспрессивной речи встречаются сказуемые типа: ...*командир у них **был не из робких***... (Поступальская); ...*она **не из местных*** (Калинин). Ср. сходное: *Этот элеватор **из числа небольших*** (Песков).

Употребляются в сказуемом также неизменяемые формы простой сравнительной степени: *Небо **черное, но остовы домов еще черней*** (Симонов); *И цветы после хороших дождей **становятся ярче и крупнее***... (Поступальская); *Подводная часть айсберга **бывает** в четыре-пять раз **шире** надводной* (Поступальская) и т.д.

Схематически соотношение сфер употребления трех основных предикативных форм прилагательного можно передать следующим образом:

Краткая форма		
Творительный падеж полной формы		
Именительный падеж полной формы		
Обозначение признака, ограниченного в своем проявлении	Обозначение логической, квалификационной оценки или явления	Обозначение качественного признака конкретного предмета
<i>Он болен Юбка узка Мне дороги эти места Ты виноват</i>	<i>Вывод этот был гипотетичен – был гипотетичным</i>	<i>Дорога была сухой – была сухой – (редко) была суха</i>

§ 51. Причастие. Причастия в именной части сказуемого встречаются часто. Но употребительной предикативной формой является только краткое страдательное причастие прошедшего времени. Оно выражает обычно состояние характеризуемого предмета: *Окна **были открыты*** (Паустовский); *Дом **не огорожен*** (Паустовский); *Замок **был сожжен*** (Песков); *Большаков почему-то **смущен** этой встречей с комдивом* (Кожухова). Иногда причастия, подобно глаголу, фиксируют факт действия. В таких случаях вызванное этим действием состояние передается как одна из деталей в цепи развивающихся событий: *Инженер Тенеберг **был помещен** в отсек старого корабля... Он открыл клапан, заранее сделанный в борту. Хлынула вода...* (Паустовский); ***Был объявлен** привал. Лыжи воткнули в снег...* (Паустовский). При полужнаменательных связках страдательные причастия выражают значение состояния и употребляются в полной форме (в творительном падеже): *Ворота **оказались заложенными** наглухо* (Сартаков); *И **останется тайна неразгаданной*** (Сладков); *Важная дипломатическая миссия **оказалась невыполненной*** (Поступальская).

Временное значение у всех этих причастий стерто. Семантика прошедшего времени проступает лишь в том, что причастие обозначает состояние, являющееся результатом предшествующего действия. Время же, к которому относится само состояние, выражается, как и при употреблении прилагательных, при помощи связки: *Окна **открыты** — **были открыты** — **будут открыты**.*

Действительные причастия в составе сказуемого встречаются редко. См., например: *Кремль **казался повисшим** в воздухе и очень легким* (Паустовский); *Таня **была невыспавшаяся, усталая и раздраженная*** (Ильина).

§ 52. Местоимение. Употребление местоимений в сказуемом сходно с употреблением существительных и прилагательных. Чаще встречаются местоимения, граммати-

чески соотносительные с прилагательными: *Таким* Ростов *остался* до наших дней (Песков); *И пруд все тот же*, и поле ржи (Песков); *Да ведь двор-то наш!* (Маршак); *...какие у них были корабли?* (Поступальская); ср.: *были большие*. Местоимения-существительные обычно употребляются в диалоге, причем, как правило, в вопросительных предложениях: *Подошел патруль... «Вы кто такие, товарищи?..»* (Песков); *«Что это? Кто это?» — заборотал он спросонья. «Это я, я!»* (Маршак) и т.д.

§ 53. Числительные, наречия. Числительные, наречия, наречные сочетания используются в именном сказуемом очень редко. Числительные употребляются обычно как результат сокращения количественно-именного сочетания: *У человека на днях температура была сорок...* (Ильина) — *сорок градусов*; *А мороз — пятьдесят два* (Песков). Ср.: *Возраст его [дуба] — две тысячи лет* (Песков).

Наречия и наречные сочетания используются в сказуемом в том случае, если они способны выражать состояние предмета или его отношение к определенной ситуации: *Двери и окна всех комнат настезь* (Падерин); *...старшая их дочь Ольга Александровна была уже замужем...* (Березко); *...в тот день Мацевич был не в ударе* (Успенский); *Все осталось по-прежнему* (Песков); *...наша техника на хорошем счету* (Песков); *Уж очень нехстати был его приход* (Березко) и т.д.

С именным сказуемым сближается инфинитив, употребляемый при подлежащем, выраженном либо тоже инфинитивом, либо отвлеченным существительным: *Содействовать росту классового сознания пролетариата — значит ковать оружие, наиболее опасное для самодержавия* (Сартаков); *Наш общий долг — выстроить новый Ташкент* (Песков). Ср. в аналогичной роли отвлеченное существительное: *Наш общий долг — возведение нового Ташкента*.

Рассмотренное многообразие структурно-семантических разновидностей сказуемого обнаруживает, какими богатыми возможностями для выражения различного содержания и решения разных коммуникативных задач обладает структура двусоставного предложения.

Односоставные предложения

§ 54. Общая характеристика. Односоставные предложения представляют собой ряд самостоятельных структурно-семантических типов предложений, каждому из которых свойственны специфические формы выражения главного члена и часто — определенные разновидности второстепенных членов, а также своеобразие в коммуникативном назначении и грамматической семантике. Основными типами односоставных предложений, выделяемыми в русской лингвистической традиции, являются: *определенно-личные*, *неопределенно-личные*, *обобщенно-личные*, *безличные*, *инфинитивные* и *назывные*, или *номинативные* (в школьных учебниках инфинитивные предложения рассматриваются как разновидность безличных; обобщенно-личные как самостоятельный тип выделяются не везде). Грамматическая специфика каждого типа в основном связана с формами выражения главного члена. При этом в большинстве типов односоставных предложений главный член имеет грамматические и семантические признаки, характерные для сказуемого (см. выше, § 42). Сказуемо-бесподлежащими (если пользоваться одной из наиболее крупных классификационных рубрик А.А. Шахматова) являются все типы, кроме назывных предложений.

Общим свойством разновидностей односоставных предложений является то, что для полного словесного выражения мысли в них достаточно одного главного члена.

Основные способы выражения главного члена в односоставных предложениях разных типов приводятся ниже в таблице.

Типы односоставных предложений	Основные способы выражения главного члена		Примеры
	Глагольные формы	Неглагольные формы	
Определенно-личные	1-го и 2-го лица единств. и множ. числа настоящего и будущего времени, а также повелительного наклонения	—	<i>Сдаю экзамен. Сдаешь экзамен? Сдаем экзамен. Сдаете экзамен? Сдай экзамен. Давай сдавать экзамен.</i>
Неопределенно-личные	3-го лица множ. числа настоящего и будущего времени или множ. числа прошедшего времени и сослагательного наклонения	—	<i>В школе сейчас сдают экзамены – будут сдавать экзамены – сдавали бы экзамены.</i>
Обобщенно-личные	2-го лица единств. числа настоящего и будущего времени	—	<i>Во время экзамена всегда волнуешься.</i>
Безличные	3-го лица единств. числа настоящего и будущего времени или среднего рода единств. числа прошедшего времени и сослагательного наклонения	а) категория состояния; б) категория состояния плюс инфинитив	<i>Лодку качает – качало. Ему трудно. Ему трудно учиться.</i>
Инфинитивные	инфинитив	—	<i>Экзамен ему не сдать. Зачем ехать? Сдать бы экзамен.</i>
Назывные (номинативные)		существительное в именительном падеже	<i>Пустынная платформа. Тишина.</i>

Употребительность односоставных предложений в русском языке, многообразие их типов уже давно привлекают к себе внимание лингвистов. История изучения этих предложений богата и плодотворна. Вместе с тем и в общей интерпретации природы односоставности, и в классификации односоставных предложений, и в их семантической характеристике остаются спорные, не до конца решенные вопросы. Основные теоретические разногласия связаны с объяснением семантического своеобразия односоставных предложений по сравнению с двусоставными.

Вслед за академиком А.А. Шахматовым часто предпринимаются попытки объяснять односоставность предложений исходя из соотношения их членов с субъектом и предикатом логического суждения (сам А.А. Шахматов говорил об их соотношении с субъектом и предикатом «коммуникации»¹). При этом в одних случаях сохраняется интерпретация, близкая к А.А. Шахматову, и единственный главный член односоставных предложений рассматривается как выразитель одновременно и субъекта и предиката суждения (из этой трактовки нередко вытекает полный отказ от грамматических понятий «подлежащее» и «сказуемое» по отношению к односоставному предложению и использование недифференцированного термина «главный член односоставного предложения»). В других случаях в качестве выразителей субъекта рассматриваются стабильно употребляющиеся (в отдельных типах односоставных предложений) второстепенные члены — дополнения, обстоятельства: *Ему холодно; Мне не ра-*

¹ «...Психологическою... основой предложения является сочетание... представлений в том особом акте мышления, который имеет целью сообщение другим людям состоявшегося в мышлении сочетания представлений; этот акт мы назовём коммуникацией», — пишет А.А. Шахматов (*Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941. С. 19*).

ботается; *В саду темно* и под. Следствием таких трактовок у некоторых авторов является отождествление грамматических функций этих второстепенных членов с функциями подлежащего двусоставного предложения¹. Обе трактовки косвенно предполагают отношение к односоставному предложению не как к совершенно самостоятельному структурно-семантическому типу, а как к результату своеобразного видоизменения двусоставного предложения. Поэтому, при рассмотрении отдельных типов односоставных предложений, особое внимание будет обращать на выявление степени структурно-семантической самостоятельности каждого из них.

Определенно-личные предложения

§ 55. Определенно-личные предложения — это предложения, обозначающие действия непосредственных участников речи — говорящего или его собеседника (собеседников). В соответствии с этим сказуемое употребляется в них в формах 1-го и 2-го лица (ед. и мн. числа) настоящего или будущего времени, а также повелительного наклонения. Например: ***Расскажу** тебе все при встрече — Расскажешь мне все при встрече — Расскажи(те) мне все при встрече — Все расскажем вам при встрече — Расскажите нам все при встрече — Давайте расскажем все на собрании* и под.

Предложения эти по семантике и структуре очень близки к личным двусоставным предложениям. Почти всегда соответствующую информацию можно передать двусоставной конструкцией, включив в предложения подлежащие *я, ты, мы* или *вы*.

¹ Оценку разных точек зрения по этим вопросам см. в кн.: *Бабайцева В.В.* Односоставные предложения в современном русском языке. М., 1968. С. 4—5, 71—86.

Достаточность одного главного члена обусловлена здесь причинами чисто грамматическими. Она всецело зависит от морфологических свойств сказуемого: окончания глагольных форм 1-го и 2-го лица передают ту же информацию о субъекте действия, что и личные местоимения. Поэтому подлежащие *я, ты, мы, вы* оказываются при них информативно избыточными.

При любых других формах сказуемого, предполагающего субъект-лицо, подлежащее является необходимым компонентом. Так, формы прошедшего времени не имеют категории лица и потому никогда не указывают на определенного производителя действия. Например, *шел* обязательно требует словесного выражения субъекта: *кто шел?* (или *что?*) — *я, ты, он, отец, Коля, приятель; снег, трамвай...* Окончания глаголов в форме 3-го лица (*приедет, приедут, растет, растут* и т.д.) указывают только на то, что субъектом действия не является ни говорящий, ни его собеседник. Более конкретной информации о деятеле они не содержат. Поэтому, употребляясь без подлежащего, предложения с подобными формами представляют собой **неполные двусоставные предложения**.

Таким образом, при отсутствии подлежащего личное предложение может оставаться полным и оцениваться как односоставное в очень узких грамматических рамках. Из всей совокупности двусоставных предложений, подлежащими в которых могут быть любые существительные и местоимения-существительные, односоставную параллель могут иметь только те, в которых подлежащими являются местоимения *я, ты, мы* и *вы*, а сказуемое стоит в формах настоящего, будущего времени или повелительного наклонения.

Несмотря на семантическое тождество реального содержания предложений типа *Поеду завтра* и *Я поеду завтра*, *Сходи к нему* и *Ты сходи к нему*, наблюдается тенденция к разграничению в их употреблении.

Так, в побудительных предложениях преобладают односоставные конструкции. Исполнителя действия способно конкретизировать в них не подлежащее, а только обращение: *Мама деловым тоном сказала: «Ну, Витя, **перестань плакать и садись обедать**»* (Вересаев); *Я позвал ее шепотом: «**Идите** скорей сюда! Тут много ягод!»* (Вересаев) и т.д.

В повествовательных предложениях, наоборот, ограничены возможности употребления односоставных конструкций, несмотря на их информативную полноценность: односоставные конструкции чаще используются здесь при обозначении действий говорящего, а не собеседника: употребление подлежащего *ты* или *вы* является своеобразным знаком вежливости по отношению к собеседнику. См.: «**Вы знаете немецкий?**» — «**Не стану хвалиться**, но, кажется, **и читаю, и говорю** совершенно свободно. Таганская тюрьма выучила» (Сартаков); «**Как же ты ходишь с такими ногами?**» — «**Хожу** ничего, **ходить я могу**» (Вересаев). Опускание подлежащих *ты* и *вы* («**Знаете немецкий?**», «**Как ходишь с такими ногами?**») сообщило бы приведенным репликам более резкий и фамильярный характер, неуместный при вежливом обращении к собеседнику. В целом, несмотря на своеобразие в условиях употребления, определенно-личные односоставные предложения не представляют собой совершенно специфических моделей, обособленных от двусоставных предложений с подлежащими *я*, *ты*, *мы* и *вы*, и могут рассматриваться как односоставный вариант этих предложений.

Неопределенно-личные предложения

§ 56. Нео п р е д е л е н н о - л и ч н ы е предложения — это односоставные предложения, которые обозначают действие безотносительно к действующему лицу: *Почту еще не приносили; Слушали его внимательно; Меня вызыва-*

*ют в деканат; Его **привели** в чувство, кое-как **перевязали*** (Поступальская); *Ему... **дали** комнату в том же общежитии* (Ильина); *В этот день ребят **экзаменовали** не в классе, а в просторном зале* (Маршак). Главный член выражается в них глаголом в форме 3-го лица множественного числа настоящего и будущего времени или в форме множественного числа прошедшего времени и сослагательного наклонения: *Его **назначают (назначат, назначили, назначили бы)** инженером*. Изменение сказуемого в неопределенно-личных предложениях затрагивает только категории времени и наклонения, изменение его по лицам и числам исключается.

В отличие от определенно-личных, неопределенно-личные предложения представляют собой совершенно самостоятельную структурно-семантическую разновидность предложений. Односоставность присуща им органически и связана с основной особенностью их грамматической семантики. Так как действие обозначается в них безотносительно к конкретному его исполнителю, они позволяют сосредоточить все внимание на характере или факте обозначаемой деятельности, полностью отвлекаясь от вопроса о конкретных действующих лицах. В этом отношении неопределенно-личные предложения резко отличаются даже от тех двусоставных, которые содержат лексически неопределенные обозначения действующих лиц. Ср., например: *В зале **смеялись** — Несколько человек в зале смеялись — Кое-кто в зале смеялся — Люди в зале смеялись* и т.д.

Переключению внимания на действие при употреблении неопределенно-личных предложений нередко способствует то, что в общих (хотя и неопределенных) чертах состав возможных участников действия нередко подсказывается обстоятельствами места, характером самого действия и т.д. См., например: *В редакции часто о нем **говорили*** (Ильина); *...нас **ждут** дома к завтраку* (Мар-

шак); *С флагманского судна **передали** приказ прекратить огонь...* (Паустовский); *В доме Бриггсов **угощали** теперь и русской кухней* (Ильина); *Мне с братом **наняли** репетитора* (Маршак)¹.

Глагольная форма множественного числа (3-го лица) является выразителем общей грамматической семантики неопределенно-личных предложений, а не выразителем множественности субъектов: она употребляется и в том случае, когда реальным исполнителем действия является один человек (*За стеной **играют** на рояле; Вечером **принесли** телеграмму* и т.д.).

Важную особенность грамматической семантики неопределенно-личных предложений составляет то, что с их помощью выражаются только проявления человеческой деятельности. В этом отношении они противостоят безличным предложениям, выражающим действия стихийных сил. Ср.: *Его **сшибли** с ног — Его **сшибло** с ног; В бою его **ранили** — В бою его **ранило** [осколком снаряда]*.

Возможности коммуникативного использования неопределенно-личных предложений обусловлены особенностями их грамматической семантики. Предложения эти специализировались на обозначении таких проявлений человеческой деятельности, для сообщения о которых указание на конкретного исполнителя действия по разным причинам является неважным, ненужным или даже невозможным.

Чаще всего они употребляются тогда, когда речь идет об осуществлении какой-либо организованной коллективной деятельности: *Нефть **искали** с отчаянным упорством*.

¹ Показательно, что, когда существительное, употребленное в качестве обстоятельства, допускает метонимическое переосмысление и может обозначать коллектив людей, неопределенно-личные предложения допускают замену личными: *На собрании постановили...* — *Собрание постановило...; В колхозе закончили сев — Колхоз закончил сев*.

И нашли (Песков); *Пять лет строили* Днепрогэс (Песков); *А во время войны плотину взорвали* (Песков); *При мне его и демобилизовали* (Почивалин). Употребление подлежащего в таких сообщениях (если оно вообще возможно) резко сужает значение предложения и вообще меняет характер информации. Так, хотя конкретными исполнителями разного рода официальных решений часто являются технические работники, предложения типа *Вызов ему еще не послали* и *Вызов секретарь ему еще не послал* не равнозначны. Семантика неопределенно-личного предложения отвлеченнее и шире: его употребление предполагает, что за действиями непосредственного исполнителя (даже если он один) стоит коллективная организация.

Гораздо реже, чем о проявлениях коллективной деятельности, в форме неопределенно-личных предложений сообщается о «персональных» действиях одного или нескольких лиц.

При этом в одних случаях поводом для их употребления служит неизвестность действующего лица (по крайней мере в определенный момент описываемых событий). См.: *Ее окликнули* (Ильина); *Внезапно его тронули за плечо* (Ильина). Именно такие (и только такие!) предложения семантически близки к двусоставным предложениям с подлежащим *кто-то* (*Ее кто-то окликнул; Кто-то тронул его за плечо*): местоимение *кто-то* лексически выражает неизвестность субъекта действия. Однако и здесь неопределенно-личные предложения обнаруживают свою специфику: они позволяют полностью отвлечься от вопроса о действующем лице.

В других случаях неопределенно-личные предложения используются, когда действующее лицо известно говорящему и, в частности, когда это лицо — сам говорящий. Такое употребление нередко связано с характеристикой личных отношений. Например, в романе Н. Ильиной «Возвращение»: *Видел бы он [Д. Голубев], как ее заперли*

сегодня в гараже... (запер муж); — *Ее вытащили из грязи, дали ей то, о чем она и мечтать не могла, но у нее не хватило мозгов это оценить* (муж в раздражении обращается к героине). По сравнению с двусоставными предложениями (*Муж запер...; Я вытащил...*) эти неопределенно-личные предложения, как всегда, выражают содержание более широкое и отвлеченное: в передаваемой ситуации с их помощью подчеркивается не роль конкретного лица, а общий характер отношений.

Таким образом, общие особенности грамматической семантики неопределенно-личных предложений проявляются при любых вариантах их коммуникативного использования.

Обобщенно-личные предложения

§ 57. **Обобщенно-личные предложения** — это такие предложения, в которых формулируются наблюдения, связанные с обобщающей характеристикой определенных предметов, жизненных явлений и ситуаций: *Из песни слова не выкинешь* (Пословица); *...От будущего никуда не убежишь* (Тендряков); *Сотни деревьев, тысячи крошечных кладовых. Разве все их запомнишь?* (Сладков); *Что вокруг озера — видно, а что внутри — нет. Смотришь в воду, а видишь облака, деревья, пролетающих птиц* (Сладков).

Главный член обобщенно-личных предложений выражается глаголом в форме 2-го лица единственного числа. В отличие от внешне сходных с ними определенно-личных предложений с глаголами в форме 2-го лица, в предложениях обобщенно-личных никогда не говорится о конкретных действиях слушающего (ср. определенно-личные предложения типа: *К экзаменам готовишься? По дороге зайди к матери* и под). С помощью форм 2-го лица единственного числа в обобщенно-личных предложениях

подчеркивается, что обобщаемые наблюдения касаются любого человека, если он сталкивается с определенными жизненными явлениями или ситуациями. С этой семантической особенностью обобщенно-личных предложений связано их грамматическое отличие от предложений определенно-личных: не выражая отнесенности к какому-либо конкретному лицу, глагольное сказуемое не допускает в них парадигматических изменений по лицам.

Важную особенность обобщенно-личных предложений составляет то, что употребляются они при выражении только таких наблюдений, которые представляются говорящему бесспорными, поскольку естественно вытекают из объективных особенностей наблюдаемых явлений или ситуаций. Поэтому в них легко возникает модальное значение необходимости, неизбежности, объективной обусловленности выражаемых ситуаций. Очень наглядно это проявляется в тех случаях, когда обобщенно-личные предложения употребляются в условных конструкциях — с союзными и бессоюзными придаточными предложениями или деепричастными оборотами. Например: *Если смотреть с вершин Жигулей не на реку, а в другую сторону, то увидишь ровные засеянные поля* (Поступальская); *В лес пойдешь — кого-нибудь да увидишь. А увидишь — узнать захочешь. Узнаешь — непременно полюбишь. А полюбишь — в обиду не дашь* (Сладков); *Побывав тут однажды, всегда будешь помнить улицы, похожие на лесные просеки, свет в окнах сквозь кисею берез* (Песков) = *если побываешь* и под. Конструкции эти подчеркивают естественность реакции любого человека на ту ситуацию, которая выражается придаточными предложениями и деепричастными оборотами.

Наиболее специфический компонент в грамматической семантике обобщенно-личных предложений — это значение личной причастности любого лица (но в первую очередь говорящего и его собеседников) к наблюдениям, составляющим содержание этих предложе-

ний. Обобщается в них жизненный опыт говорящего или усвоенный им коллективный опыт. См.: *Перед большой аудиторией читаешь иначе; В это время приступаешь к очень интенсивной сознательной работе — отбираешь наиболее ценный материал из громадного количества впечатлений и образов...* (Фадеев). Иногда фиксируются устойчиво повторяющиеся чисто личные впечатления прошлого, рассчитанные на отклик и понимание со стороны собеседников: *Бывало, стоишь в углу... и думаешь: «Забыл про меня Карл Иванович»* (Л.Н. Толстой). Значение личной причастности обусловлено употреблением в обобщенно-личных предложениях глагольной формы 2-го лица. Форма эта сохраняет в них связь со своим основным значением и содержит как бы намек на то, что говорящий приглашает собеседника к совместным наблюдениям, к сопереживанию. С рассматриваемой семантической особенностью связана отмеченная в свое время А.М. Пешковским эмоциональная окрашенность обобщенно-личных предложений: они имеют отпечаток доверительно-интимного, часто — задушевно-лирического общения с собеседником (что, естественно, ограничивает стилистические возможности их использования).

Совокупность рассмотренных особенностей резко отличает обобщенно-личные предложения от предложений неопределенно-личных, в том числе и от предложений с абстрактно-обобщающим содержанием, которые многие исследователи относят к обобщенно-личным: *Цыплят по осени считают; Обещанного три года ждут* и под.¹ Как

¹ Обобщенно-личное значение фиксируют в таких предложениях и авторы школьных учебников. См.: Бархударов С.Г., Крючков С.Е., Максимов Л.Ю., Чешко Л.А. Русский язык. Учебник для 8 класса. М., 2001. § 22 (Примечание); Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д. Русский язык: Теория: Учебник для 5—9 классов... М., 2002. § 182; Русский язык. 8 класс: Учебник для общеобразовательных школ / Под ред. М.М. Разумовской, П.А. Леканта. М., 2002. § 20.

и во всех других неопределенно-личных предложениях, в подобных предложениях отсутствует семантический компонент личной причастности. Благодаря употреблению формы 3-го лица множ. числа, типизированные жизненные ситуации характеризуются в них «отстраненно» от говорящего и его собеседника — как обобщение чужого, а не своего опыта (ср.: *Цыплят по осени **считают*** и *Цыплят **считаешь** осенью; Соловья баснями **не кормят*** и *Соловья баснями **не накормишь*** и под.). Абстрактная обобщающая семантика предложений типа *Цыплят по осени **считают*** никак не связана с грамматическим значением лежащей в их основе модели. Грамматическое выражение этой семантики достигается употреблением глагольного сказуемого в формах настоящего или (реже) будущего времени, с помощью которых в русском языке могут формулироваться сообщения об устойчивых, закономерных связях между явлениями — при любом структурно-семантическом типе предложения. Ср.: *Руду на завод **привезли** издалека* — *Руду на завод **привозят** издалека; Экзамены **сдали** в январе* — *Экзамены **сдают** в январе; На сильном огне вода **закипела** быстро* — *На сильном огне вода **закипает** быстро; В паводок дом **затопило*** — *В паводок дом **затопляет*** и т.д. Пословицы характеризуются своеобразием только в том, что благодаря переносному значению и афористическому характеру они **с т и л и с т и ч е с к и** **у с и л и в а ю т** обобщение¹.

¹ Большое смысловое сходство с обобщенно-личными предложениями имеют определенно-личные предложения с формами 1-го лица множественного числа (если они передают обобщающее содержание!) типа *Что **имеем**, **не храним**, **потерявши**, **плачем*** (Пословица). И те и другие предложения предполагают личную причастность говорящего, его опыт. Но в предложениях с формами 1-го лица множественного числа как обобщающее значение, так и выражение личной причастности говорящего связаны с широкой грамматической семантикой местоимения **мы** и соответствующих лич-

Естественно, что содержанию обобщенно-личных предложений, для которых обобщающее значение является постоянным грамматическим значением, в наибольшей степени соответствуют формы настоящего времени и будущего совершенного (примеры см. выше). Однако изредка в них употребляются также и формы прошедшего времени и сослагательного наклонения — формы, не имеющие категории лица. Выразителем обобщенно-личного значения становится в таких случаях форма единственного числа мужского рода: *...вышел подышать воздухом — прямо от порога **попадаешь** на лесную дорожку* (Песков); *В былые времена на таком расстоянии уже, наверное, **услышал бы** колокольный звон* (Песков).

Обобщенно-личные предложения не обязательно односоставны: в них может употребляться подлежащее *ты* — тоже с обобщенно-личным значением, например: ***Ты** много **слышал и читал** о простоте быта этого человека* [Л.Н. Толстого], *но эта простота все-таки поражает* (Песков); *И вдруг блеснуло что-то впереди. Еще шаг, другой — и **ты выходишь** к лесному озеру* (Поступальская); *С реки **ты** первый раз **видишь** Тобольск* (Песков).

В двусоставных обобщенно-личных конструкциях «приглашение» собеседника (читателя) к совместным наблюдениям выражено по сравнению с односоставными более ярко. И нередко они как бы соприкасаются с лич-

ных окончаний глагола (**-ем, -им**). Ими обозначаются, как известно, говорящий + *тот (те)*, кого он с собой объединяет: ***я + ты, я + вы, я + он (она), я + брат, я + они*** и т.д. В качестве одного из частных проявлений это грамматическое значение включает и значение «***я + любой человек***». На этой основе и происходит сближение одного из частных значений определено-личных предложений с постоянным грамматическим значением предложений обобщенно-личных. Такое частичное пересечение значений составляет одну из распространенных причин синтаксической синонимии.

ными предложениями, содержащими в себе буквальное обращение к собеседнику (читателю) типа: *Если тебе самому приходилось, притихнув, слушать бормотание вешних вод под снегом, **ты почувствуешь** «чародейство и диво» этих стихов* (Поступальская).

Изредка в двусоставных обобщенно-личных предложениях употребляется подлежащее *вы*, а не *ты*: *Всё произошло и всё молчит. **Вы проходите** мимо дерева: оно не шелохнется, оно нежится* (Тургенев). Ср.: ***проходишь** мимо дерева...* Эти предложения в еще большей степени, чем при подлежащем *ты*, сближаются с теми личными предложениями, в которых подлежащее *вы* обозначает только читателя-собеседника и, в отличие от обобщенно-личных, «не включает» автора — говорящего. В некоторых случаях разница здесь почти неуловима.

Несколько особняком среди рассматриваемых конструкций стоят предложения с формами повелительного наклонения (2-го лица единственного числа). Если эти формы сохраняют прямое — побудительное (императивное) — значение, то содержащееся в них обобщение коллективного опыта часто воспринимается и используется в конкретно-личном смысле — как назидание, обращенное к собеседнику — второму лицу: *Не зная броду, **не суйся** в воду; На чужой каравай рот **не разевай**; По одежке **протягивай** ножки* (Пословицы) и под.

Более обычное обобщенно-личное значение имеют предложения с формами повелительного наклонения в том случае, если эти формы употребляются в значениях неимперативных. Например: *Кажется, рукой **шевели** и **распугаешь** певцов* (Песков); *Кусты и трава набухли водой: куст **задень** — как из ведра обольет...* (Сладков); *Бриггс не отзывался. И не отзовется... **Стучи** хоть до утра* (Ильина).

Таким образом, резко отграничены от личных предложений те односоставные обобщенно-личные конструк-

ции, главный член которых выражен глаголом в форме 2-го лица единственного числа изъявительного наклонения. Двусоставные предложения с подлежащим *ты* и *вы*, а также односоставные предложения с формами повелительного наклонения нередко имеют черты предложений переходного типа — промежуточных между обобщенно-личными и собственно личными.

Безличные предложения

§ 58. Общая характеристика. По сравнению с определенно-личными, неопределенно-личными и обобщенно-личными предложениями предложения безличные гораздо более многообразны по грамматической структуре и по своим семантическим возможностям.

Вместе с тем все разновидности безличных предложений характеризуются и некоторыми общими особенностями в выражении главного члена, и общими чертами грамматической семантики.

Для выражения их главного члена характерно использование специфически «безличных» форм 3-го лица единственного числа или среднего рода. В этих формах употребляются в них знаменательные и связочные глаголы, страдательные причастия. Форму, внешне совпадающую с краткими прилагательными среднего рода, имеют обычно и слова категории состояния, широко употребляемые в качестве главного члена безличных предложений: *Нас **швыряет**, как деревянную ложку* (Песков); ***Морозило...** Даже от собачьего бега в лесу **похрустывало*** (Песков); *...в приеме **отказано*** (Сартаков); *Там **было темновато...*** (Успенский); ***Боязно** мне...* (Березко) и т.д.

Парадигматические изменения главного члена (его спрягаемой глагольной части) могут затрагивать в безличных предложениях только наклонение и время. См., на-

пример: *Ему следует подумать* — *Ему следовало подумать* — *Ему следовало бы подумать* и под. Формы лица, рода и числа здесь неизменяемы: невозможны 1-е и 2-е лицо; мужской и женский род; множественное число.

Определяющей особенностью грамматической семантики безличных предложений является значение стилистичности, произвольности выражаемого действия или ситуации. Оно проявляется в самых различных случаях — когда выражается: действие (*Лодку сносит к югу*); состояние человека или животного (*Ему холодно; Мне не спалось; Ехать отцу не хотелось*); состояние окружающей среды (*В комнате было прохладно и тихо; Темнело; Тянет свежестью*); состояние дел (*Плохо с кадрами; Нельзя откладывать эксперименты*); состояние развивающихся событий (*Вскоре удалось выпустить нужные книги; Пришлось ехать*) и т.д.

Не менее важной и характерной является другая семантическая особенность безличных предложений. Выражаемый в них признак чаще всего является результатом действия неопределенной совокупности стилистических сил или объективных обстоятельств. Поэтому самым употреблением модели безличного предложения подчеркивается, что признак этот не имеет прямой связи с каким-либо отдельным субъектом. Если этот признак качественный или какой-либо другой, но тоже «пассивный», то безличное предложение передает его, во-первых, как признак сугубо временный, ситуативный; во-вторых, как присущий ситуации в целом, а не отдельному предмету. Обе эти особенности выявляются при сопоставлении безличных предложений с двусоставными. Ср., например: *В комнате было тепло* — *Комната была теплая; В лесу сыро и сумрачно* — *Лес сырой и сумрачный; Пахло дымом* — *Обуглившиеся обломки пахли дымом*. Если сообщается о действии (об активном воздействии на объект), то в безличном предло-

жении оно обозначается как лишенное какого-либо конкретного субъекта — производителя действия. См.: *Огонь **знало** по земле с неслыханной скоростью* (Паустовский); *Начало **качать*** (Паустовский) и под.

Существование двусоставных предложений, сходных с безличными по общему содержанию, только оттеняет семантические особенности безличных предложений. Употребление подлежащего при обозначении ситуаций, выражаемых обычно безличными предложениями, во-первых, сопровождается сужением содержания высказывания, а во-вторых, нередко обнаруживает известную условность «поиска» конкретного субъекта. Ср., например:

*Едем с поля. **Пахнет** пылью* (Песков).

*...окно **затянуло**... черемушником, жалицей, хмелем и всякой дурниной* (Астафьев).

***Начало** быстро **темнеть**...* (Паустовский).

***Дороги** **пахли** пылью и дегтем* (Паустовский).

Хмель** **запеленал** ее [сторожку] так, что **напоминала** она... **косматую** **голову (Астафьев).

***День** быстро **темнел**...* (Паустовский).

Сказуемое в безличном предложении выражает, таким образом, признак незамкнутый, не ограниченный рамками определенного субъекта. В то же время для предложений, обозначающих качественный признак, свойственно употребление второстепенных членов, которые уточняют границы проявления признака. Обычны в этой роли, с одной стороны, обстоятельства, указывающие на место и время проявления признака, с другой — дополнения, обозначающие лицо или предмет, по отношению к которому имеет силу данный признак. Эти второстепенные члены конкретизируют и сужают содержание безличного предложения. Ср., например: *Мы пошли по чуть заметной тропинке... **Было тихо*** (Паустовский) и *Буря гу-*

дела над головой на расстоянии вытянутой руки. Но в н и з у **было тихо** (Паустовский); Ветер горячий к утру поослаб, **было тепло, но не душно** (Шукшин) и Д н е м все-таки **душиновато бывает** (Березко); В и з б е **было... тепло** (Шукшин); С п и н е **было жарко** (Шукшин) и т.д.

Рассмотрим структурно-семантические разновидности безличных предложений, исходя из способов грамматического выражения их главного члена — сказуемого. Основными для безличных предложений являются следующие формы сказуемого: а) знаменательный глагол в безличной форме; б) слово категории состояния (в другой терминологии — безлично-предикативное наречие или безличный предикатив); в) слово категории состояния или вспомогательный глагол в безличной форме плюс инфинитив знаменательного глагола.

§ 59. Безличные предложения со сказуемым, выраженным глаголом. «Глагольные» безличные предложения далеко не однородны и распадаются на ряд достаточно узких структурно-семантических групп. Основные из них:

1) предложения с переходными глаголами, выражающими активное воздействие стихийных сил на какой-либо объект: ...в ту ночь **сорвало с якорей даже плавучие маяки** (Паустовский); Глаза **запорошило пылью** (Закруткин); В этот момент полуторку **тряхнуло** (Шукшин); ...снарядом **разбило радиостанцию** (Паустовский) и т.д.;

2) предложения с непереходными глаголами, обозначающими разного рода природные процессы, чаще всего — изменения погоды, изменения, связанные со сменой дня и ночи: Снизу, от реки, **холодало** (Шукшин); А на дворе совсем **прояснилось** (Полевой); Уже **рассвело** (Паустовский); **Вечерело** (Шукшин); Тридцать два дня **штормило** (Паустовский);

3) предложения с непереходными безличными глаголами на **-ся**, выражающими произвольную легкость, а при отрицании, наоборот, трудность или даже невозмож-

ность пребывания в определенном состоянии, в том числе в состоянии определенной деятельности: ...вам **дремлется** (Тургенев); А Виктору **не спалось и не читалось** (Ильина); А вот вам **не сидится**... (Березко); Мне сегодня хорошо **работается**;

4) предложения с непереходными и переходными глаголами, обозначающими болезненное состояние живого существа, чаще всего — лица: *Его **знобило*** (Паустовский); *Сашку **затрясло*** (Шукшин); *В глазах уже **рябило** от напряжения* (Астафьев); *От ее [смолы] запаха **першило** в горле* (Паустовский); *Руки **жгло**...* (Паустовский);

5) характерные для русского языка отрицательные предложения, выражающие отсутствие в описываемой ситуации определенного предмета или явления: *Часов у нас **не было*** (Солоухин); *Времени для раздумий **не оставалось*** (Ильина); *В конторе председателя **не оказалось*** (Тендряков); *На небе **нет** ни одной звезды...* (Куприн) и т.д. (соответствующие утвердительные предложения всегда двусоставны: ***Часы у нас были; Время еще оставалось***).

Каждой из этих разновидностей свойствен свой состав характерных второстепенных членов, естественно связанных с их семантикой и потому нередко обязательных. Так, для предложений первой из перечисленных групп обязательным является прямое дополнение, обозначающее объект воздействия стихийных сил: *замело дом, сорвало крышу, унесло лодку* и под.; часто употребляется дополнение в творительном падеже, выражающее «орудие» этих сил: *замело снегом, сорвало ветром* и т.д. В отрицательных предложениях типа *Стола в комнате не было; Стола у него не было* обязательно дополнение в родительном падеже, обозначающее отсутствующий субъект (в утвердительных предложениях ему соответствует подлежащее: *стол был*). Часто употребляются обстоятельства или дополнения типа *у него*, так как отсутствие предмета констатируется

обычно по отношению к какому-либо месту, времени или к лицу, в распоряжении или во владении которого мог бы находиться предмет. В предложениях, выражающих болезненное состояние, употребляются дополнения и обстоятельства, указывающие на сферы распространения болезненного процесса: *руки жгло, его знобило, в глазах потемнело*. И т.д.

Все разновидности глагольных безличных предложений — это лексически ограниченные группы, в каждой из которых употребляется узкий круг глаголов. Нередко немногими словами ограничен и лексический состав типичных второстепенных членов, иногда образующих с глаголами устойчивые сочетания типа *в глазах рябило, в горле першило* и под. Еще более узки и лексически ограничены некоторые другие группы глагольных безличных предложений, например с глаголами *пахнет, тянет, веет (чем?)*; с глаголами *досталось, попало, влетело (кому? от кого?)*; с глаголами *недостает, не хватает (чего?)*; с глаголом *везет* и другими.

§ 60. Безличные предложения со сказуемым, выраженным категорией состояния. По сравнению с безличными предложениями глагольного типа, предложения с категорией состояния представляют собой группу гораздо более однородную в грамматическом отношении и более универсальную по семантическим возможностям. Предложения этой группы в равной степени могут использоваться для сообщения о состоянии окружающей среды и о состоянии живого существа (*Там было холодно; Мне было холодно*); о состояниях физических и состояниях психических (*Мне тепло; Мне страшно*). В них могут выражаться различия статического и динамического (изменяющегося) признаков: *Было темно* (статическое состояние) и *Становилось темно* (динамическое); *Было грустно* и *Стало грустно* и т.д., тогда как в соответствующих глагольных предложениях передаются только

состояния динамические: **Темнело (Стемнело); Морозило (Подморозило)** и под.

Для выражения модально-временных отношений и разграничения признаков статического и динамического характера в предложениях с категорией состояния употребляется связка: **На улице ясно (было ясно, будет ясно, стало ясно, становится ясно, было бы ясно** и т.д.).

Составляя единую группу, безличные предложения с категорией состояния вместе с тем несколько различаются в зависимости от того, выражается ли в них 1) состояние окружающей среды, 2) состояние живого существа (чаще всего человека — лица) или 3) состояние дел. В структурном отношении их различает использование разных второстепенных членов. Если в предложении сообщается о состоянии окружающей среды, характерным компонентом его является обстоятельство места, реже — времени; если о состоянии живого существа — дательный падеж субъекта состояния; если о состоянии дел — дополнение в форме «с + твор. пад.». Например:

1) *В павильоне было прохладно* (А.Н. Толстой); *Голо как-то кругом и холодно* (Шукшин); *В дождь на реке хорошо* (Паустовский);

2) *Ей было неловко и тягостно* (Ильина); *Леониду Ивановичу было приятно...* (Почивалин); *Горько было Филиппу...* (Шукшин); *Должно быть, ему было очень больно* (Симонов);

3) *А вот с арифметикой и вообще с математикой было очень скверно* (Вересаев); *С продовольствием вообще было трудно* (Березко); *Конечно, с материалами еще нелегко* (Шамакин).

Несмотря на эти различия, строгого структурно-семантического разграничения предложений с категорией состояния не наблюдается. Возможны даже предложения, выражающие «комплексную» характеристику состояния человека и окружающей среды. Одни из них интересны

тем, что включают одновременно и обстоятельство, и дополнение в дательном падеже: *И нам там было чуждо, уютно* (Вересаев), другие — тем, что часть однородных сказуемых по лексическому значению обращена в них к характеристике обстановки, часть — к состоянию человека: *Сделалось темно, тихо и одиноко* (Астафьев).

§ 61. Безличные предложения со сказуемым, выраженным сочетанием безличного глагола или категории состояния с инфинитивом. Безличные предложения рассматриваемой разновидности семантически очень разнообразны и вместе с тем характеризуются общим назначением. Они всегда выражают оценку объективных условий для осуществления того действия, которое названо инфинитивом. С помощью слов категории состояния или безличных глаголов с модальным значением реальные возможности для осуществления действия характеризуются в них очень многообразно. Могут выражаться (складывающиеся под влиянием обстоятельств!): возможность — невозможность, желательность — нежелательность, необходимость — отсутствие необходимости действия: *Когда-нибудь на Землю можно будет глянуть с Луны* (Песков); *В Ростовском кремле невозможно постичь всю красоту ни в один, ни в два заезда сюда* (Песков); *Василию Ярцеву очень хотелось включиться в беседу* (Падерин); *Все время надо было спешить* (Песков); целесообразность — нецелесообразность действия: *Его [филина] всячески стоит оберегать* (Песков); *Интересно остановиться еще на одном вопросе; В нынешней деревне напрасно искать следы времен Ломоносова* (Песков); *Лучше не спрашивать...* (Тендряков); *...не следует его разубеждать* (Калинин); легкость или трудность осуществления действия: *Трудно начинать было* (Песков); *Несладко работать в пустыне* (Песков); *До Алепина*

нетрудно доехать (Солоухин); связанное с действием положительное или отрицательное эмоциональное или физическое состояние, облегчающее или затрудняющее реализацию действия: *Мне даже мимо кладбища не страшно было идти* (Астафьев); *Большой семьей веселее жить* (Калинин); *Взрослым лень отводить лошадей...* (Солоухин); *А мне противно было его слушать* (Вересаев); *К плечам притронуться больно* (Песков); *Лиде холодно стоять на ветру* (Кожухова); *Сколько идти по обледенелой дороге; Читать уже темно*; временные и пространственные условия, влияющие на реализацию действия: *Пора спокойно обдумать все* (Падерин); *Однако успокаиваться пока рано* (Падерин); *Было не поздно еще попытаться вернуться на юг, в родные места...* (Березко); *А ей ехать близко, оказывается* (Шукшин) и т.д.

При употреблении слов с относительно конкретным значением (*страшно, темно, холодно, рано, пора* и т.д.) содержание безличных предложений оказывается очень экономным и емким. Такие предложения как бы включают в свою семантику ту или иную абстрактную модальную оценку («можно», «нужно», «нельзя», «хочется» и под.) и ее обоснование путем указания на конкретные условия реализации действия. Например: *Пора обдумать* = «**Нужно обдумать** + так как это стало своевременным»; *Было не поздно вернуться* = «**Можно было вернуться** + так как время еще позволяло сделать это»; *Успокаиваться рано* = «**Успокаиваться нельзя** + так как это преждевременно»; *Холодно гулять* = «**Гулять не следует** + так как холодно»; *Тебе неприятно встречаться со мной* = «**Тебе не хочется встречаться...** + так как это тебе неприятно» и т.д.

Семантическая сложность этих очень сжатых, «экономных» конструкций вызывает затруднение при их анализе.

Во-первых, не всегда узнается предикативная функция слов категории состояния: в сочетании с инфинитивом они принимаются за простые обстоятельства. Между тем именно со словами категории состояния соединяется связка, что несомненно свидетельствует об их предикативной роли: **Нетрудно было заметить его смущение; Смешно было бы говорить об этом; Ехать было еще рано; До города идти было далеко.**

Во-вторых, рассматриваемые предложения в некоторых случаях могут быть интерпретированы не только как безличные, но и как двусоставные — такие, в которых подлежащее выражено инфинитивом, а сказуемое — кратким прилагательным (среднего рода). Например: *Играть стало неинтересно*, ср.: *Игра стала неинтересной*. Принципиальная возможность двусоставных предложений с подлежащим-инфинитивом и сказуемым-прилагательным подтверждается существованием конструкций с предикативной формой творительного падежа полных прилагательных типа: *Прикреплять коньки к каблукам ему казалось необыкновенно трудным...* (Куприн); *Издадала казалось заманчивым понасть на такую должность* (Солоухин). Однако в большинстве случаев слова на **-о** типа *легко, трудно, интересно, бесполезно, хорошо, приятно, смешно, стыдно, страшно, поздно, рано, далеко* в сочетании с инфинитивом образуют все-таки не двусоставную, а безличную конструкцию. Дело в том, что в двусоставном предложении предмет или явление, названное подлежащим, является непосредственным носителем того признака, который констатируется сказуемым. Соответственно употребление двусоставного предложения с подлежащим-инфинитивом переводит содержание в план прямой оценки действия, выраженного инфинитивом (см. выше: *Прикреплять коньки казалось трудным*, ср.: *казалось делом трудным*). Между тем в большинстве конструкций с инфинитивом и словами на **-о** не содержится оценки самого действия — оцениваются, как было пока-

зано, условия его реализации (способствующие или препятствующие осуществлению действия). Более того, многие из слов на **-о**, употребляемых в этих конструкциях, даже лексически не подходят для прямой оценки действия. Например, процессы типа «гулять», «заниматься» (см. ниже) сами не могут быть непосредственными носителями таких признаков, как *темно*, *холодно*, *рано* и т.д.

Гулять было	$\left\{ \begin{array}{l} \text{холодно} \\ \text{поздно} \\ \text{скользко} \\ \text{страшно} \end{array} \right\}$	(ср.: не следовало, было нецелесообразно)
Заниматься	$\left\{ \begin{array}{l} \text{темно} \\ \text{поздно} \\ \text{неудобно} \end{array} \right\}$	Ступать $\left\{ \begin{array}{l} \text{горячо} \\ \text{больно} \\ \text{неприятно} \end{array} \right\}$

О постоянном тяготении к безличности свидетельствует и несомненная связь рассматриваемых конструкций с такими, в предикативный центр которых входят только слова категории состояния. При сопоставлении с ними конструкции с инфинитивом предстают как результат распространения, конкретизации предложений с категорией состояния. Ср., например:

*Мне стало немного **страшно*** (Паустовский).

***Трудно** ему* (Бабаевский).

*Теперь нам уже **легче*** (Бабаевский).

*Конечно, **больно** сначала всем суставам* (Куприн).

*Ей было **неловко и тягостно*** (Ильина).

*Очень уж **страшно** дальше ползти* (Астафьев).

***Трудно было встречаться** с людьми* (Паустовский).

*Вдвоем им **жить было легче*** (Бабаевский).

*Мне даже **шевелиться больно*** (Куприн).

*Филиппу **неловко было еще спрашивать...*** (Шукшин) и под.

Большинство безличных предложений с инфинитивом в составе сказуемого допускает включение дополнения в дательном падеже (см. примеры выше). Однако употребление его не является обязательным. Часто безличные предложения характеризуют обстановку безотносительно к какому-либо определенному лицу. Возможность действия, его целесообразность, степень трудности, сопровождающее эмоциональное или физическое состояние и т.д. нередко оцениваются в принципе — по характеру ситуации, обстоятельствам. См., например: **Просто ли ответить на этот детский вопрос?** (Песков); **Следы древней жизни надо искать около самого озера** (Песков); **Было приятно ходить по сухим, теплым доскам...** (Паустовский) и т.д.

При употреблении дополнения содержание безличных предложений конкретизируется, но вместе с тем становится гораздо более узким: условия реализации действия оцениваются в них не вообще, а по отношению к определенному лицу, которое затрагивают описываемые обстоятельства. Ср. с приведенными выше предложениями предложения: **Просто ли мне ответить...? Следы... нам надо искать около... озера и под.**¹

Инфинитивные предложения

§ 62. Общая характеристика. И н ф и н и т и в н ы е предложения — это такие односоставные предложения, сказуемое которых выражено грамматически независимым инфинитивом: **Позвать бы Медникова да посоветовать**

¹ Функция дополнения в дательном падеже в безличных предложениях вообще часто аналогична его «ограничивающим» функциям при прилагательном, когда оно обозначает объект, по отношению к которому проявляется признак. Ср., например: **Ему** было приятно и **Встреча была ему** приятна; **Ему** не страшно и **Мороз ему** не страшен; **Мне** было неинтересно оставаться и **Доклад был мне** неинтересен и под.

товаться с ним... (Сартаков); ...*разногласий нам все равно не миновать* (Сартаков) и под.

Независимость инфинитива в сказуемом отличает инфинитивные предложения от тех безличных, которые тоже содержат инфинитив в составе сказуемого, но этот инфинитив грамматически подчинен безличному глаголу или словам категории состояния: *хочется (что сделать?) пойти; надо (что сделать?) позвать* и т.д.

В семантическом отношении инфинитивные предложения имеют с указанной разновидностью безличных предложений существенное сходство: как в тех, так и в других в центре внимания — действие, оценка условий и возможностей его реализации. Ср., например:

Туда проехать нельзя.
Хорошо бы обсудить
все спокойно.
Надо бы обратиться к
врачу.
Было бы неловко отка-
заться.

Туда не проехать!
Обсудить бы все спо-
койно.
Обратиться бы к вра-
чу!
Не отказываться же!
И т.д.

Однако в целом семантические и грамматические особенности этих типов предложений не одинаковы.

Не совпадают способы выражения модальной оценки действия. В инфинитивных предложениях отношение к реализации действия выражается в основном с помощью интонации, служебных слов (частиц), вида глагола, некоторых «специализированных» местоименных компонентов. Например, интонацией и наличием или отсутствием частицы *бы* различаются предложения передающие, с одной стороны, побуждение к действию, с другой — желательность действия для самого говорящего; ср.: *Позвать Медникова — Позвать бы Медникова...*; *Лечь! — Лечь бы* и под. Интонацией и употреблением разных видовых

форм глагола различаются отрицательные предложения типа **Не забыть** подвига павших! и **Не забывать** подвига павших! и т.д. В безличных предложениях с инфинитивным компонентом разнообразие модальных оценок достигается употреблением знаменательных слов, подчиняющих себе инфинитив, например: *надо, целесообразно, можно, удастся, трудно, просто, неудобно, неприятно, хорошо, пора, далеко, холодно* и т.д. *ехать*. В связи с этим в безличных предложениях условия совершения действия могут характеризоваться более дифференцированно.

Различна целенаправленность этих типов предложений. В безличных предложениях условия и возможности совершения действия оцениваются только в принципе, в порядке простой констатации. В инфинитивных предложениях перспектива действия характеризуется с выявлением активного волевого или эмоционального отношения говорящего. Почти всегда они раскрывают деятельный поиск решений: побуждение к действию; вопросы с целью выяснения целесообразности действия или условий его совершения; экспрессивное утверждение его желаемости, целесообразности, необходимости, невозможности. В связи с этим инфинитивные предложения отличаются от безличных большей специализированностью целевого назначения: многие из них употребляются только в побудительном, вопросительном, повествовательном или желательном (оптативном) значении. Именно с различиями коммуникативного назначения связаны разновидности инфинитивных предложений.

§ 63. Побудительные инфинитивные предложения.

Инфинитивные предложения передают не любые типы побуждения, а только приказ (распоряжение), призыв, наказ и наставление, т.е. побуждения категорические, активные и строгие (иногда грубые): *«Живо, живо! Разбейтесь по одному, — командует негромко, но внятно Марухненко. — ...Лях, а ну стать на место! Повторяю: на*

марше не курить, не разговаривать, ничем не брехать... С лыжни не сходить...» (Кожухова); [Генерал] обернулся и сурово сказал Шерстневу: «Обязательно, не откладывая, **сделать** надписи на могиле» (Кожухов); *Ночью не спать, ни в коем случае не спать* (Симонов). По сравнению с содержанием предложений, включающих формы повелительного наклонения, семантика инфинитивных побудительных предложений может быть более емкой. При их употреблении говорящим нередко выражается не только само побуждение, но одновременно и необходимость соответствующего поведения, т.е. значения, обычно передаваемые словами *необходимо* и *нельзя*. Например: *На марше не курите и не разговаривайте* — просто побуждение (наказ). В предложении *На марше не курить и не разговаривать* сказуемое как бы совмещает и подчеркивает два значения: 1) «не курите и не разговаривайте» + 2) «на марше курить и разговаривать *нельзя*». Аналогично: *...сделать надписи*: 1) «сделайте» + 2) «*н е о б х о д и м о* сделать» (*нельзя откладывать*).

§ 64. Вопросительные инфинитивные предложения.

Вопросительные инфинитивные предложения включают две грамматические и семантические разновидности: без вопросительных слов и с вопросительными словами.

В предложениях **без вопросительных слов** вопрос относится к выяснению принципиальной возможности самого действия — с точки зрения целесообразности или нецелесообразности его в определенных обстоятельствах: *Арестовать забойщика, отправить на скрипучей телеге в район? Бандиты отобьют... Допросить самим?.. Но Климарь ничего не скажет* (Смирнов); *Может, его разбудить?* (Амосов); *Что ж, побег? Вернуться сызнова к этой влекущей мысли? Заманчиво, но преждевременно* (Сартаков). Такие вопросы часто служат средством описания размышлений, внутренней речи: это вопросы, обращен-

ные к самому себе, — вопросительные реплики внутреннего диалога.

В предложениях с **вопросительными словами** вопрос тоже связан с выяснением перспективы потенциально возможного действия (даже если эта перспектива относилась к прошлому: *Куда было идти?*). Ср., например, личные предложения типа *Зачем идешь? Куда идешь? Что написал?*, где уточняются лишь частные детали реально совершающегося действия, и инфинитивные *Зачем идти? Куда идти? Что написать?*, где речь идет тоже о частных деталях, но о таких, с которыми связана самая возможность реализации действия. См., например: *Как **пройти** к ним? Как **миновать** открытые огороды? Как **войти** в дом? А если там бандиты?* (Стрыгин); *С кем **посоветоваться**, кому **открыться**?* (Смирнов); *А с чего же **начать**?* (Сартаков).

Предложения с вопросительными словами многозначны (что отражается в их интонационном оформлении).

В простейших случаях в них заключен вопрос об обстоятельствах, неизвестных говорящему. Такой вопрос предполагает обращение к собеседнику и в большинстве случаев — определенный и однозначный ответ: *Как **пройти** к вокзалу? — Налево; Кому **передать** письмо? — Матери* и т.д. В случаях более сложных это может быть вопрос об обстоятельствах примерно известных (см. выше: *Как пройти к ним? Как миновать открытые огороды? Как войти в дом? А если там бандиты?* и под.). Тогда он касается выбора одного, наиболее целесообразного решения. Вопросы, относящиеся к ситуации известной, легко могут приобретать отрицательное значение, если говорящий знает о фактическом отсутствии условий для осуществления действия. Интонация указывает в таких случаях на невозможность положительного ответа и тем самым косвенно выражает отрицание: *Больше ничего не увидела и не услышала она* [Антонина] *из-под яра. Да и как же **было***

услышать... (Калинин) = «невозможно было услышать»; *Василий... успокоительно тронул ее руку, сказал: «Тебе-то чего бояться, Параша?»* (Стрыгин) = «нечего бояться».

§ 65. Повествовательные инфинитивные предложения. Своеобразие повествовательных инфинитивных предложений состоит в том, что в них выражаются только строго определенные разновидности модальных отношений. С этой точки зрения противостоят друг другу утвердительные и отрицательные инфинитивные предложения.

Наиболее употребительны **отрицательные** предложения, с общим значением **невозможности** действия. Как и в группе вопросительных инфинитивных предложений, в их составе различаются две модели: одна без обязательного местоименного компонента, другая — с местоименными словами (типа *некуда, некого*).

Предложения первой модели используются для выражения **неосуществимости** действия, **недостижимости** его результатов (общее значение невозможности): *Нет, не успеть!* (Паустовский); *Нет, сегодня ему не уснуть* (Кожухова); *Ей туда не пробиться* (Кожухова); *...а детишек не обмануть* (Калинин).

В предложениях второй модели нет отрицательной частицы, и отрицательное значение передается местоименными словами типа *некуда, некого, негде* и под. Предложения эти соотносительны с вопросительными предложениями и служат как бы отрицательным ответом на соответствующий вопрос: *Кого попросить?* — *Некого попросить*; *Где взять?* — *Негде взять*. В них констатируются **неисполнимость** или **ненужность** действия из-за отсутствия каких-либо условий: места, времени, цели, необходимых участников и т.д. **Заниматься негде** (ср.: *некогда, не с кем, некому, нечем, незачем*). Например: *Да мне и писать не кому было* (Симонов); *Не*

с кем стало **меряться** силой, некого **охранять** от беды, некого **созывать и угощать** зернами. Петушку **незачем** стало **жить** (Сладков); ...Вокруг на тысячи километров простиралась пустыня... **некуда бежать**, **негде укрыться** (Нагибин). В предложениях этих интересна «двойная» синтаксическая нагрузка у отрицательных местоименных слов. С одной стороны, слова типа *негде, некогда, некого* и под. имеют функцию второстепенных членов — обстоятельств и дополнений. С другой стороны, они (одновременно) играют и роль компонента сказуемого, так как именно они являются выразителями предикативных модальных значений невозможности, ненужности. Двусторонний характер — характер взаимного подчинения — имеют и формальные грамматические отношения между отрицательным местоимением и инфинитивом. С одной стороны, местоименный компонент подчинен инфинитиву, как обычный второстепенный член предложения (ср.: *охранять* → *некого*, *посоветоваться* → *не с кем*, *обратиться* → *не к кому*, *говорить* → *не о чем* и т.д.). С другой стороны, само употребление слов типа *некого, негде* автоматически предопределяет постановку глагола именно в форме инфинитива. Следовательно, местоименное слово, в свою очередь, подчиняет глагол, требуя от него строго определенной формы¹.

Эта двойственность отношений обуславливает переходный характер самих предложений рассматриваемой разновидности: они совмещают особенности безличных и инфинитивных предложений (как указывалось, они соотносительны с вопросительными предложениями типа

¹ К рассматриваемым предложениям близки экспрессивно-отрицательные предложения с вопросительным местоименным компонентом. Ср.: **Зачем** еще вам беспокоиться? (Кожухова) и **Незачем** еще вам беспокоиться; **Чего** мне бояться... (Сартаков) и **Нечего** мне бояться и т.д.

Кого позвать?, в которых зависимость инфинитива от местоименного компонента отсутствует).

Гораздо реже отрицательных встречаются **утвердительные** инфинитивные предложения. Они выражают необходимость, неизбежность, целесообразность действия или (чаще) состояния, т.е. общее значение *н е о б х о д и м о с т и* в широком его понимании: *В Ожин после Сагай-дачного ведь тебе ехать* (Смирнов); *...если с вечера фазаны на сучке бусами — сухая и тихая будет ночь. А если в кустах — быть дождю и ветру!* (Сладков); *Нет, Никитин, тебе быть председателем* (Калинин). Обязательным компонентом таких предложений является дополнение в дательном падеже. Оно обозначает субъект того действия или состояния, необходимость которого констатируется в предложении.

§ 66. Оптативные инфинитивные предложения. В предложениях данного типа говорящий выражает *ж е л а т е л ь н о с т ь / н е ж е л а т е л ь н о с т ь* действий (чаще всего — собственных): *...проплыть бы по реке на плоту* (Песков); *Хоть бы солнышко вполглаза увидеть!* (Паустовский). Грамматической приметой этих предложений почти всегда является частица **бы**. Многие из них имеют семантический оттенок несбыточности или, по крайней мере, трудности в исполнении желаемого. Часто в последующем контексте имеются прямые указания на такую несбыточность: *Лечь бы, уснуть по-человечески, как все, не думая ни о чем, не казнясь душой. Но как не думать...* (Тендряков). Поэтому нередко с их помощью передается содержание тягостных размышлений, грустных мечтаний, эмоциональных порывов. Подобные предложения часто сближаются с вопросительными инфинитивными конструкциями (без местоимений). Ср., например: *Хлопнуть бы дверью автомобиля и бежать, бежать по разбеленной зелени молодой ржи...* (Песков) и: *А что если спрыгнуть с подножки вагона на полном ходу? Пробежать по*

жизнью... **Вскинуть** руки навстречу холодному ветру (Кожухова).

Конструкции с отрицательной частицей передают нежелательность осуществления действия. Это общее значение может сопровождаться разными оттенками, в частности — выражением опасения, что действие может осуществиться: *Соловьи не боятся света, но все-таки **не спугнуть бы*** (Песков). Специализированным средством выражения этого оттенка служит сочетание частиц *как бы не* (**Как бы не спугнуть!**). Сочетанием частицы *не* и пост-положительной частицы *же* передается значение отвергаемого предположения (представляющегося нелепым): *...не ждать же другого лета!* (Сладков); *Не замерзать же в этих равнинах!* (Солоухин).

Некоторые инфинитивные предложения связаны с выражением целеустремленного желания — намерения, формирующегося в процессе реальной деятельности: *Если не литературу, так **хоть** товарищей **выручить, помочь** им бежать...* (Сартаков); *...пошел дождь. Скорей, скорей **смаывать** провода и бегом через парк* (Песков); *Только бы не **промахнуться*** (Стрыгин). Обозначая внутренний волевой импульс, как бы побуждение, обращенное к самому себе, предложения эти семантически соотносительны с собственно побудительными предложениями, а одновременно и с предложениями, выражающими необходимость действия.

Многосторонняя связь между отдельными разновидностями — общее свойство инфинитивных предложений. Ср., например: *Не открыть ли люк? — Открыть люк! — Открыть бы люк — Люк не открыть; Кого послать? — Послать Иванова! — Послать бы Иванова — Некого послать.* Такая связь — одно из свидетельств системного единства рассматриваемой группы односоставных предложений.

Назывные (номинативные) предложения

§ 67. Назывные предложения — это предложения, главный член которых оформлен как подлежащее и обозначает предмет, характерный для передаваемой ситуации: *Поезд шел очень ходко. Мелколесье. Овраги. Болота. Щетинистое жнивье. Столбы передач* (Кожухова). Минимальный состав назывного предложения — одно существительное в именительном падеже. Распространение предложения осуществляется обычно с помощью разного рода определений, включая определительные придаточные предложения, например: *Вересковая поляна... Хрусткие густые кустики с фиолетовыми соцветиями* (Смирнов); *Скалы, почерневшие от загара... Раскаленный песок, который жжет сквозь подошвы* (Сладков).

И семантические, и грамматические особенности назывных предложений характеризуются резким своеобразием по сравнению не только с двусоставными, но и с односоставными предложениями других типов.

Определяющей особенностью этих предложений является то, что им свойственна фрагментарность и одновременно большая емкость выражаемого содержания. В них называются только отдельные детали ситуации, но детали важные, выразительные, рассчитанные на опыт и воображение слушателя или читателя — такие, по которым он может представить себе общую картину описываемой обстановки или событий. См.: *...вереницы детишек, бредущих по дорогам с сумой... Холера... Бесчинства властей* (Сартаков); *Беги, ребят кличь! Немцы! Немецкий разбезд!* (Шолохов).

Главный член назывного предложения оказывается в этих условиях выразителем особого значения — значения предмета, являющегося существенным признаком всей ситуации. Это определяет его специфичность. Он имеет форму, совпадающую с подлежащим, но

обозначает не носителя признака (как в двусоставных предложениях), а особого рода признак. В то же время в силу своеобразия своей признаковой семантики главный член назывного предложения не обладает свойствами сказуемого: он не способен употребляться со связкой и быть выразителем разных модально-временных значений: отношение называемого им предмета или явления к действительности говорящий передает только с помощью интонации, ср.: *Пожар!* и *Пожар?*; *Казаки!* и *Казаки?* и под. Поэтому за главным членом назывного предложения целесообразно закрепить недифференцированное терминологическое обозначение — «главный член».

Сообщая об особенностях ситуации путем называния ее отдельных «предметных» деталей, назывные предложения всегда предполагают реальную модальность и одно из значений *на с т о я щ е г о в р е м е н и*. При этом в разговорных конструкциях (информирующего содержания) обычно констатируются явления, прямо относящиеся к моменту речи — непосредственно наблюдаемые говорящим или известные ему: *Григорий растерялся, угадав в окне отца. «Вот так ну! Отец!»* (Шолохов); *...вестовой... успел шепнуть приятелю: «Война, дядя!»* (Шолохов); ср. аналогичные вопросительные предложения: *«Новый толчок?» ...В толпе переглядываются... «Ничего, все утрясется»* (Песков — о землетрясении в Ташкенте); *Ну, что, Майка, зима?* (Песков) и т.д. В описательных и повествовательных художественных текстах содержание назывных предложений соответствует временному плану «настоящего исторического»: обстановка и события прошлого передаются как раскрывающиеся «на глазах» у наблюдателя: *Плетни. Огороды. Желтая марь засматривающих солнцу в глаза подсолнухов... Прислушалась: тишина до звона в ушах* (Шолохов); *Зашумели верхушки лип. Свет. Удар грома* (Песков).

Имея постоянное модально-временное значение, назывные предложения не допускают парадигматических изменений по наклонениям и временам¹.

Семантическими и грамматическими особенностями назывных предложений определяются их стилистические свойства. Лаконизм и в то же время установка на передачу широкого общего содержания обуславливают экспрессивность назывных предложений. В художественных текстах их экспрессивности способствует также временной план «настоящего исторического».

Прикрепленность выражаемых предметных деталей ситуации к определенному месту (или времени) может выражаться в назывных предложениях только посредством постпозитивных обстоятельственных определений. Например: *Стети. Курганы... Огромные села на склонах меловых холмов. Коршуны в синем небе* (А.Н. Толстой) = «...села, раскинувшиеся — которые раскинулись на склонах»; «коршуны, реющие — которые реют в небе». Употребление обстоятельств (обстоятельственных детерминантов) несовместимо с сохранением специфики назывного предложения. Так, не являются назывными предложения: *В светлом сыром сосняке снег еще кое-где* (Сладков); *У подножья груды цветов* (Кожухова); *Сей-*

¹ Только изредка в узком кругу назывных предложений (таких, в которых обозначению признака ситуации соответствует лексическая семантика существительного) наблюдается тенденция к соотносительности с двусоставными предложениями, включающими сказуемое типа *был*: *Жара — Была жара; Тишина — Была тишина; Вечер — Был вечер* и под. Причиной сближения являются не столько свойства назывного предложения, сколько свойства данного типа двусоставных предложений: в силу признакового значения подлежащего сказуемое *был* в них лексически обесцвечено и максимально сближается с незначительной связкой, ср.: *Была жара — Было жарко; Была тишина — Было тихо*.

час осень (Песков). В отличие от назывных предложений, предложениям с обстоятельствами свойственна свободная парадигматическая изменяемость по временам и наклонениям. Ср.: *В сосняке был снег — будет снег — был бы снег*. Предложения эти обладают гибкостью в выражении актуального членения, см.: *Снег в сосняке **был** — Снег был **только в сосняке*** и под. Последовательное появление сказуемого *был — будет — был бы* при переводе таких предложений в план прошедшего, будущего времени и сослагательного наклонения показывает, что предложения типа *В сосняке снег* по своей грамматической природе *д в у с т а в н ы*, но имеют нулевое выражение сказуемого *быть*¹ (хотя не исключается и материальное выражение этого сказуемого: *В сосняке еще **есть** снег*). Предложения эти стилистически нейтральны. В отличие от назывных предложений описательных текстов им не свойственна функция выражения изолированно взятого изобразительного фрагмента.

§ 68. Достаточно сложным является вопрос о том, какие из конструкций, структурную основу которых составляет только именительный падеж существительного, можно относить к назывным предложениям. Вопрос этот решается то в пользу узкой трактовки, то в пользу более широкой с рядом частных расхождений между отдельными исследователями. Основными объектами обсуждения являются несколько различающихся по функциям типов конструкций. Прежде всего к ним относятся две разно-

¹ Ср. назывные предложения с частицей *вот* (или *вон*), не допускающие изменений по временам и наклонениям: ***Вот** пенек от сосны, разможенной снарядом. **Вот** израненная осколками, вся искромсанная осина* (Кожухова). Частица не выражает здесь конкретных пространственных значений, подчеркивая лишь пространственную обособленность предмета в изображаемой картине, что соответствует обычной для назывных предложений фрагментарности описания.

видности таких конструкций, в отношении которых трудно объективно решить, являются ли они вообще предложениями.

Во-первых, заголовки, надписи, вывески: «*Тихий Дон*», «*Повесть о жизни*»; *Даурская береза*, *Клен широколистный*; *Столовая* и т.д.

Во-вторых, так называемый «именительный представления», или, иначе, «именительный темы», — конструкция, содержащая наименование предмета или явления, которые служат объектом речи в последующем (а иногда и в предыдущем) тексте. В разговорной речи это может быть объект обыденного, бытового обсуждения: ***А голубая кружка...*** Ты ее взял? В речи художественной и публицистической именительный темы обозначает объект размышлений, логической и эмоциональной оценки. В этом употреблении он представляет собой стилистическую фигуру с торжественно-приподнятой эмоциональной окрашенностью: *И молодость, как многолетний цветок, после нестерпимого холода разлуки снова распускалась в его душе. Многолетний цветок!.. Он вдруг с удивительной ясностью вспомнил какой-то зимний день много лет назад, когда он среди зимы приехал на дачу... Около веранды... торчали обветренные, зачерствевшие стебли многолетних цветов. Как странно было представить себе, что летом... они зацветут* (Симонов); ***Хлеб!*** Нет на земле важнее работы, чем вовремя бросить семена в поднятую землю и вовремя взять у земли поспевшие зерна (Песков); ***Ненависть***, — что может быть страшнее в человеке? (А.Н. Толстой) и т.д.

Обе конструкции многие лингвисты не считают предложениями. Однако в настоящее время достаточно распространено и противоположное мнение¹.

¹ Включение этих конструкций в разряд номинативных предложений и вообще широкое понимание номинативных предложений обосновывается в кн.: *Бабайцева В.В.* Односоставные предложения в русском языке. М., 1968.

Названия произведений, вывески, надписи В.В. Бабайцева выделяет, например, в самостоятельную разновидность «собственно-назывных» номинативных предложений¹. Своеобразие этих конструкций состоит в том, что они относятся к средствам специфически письменного общения. Важно, однако, что в таком общении они играют роль самостоятельных коммуникативных единиц, многие из которых не отличаются по функциям от предложений типа: *Отец!*; *Столовая*; *Магазин*, употребляющихся в устном общении с целью информации о непосредственно наблюдаемых явлениях и квалификации этих явлений.

Объективная неопределенность статуса именительного темы связана с тем, что, предполагая продолжение текста, они характеризуются незавершенностью содержания, «недосказанностью», а также отсутствием обычного для назывных предложений констатирующего значения. Однако в то же время именительный темы представляет собой отдельную единицу общения, со специфическим коммуникативным назначением и широким общим содержанием. Свойственная ему «недосказанность» определяется тем, что употребление его характеризуется прямой установкой на подтекст: оно имеет целью вызвать размышления, побудить собеседника осмыслить свойства и роль названного предмета. В этом отношении именительный темы сближается с обычными назывными предложениями, также предполагающими, как указывалось, осмысление той общей картины, которая стоит за называемыми предметами и явлениями. Показательно, что в ряде контекстов констатирующая и информационная роль обычных назывных предложений совмещается с ролью именительного темы. См., например: *Курильские острова. Они наплывают один за другим, как синие призраки* (Пес-

¹ Там же. С. 136—137.

ков — в подписи под фотографией); *В большом городе стук копыт. Лошади... Непривычно: в потоке автомобилей — лошади* (Песков). Возможность такого совмещения функций свидетельствует о близости именительного темы к обычным назывным предложениям.

Достаточно отчетливо назывным предложениям противостоят эмоционально-оценочные восклицательные предложения типа: *Теперь часто-часто стреляют... дружинники. С ними опять тот же Блохин. Молодчина!* (Сартаков); *Непонятно было, как решился он [Телегин] говорить с ней [Дашей] про колбасу от Елисеева. ...Мерзавец!* (А.Н. Толстой); *«Вот безобразие, — сказал он, — опять не горит» [свет]* (А.Н. Толстой); *Куличок взволнованным шепотом рассказал последний дворцовый скандал. «Кошмар, кошмар», — быстро проговорил Шейнберг* (А.Н. Толстой). Существительное в именительном падеже не называет в них предмет или явление, а характеризует нечто не названное, ясное из ситуации. Это может быть характеристика лица на основе его поведения в определенной ситуации, может быть характеристика самой ситуации. Эмоционально-оценочные предложения интерпретируются исследователями как предложения «сказуемые» — с главным членом-сказуемым. Но в одних работах (вслед за А.А. Шахматовым) они рассматриваются как односоставные, а в других (вслед за А.М. Пешковским) — как неполные двусоставные с опущенным подлежащим, более или менее ясным из ситуации. В последнем случае приведенные выше предложения трактуются как неполный вариант двусоставных предложений типа: [Блохин] *молодчина*. [Это] *кошмар* и т.д.¹

¹ Эмоционально-оценочные предложения действительно имеют признаки неполноты: без учета конситуации остается неясным, к кому или к чему относится соответствующая оценка. Однако, несмотря на неполноту, их значение не вполне соответствует значению двусоставных полных предложе-

В целом отличаясь от назывных, в некоторых своих разновидностях эмоционально-оценочные предложения смыкаются с ними. Так, предложения типа *Какие пространства!* (Федин); *Ах, какая жажда!* (Федин) совмещают оценочную функцию с констатирующей и многими исследователями рассматриваются как разновидность назывных.

Таким образом, конструкции с именительным падежом существительного обнаруживают, с одной стороны, многообразие функционально-семантических разновидностей, с другой — определенное сходство и взаимодействие между отдельными разновидностями.

§ 69. Рассмотрение разных типов односоставных предложений дало возможность выявить различные причины той достаточности одного главного члена, которая составляет основную особенность всех односоставных предложений.

В определенно-личных предложениях достаточность эта имеет формальную причину. Источником ее являются морфологические свойства глаголов 1-го и 2-го лица изъявительного и повелительного наклонения. Во всех других типах «сказуемо-бесподлежащих» предложений отсутствие подлежащего в модели предложения связано с причинами коммуникативно-семантичес-

ний указанного типа. Оно шире и отвлеченнее. Предложения типа *Молодец!* не только дают характеристику человеку, но выражают и эмоциональную реакцию говорящего по поводу наблюдаемых событий. Совмещая черты неполного предложения и семантическую неравнозначность какому-либо определенному полному, рассматриваемые конструкции представляют собой предложения переходного типа от неполных к односоставным. Выражением эмоциональной реакции по поводу происходящего эти предложения сближаются к тому же с нечленимыми междометными предложениями (ср.: *Ну и ну! Вот это да! и Безобразия!*).

к и м и. Оно обусловлено потребностью в обозначении признака безотносительно к конкретному субъекту. В разных вариантах признак обозначается в них как признак «всеобщий», признак неопределенной принадлежности или вообще бессубъектный. Тезис о выражении главным членом односоставного предложения одновременно и субъекта и предиката по отношению к неопределенно-личным, обобщенно-личным, безличным и инфинитивным предложениям справедлив только в том смысле, что предикат их способен указывать на различия в отношении признака к субъекту (включая и указание на «бессубъектность» признака). Определенному коммуникативно-семантическому назначению соответствует и модель назывного (номинативного) односоставного предложения. Тот или иной предмет называется в нем с установкой на то, что соответствующая деталь даст возможность читателю или собеседнику представить общий характер всей ситуации.

Неполные предложения

§ 70. Общая характеристика. Неполными называются предложения, которые характеризуются неполным составом членов предложения, необходимых для выражения законченной мысли.

В качестве полноценной единицы общения они могут выступать только до тех пор, пока опираются на контекст или непосредственно на речевую ситуацию. Взятые вне контекста или определенной ситуации, неполные предложения не передают законченной мысли. См., например, выделенные предложения в следующих диалогах: *«Я и тебя осуждаю, Катя». — «За что?» — не оборачиваясь, тихо спросила Екатерина Дмитриевна* (А.Н. Толстой); *«Вчера я не ошибся, Дарья Дмитриевна, — это вы были на берегу?» — «Да, я»* (А.Н. Толстой); *«Что вы мне сказали тогда на дороге?.. — Она сморщила лоб. — Какая война? С*

кем?» — «С немцами». — «Ну, а вы?» — «Уезжаю завтра». Даша ахнула... (А.Н. Толстой).

Основной сферой употребления неполных предложений является разговорная речь, особенно — диалог. Непосредственное общение наилучшим образом обеспечивает понимание неполных предложений. Пониманию может способствовать и контекст (содержание предшествующих реплик — примеры см. выше), и разные элементы речевой ситуации: наблюдаемые и ожидаемые явления, события; общность интересов собеседников; самоочевидность темы речи; иногда указательные жесты и т.д. См., например, следующий диалог: «Прямо из рук рвет! Таймень, должно, попался. **Налим так не может...**» — «**Таймень-ень!.. Большой, Санька?**» — «**Кто?**» — «**Да таймень-то?**» — «**Не знаю. Перестал дергать**» (Астафьев).

В книжных стилях речи, особенно в официально-деловом и научном, неполные предложения употребляются очень ограниченно. Их употреблению здесь препятствуют: содержание, обычно более сложное, чем в речи разговорной; условия публичного общения (нередко письменного), исключающие или ограничивающие возможность непосредственного контакта с собеседником; необходимость развернутого и точного изложения; общая строгость стиля. Из всех жанров книжной речи употребление неполных предложений (отнюдь не частое) допускают лишь повествовательные авторские тексты художественных произведений и произведения публицистические.

§ 71. Грамматический состав неполных предложений. Состав неполных предложений не характеризуется какой-либо устойчивостью. Они могут включать только главные члены, один главный член, один второстепенный член, главный и второстепенный и т.д. См., например: «**Вы прочитали?**» — «**Что?**» — «**Записку**» (Федин); Прянишников приказал адъютанту записать фамилии бронебойщиков... «**Записал?**» — «**Записал**». — «**Ну, поехали**» (Симо-

нов); «*Сестрица, а хороший город Ереван?*» — «**Очень хороший**» (Симонов); «*Четыре орудия бьют*». — «**А где?**» (Симонов); «**Приезжает**, — сказал полковник. — ...**Должна сегодняшним московским поездом**» (Симонов).

Особенно разнообразны по грамматическому составу неполные предложения диалогической речи. Неполные предложения, которые употребляются в монологической речи, в частности — в повествовательных текстах художественных произведений, грамматически более однородны. Чаще всего — это предложения с опущенным подлежащим, ясным из предшествующего контекста: ...*Марья Васильевна прошла в сени, отомкнула маленькую дверцу и вытащила из клетки мотор. Прижимая его к груди, быстро прошла к реке* (Нагибин).

Несмотря на то что в совокупности неполные предложения характеризуются большим многообразием и некоторой неопределенностью грамматической структуры, все они объединяются рядом общих свойств.

Общей особенностью грамматического состава неполных предложений является, во-первых, то, что в них сохраняются обычно те члены предложения, которые входят в рему высказывания, и, напротив, обычно опускаются (полностью или частично) те, которые выражают тему. См.: «*Ты что же, в партизанах?*» — «**В партизанах**», — сказал сын. «**В каком отряде?**» — «**Суворовском**», — ответил сын. «*Когда вышли из тыла?*» — спросил отец. «**Сегодня ночью**». — «*Что хромаешь?*» — «**Ранен**». — «*...Сильно ранен?*» — «**Сильно**». — «*Куда идешь?*» — «**В госпиталь**» (Симонов).

Все неполные предложения характеризуются, во-вторых, тем, что в них оказываются незавершенными, «разорванными» грамматические и семантические связи минимум у одного знаменательного слова.

Наиболее резко это проявляется в случаях, когда зависимое слово употребляется без главного (примеры см.

выше), а также когда подлежащее употребляется без сказуемого.

Несколько менее заметно отсутствие подлежащего при имеющемся сказуемом. Это объясняется тем, что, с одной стороны, согласуемые формы предиката отчетливо указывают на незавершенность грамматических связей и пропуск подлежащего: без ориентировки на определенное подлежащее многие формы сказуемого совсем невозможны. См., например: *...голос сестры спросил: «Давно вернулась?»* [о Даше] (А.Н. Толстой); *«Катя, это и есть Телегин»*. — *«Вижу, очень милый»* (А.Н. Толстой) и под. С другой стороны, в силу «отражательных» свойств согласования сказуемое содержит известную (хотя и неполную!) информацию о семантике опущенного подлежащего — о количестве субъектов, о том, какого пола лицо, о котором идет речь. Эти элементы информации и общая грамматическая и смысловая весомость сказуемого в составе предложения несколько затушевывают отсутствие подлежащего, необходимого для смысловой и грамматической завершенности предложения.

Наименее заметные и наименее очевидные проявления неполноты связаны с отсутствием второстепенного члена при имеющемся главном. Дело в том, что объем информации, передаваемой за счет второстепенных членов, говорящий в большинстве случаев может регулировать по своему усмотрению. Очевидная неполнота наблюдается только в тех случаях, когда второстепенный член является «необходимым»: предсказывается значением одного из имеющихся членов предложения. Чаще всего в роли необходимого члена предложения выступает дополнение, без которого предложение вне контекста и конкретной ситуации характеризуется семантической незавершенностью. См.: *Я принес [что?]; Сомневаюсь [в чем?]; Она надеется [на что?]; Я знал [что? о чем?]; В школе рассказывали [что? о чем?]* и т.д. Изредка ана-

логичную роль играет отсутствие обстоятельств и определений, например, отсутствие обстоятельства места, выражающего направление движения: *Ну, ходил ты?; Он заезжал; Летит?* При полном словесном выражении мысли в них потребовалось бы выражение того, куда ходил, заезжал, летит. Однако при некоторых коммуникативных установках отсутствие «необходимых» второстепенных членов не вызывает неполноты предложения. Например, в предложениях *Рассказывал он увлеченно; Ехали мы медленно* внимание сосредоточивается на качественных особенностях действия; в предложениях типа *Он ушел; Отец приехал* — на результатах пространственного перемещения. Коммуникативные установки всех этих предложений таковы, что указания объекта и пространственных уточнений они не требуют.

Неполным предложениям не свойственны какие-либо самостоятельные грамматические модели — модели со стабильным составом обязательных членов предложения. Строятся они с ориентировкой на ту или иную модель полного предложения — двусоставного или односоставного — и представляют собой частичное отражение тех связей слов, которые наблюдаются в предложении полном. Однако соотнесенность неполного предложения с определенным типом полного можно уверенно установить не всегда.

Соотнесенность эта максимально ясна в тех предложениях, в которых сохраняется сказуемое. Например, *Приехала!* — это двусоставное предложение с опущенным подлежащим; сказуемое *приехала* обязательно предполагает конкретный субъект: *В открывшуюся дверь... вбежал Петя и крикнул: «Приехала!»* (Симонов). Ср.: *«Связи нет. Порвало»*. — *«Восстанавливают?»* — *«Да»* (Симонов). *Порвало* — безличное предложение, а *Восстанавливают?* — неопределенно-личное с опущенным дополнением *связь*.

При отсутствии сказуемого соотнесенность с определенным типом полного предложения наиболее очевидна

у тех неполных предложений, которые представляют собой ответную реплику диалога: прямой ответ собеседнику ориентирован обычно на структуру вопросительного предложения. Например, приводимая ниже ответная реплика — это результат сокращения неопределенно-личного предложения: *«Запрос прислали из школы?» — «Из школы».*

В других случаях соотнести неполные предложения с определенным типом полных нередко бывает затруднительно. Содержание их воспринимается, исходя из ситуации и семантики имеющихся членов предложения, — без опоры на определенный тип полного предложения: *...он... стал раздавать листки, говоря вполголоса: «От центрального комитета... Прочтите, товарищи»* (А.Н. Толстой); *Люся вспомнила: «Я тебе, мама, виноград отправляла — ты ела его?» — «Эти ягоды-то зеленые?»* (Распутин) и под.

Примечание. В лингвистической литературе нет единства в решении вопроса о том, правомерно ли утверждать, что в неполном предложении оказываются опущенными конкретные слова, ясные из контекста или ситуации речи. Вопрос этот не может решаться однозначно по отношению ко всей совокупности неполных предложений. В одних случаях можно говорить лишь о том, что в неполном предложении опущено обозначение определенной реалии, которая в принципе может быть обозначена разными словами. Так, если об отце спрашивают: *«Все еще сердится?»*, то предложение это предполагает конкретное лицо и в общих чертах — возможный круг его обозначений (*отец, папа, папаша, наш ворчун, он* и т.д.), но не конкретное слово. В других случаях содержание или грамматические особенности неполного предложения могут свидетельствовать о пропуске определенного слова. Очевидным грамматическим признаком пропуска определенного слова является, например, наличие в неполном предложении согласуемого слова, обозначающего действие или признак неназванного не одушевленного предмета, например: *Разбилась?* (о тарелке), *Разбилась?* (о стакане), *Разбилось?* (о блюде); *Я возьму другую* (о сумке), *Я возьму другой* (о портфеле) и т.д. Если иметь в

виду не название соответствующего предмета, а сам предмет, род согласуемого слова объяснить в таких случаях нельзя.

В целом известная неопределенность пропущенных слов, равно как и неопределенность той модели, на которую сориентировано неполное предложение, чаще наблюдается в тех случаях, когда содержание неполного предложения опирается не на контекст, а непосредственно на ситуацию речи.

§ 72. Эллиптические предложения. Особый тип предложений, занимающих как бы промежуточное положение между полными и неполными, составляют так называемые эллиптические предложения¹: *Лиса берегом, берегом наверх — и в лес. Собаки за ней* (Чарушин); — *Ну, товарищи, по коням!* (А.Н. Толстой) и т.д.

С одной стороны, предложения эти, как и обычные неполные предложения, характеризуются незавершенностью, разорванностью грамматических связей. Обстоятельства типа *берегом, наверх, в лес, за ней, по коням* и т.д. по природе своей представляют собой грамматически зависимые члены предложения, между тем в рассматриваемых предложениях отсутствует глагольное сказуемое, которому они обычно подчиняются и которое (в двусоставном предложении) образует посредствующее грамматическое звено между ними и подлежащим.

С другой стороны, они отличаются от обычных неполных предложений, так как сохраняют свою понятность и вне контекста, в отрыве от конкретной ситуации речи. Эта понятность объясняется тем, что общее значение недостающего грамматического звена подсказывается семантикой и м е ю щ и х с я компонентов предложения. Так, передавая направление движения, обстоятельства типа *берегом, наверх, в лес* обязательно предполагают процесс движения, а поэтому сами оказываются частичными его выра-

¹ Э л л и п с и с — пропуск какого-либо легко подразумеваемого члена предложения (от греческого слова *elleipsis* — опущение, пропуск, недостаток, нехватка).

зителями и компенсируют отсутствие глагольного сказуемого. В силу того что смысловая полноценность обеспечивается в эллиптических предложениях за счет их собственного состава, они значительно самостоятельнее типичных неполных предложений, и на их основе складываются устойчивые грамматические модели с постоянным составом членов предложения.

Распространенным типом эллиптических предложений являются приведенные выше предложения, в которых одним из главных компонентов является обстоятельство, выражающее направление движения. Если такие предложения выражают побуждение, то обстоятельство нередко оказывается единственным их компонентом: *«Назад! Назад!» — надрывался Сапожков* (А.Н. Толстой); *Голос был очень строгий: «Буканова! На выход!»* (Кожухова); *Тревога... К танкам, скорее к танкам!* (Песков). Значительно реже в побудительных предложениях употребляется не только обстоятельство места, но и подлежащее: *Самофалов... простуженно просипел: «Овчинникова и Яманов направо, Петрухин и Деретаев налево!»* (Кожухова). Напротив, повествовательные или вопросительные предложения включают подлежащее почти всегда: *Я — назад...* (А.Н. Толстой); *А ты куда?* (Кожухова) и т.д.

Все эти предложения имеют смысловые и стилистические отличия от предложений, в которых налицо глагольное сказуемое. С одной стороны, пропуск глагола движения позволяет передать движение более отвлеченно, без той дифференциации, которая связана со значением глаголов. Ср., например: *Назад!* и *Бегите назад!* (или: *идите, ползите, поезжайте, поворачивайте* и т.д.). С другой стороны, в побудительных и повествовательных предложениях этот пропуск обязательно связан с выражением быстро принимаемых решений и быстро развивающихся событий. Поэтому безглагольные эллиптические предложения со стилистической стороны характеризуются экспрессивностью и употреблением преимущественно в разговорной речи и повествовательных текстах.

Разновидностью рассмотренных предложений являются предложения типа: **Вы ко мне? Я за вами** и под. В них имеется в виду не процесс движения, а его цель.

Употребляется в русском языке и еще ряд типов эллиптических предложений. Это, например, предложения, в которых без употребления глагола речи устанавливаются отношения между говорящим и объектом речи — адресатом речи или ее темой. Они включают подлежащее и дополнение: *Простите... **Вы мне...** товарищ полковник?* (Кожухова); ***Вы о башне?..** Ни минуты не сомневаюсь. Будет вечно стоять* (Песков).

Часто эллиптические конструкции встречаются среди таких побудительных предложений, которые выражают требование «дать» какой-либо объект (в буквальном или отвлеченном смысле), переместить или доставить его: *...голос Бессонова проговорил за спиной раздельно и холодно: «Швейцар, **шубу, шапку и трость**»* (А.Н. Толстой); *Начальник артиллерии высунулся из пролома, рывкнул телефонисту: «**Сигнал!...**»* (А.Н. Толстой); ***Огонь по самолету!*** (А.Н. Толстой); *Скорей **врача!*** (Кожухова); *«**Большакова мне!**» — приказал командир дивизии телефонисту* (Кожухова). Предложения эти предполагают побудительную интонацию, обязательно включают дополнение, выражающее требуемый объект, и, кроме того, нередко дополнение или обстоятельство, указывающее, кому или куда должен быть доставлен объект.

Распространены также экспрессивные повествовательные предложения с родительным падежом существительного типа: *Воды-ы! Смеху было! Книг-то, книг!* Они выражают большое количество или большую меру называемых предметов и явлений: *Воды много!* Выразителем этого значения является особая интонация — с сильным повышением голоса и часто протяжным произнесением предложения.

Несколько особняком стоят сходные с эллиптическими две разновидности предложений, включающих подлежащее и обстоятельство.

Это, во-первых, предложения, в которых устанавливается пространственное соотношение предметов: *За прудом слева — домик-музей* (Песков); *На дереве — колокол* (Песков); *Теперь мы в Москве* (Кожухова); *Вот ты где!* (Кожухова) и т.д. Во-вторых, предложения, в которых подлежащее обозначает определенный признак описываемой обстановки и сопровождается обстоятельствами, выражающими место, время, причину и другие условия реализации обозначаемого признака: *«Из-за чего забастовка?» — спросил наконец Телегин* (А.Н. Толстой); *До пяти часов отдых* (А.Н. Толстой); *В городе пожары* (Симонов); *Сейчас война...* (Симонов) и т.д. Обе эти разновидности предложений являются двусоставными полными предложениями с нулевым бытийным сказуемым. При переводе в план прошедшего или будущего времени в них появляется сказуемое *был, будет* и под., которое согласуется с подлежащим: *За прудом будет домик-музей; Из-за чего была забастовка?*

Нечленимые предложения

§ 73. Нечленимые предложения¹ — это предложения, которые выражают эмоциональную, волевую,

¹ В другой терминологии, это «слова-предложения» (см.: Грамматика русского языка. М., 1954, 1960. Т. II: Синтаксис, часть первая, § 1105—1119) или — в расширенном понимании — «междометные предложения» (см.: Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. М., 1973. Ч. II: Синтаксис, § 247—253). В «Грамматике современного русского литературного языка» под ред. Н.Ю. Шведовой (М., 1970) рассматриваемые конструкции интерпретируются как «высказывания, не воспроизводящие структурных схем предложения» и потому «грамматическими предложениями не являющиеся» (§ 1350, 1351); аналогичная трактовка проводится в «Русской грамматике» под ред. Н.Ю. Шведовой (М., 1980. Т. II. § 1891, 1892).

модально-оценочную или контактоустанавливающую реакцию говорящего на ситуацию, но не называют ни характера этой реакции, ни компонентов соответствующей ситуации. См., например: «**Ага!** Ложатся! — крикнул Телегин. — Нервы не выдержали, желторотые!» (А.Н. Толстой); «**Ну!**» — поторопил он (Федин); «**Папа!**» — остановила его Лиза (Федин); «Это вы везете семью в Балашов?» — «**Да**» (Федин); «Не ждал, говоришь, Григорий?» — «**Конечно**» (Шолохов) и под.

Специфика нечленимых предложений особенно ярко выявляется в сравнении с обычными предложениями, отражающими в составе своих членов характер передаваемой ситуации. Ср., например, выделенные реплики следующего диалога: «**Пароход на Волге!**» — вне себя закричал Алеша. «**Ура!**» — крикнул в ответ Арсений Романович... (Федин). Выражение радости в первой из реплик только сопутствует конкретному сообщению о ситуации, а во второй является единственным ее содержанием. Ср. также выделенные ниже в текстах прямой речи обычные и нечленимые побудительные и вопросительные предложения: «Ты как? **Ничего?** — говорил он... стараясь помочь ей встать. — Больно?.. Где?.. **Ну, как-нибудь!.. Подымайся... Милая, ну, пожалуйста!**» (Федин); [Цветухин о своем уходе с саратовской сцены] *Значит, ты одобряешь мой шаг? **Да?** Моя публика слишком меня полюбила. Пусть она потоскует... **Согласна?*** (Федин).

Основу нечленимых предложений могут составлять: 1) междометия; 2) модальные слова и частицы (*конечно, может быть, едва ли* и под.); 3) принятые формулы вежливости; 4) существительные в именительном падеже, представляющие собой обращения, осложненные выражением такой эмоциональной или волевой реакции, которая относится непосредственно к собеседнику (например, самостоятельно употребленное *Миша!* при различных интонациях может выражать упрек, сожаление, радостное

удивление или простое удивление, возмущение или досаду, предостережение или предупреждение, требование подойти к говорящему или выслушать его и т.д.).

Нечленимые предложения с междометиями в основе называются *междометными*. Предложения, основу которых составляет обращение, называются *вокативными*. Предложения, состоящие из вводных слов и частиц, а также формул вежливости, тесно смыкаются с междометными и будут рассмотрены в их составе.

По общему характеру коммуникативных функций все нечленимые предложения очень близки между собой. Наиболее многообразны по функциям междометные предложения. Среди них может быть выделено несколько групп, в какой-то мере противопоставленных друг другу и в то же время пересекающихся между собой. Это предложения, выражающие 1) эмоциональную реакцию говорящего; 2) его волевую реакцию; 3) модальную оценку мысли собеседника или собственной мысли; 4) предложения, выполняющие контактоустанавливающую функцию.

I. В предложениях, выражающих **эмоциональное отношение** говорящего, употребляются простые междометия типа *ой, а, у-у, э-э, ух, эх, ах, ох, о, и-и, ура, увы* и т.д.; составные фразеологизированные междометные сочетания типа *ну и ну, вот так так, вот это да, вот как, надо же, так-так* и т.д.; слова и сочетания слов, перешедшие в междометия из знаменательных частей речи типа *здорово, батюшки, господи, ужас, ерунда, слава богу* и под. Например: «Я и думаю, не пора ли в строй?» — улыбаясь, ответил Дибич. «**Ого!** Но все-таки не рано ли?» (Федин); Она оглядела стены, с которых все было сорвано, схватилась за голову, простонала: «**О-о!**» (Федин); Вера Никандровна поцеловала [Павлика] в щеку. «**Вот еще!**» — подумал Павлик (Федин); «**Надо же!** — сморщился Шатерников. — Только на войне бывают такие случайности» (Нагибин); «Который теперь час?»... — «Пятнадцать пятьдесят» —

«**Да ну?**» (Симонов); *Надвигается зима... **О боже мой!*** (А.Н. Толстой); «Царевна, вышивающая золотые заставки, в грязном халате, с красными руками, таскает раненых... **Ужас, ужас!..**» Даша... так рассердилась, что... ни слова не ответив этому желто-бледному неврастенику, пошла в дом... (А.Н. Толстой).

II. Предложения, связанные с выражением **волевой реакции**, могут передавать, во-первых, побуждение, во-вторых, согласие — несогласие с предложением собеседника.

В побудительных междометных предложениях употребляются, с одной стороны, такие междометия, которые могут выражать побуждение к совершению или прекращению в принципе любого действия. Это междометия *ну, а ну, давай, эй; будет, хватит, довольно* и под. Например: *В его пляске была какая-то нежная жесточенность. «**Давай!** — кричал он гармонисту — ...**А ну еще!..**»* (Нагибин); «**Ну-ка!**» — грубо сказал Генка и, вырвав из Катиных рук птицу, швырнул ее... (Астафьев); «**Довольно!**» — стукнул кулаком по столу старший батальонный комиссар... (Нагибин). С другой стороны, используются междометия, которые устойчиво выражают побуждение к строго определенному действию. Таковы, например: *На!* (побуждение взять что-либо), *Тс-с-с! Цыц! Стоп! Вон! Прочь! Марш!* и т.д. Сюда относятся, в частности, междометия, которые употребляются по отношению к животным: *Но-о! Тпру! Ату! Цыц-цып-цып! Брысь!* и под. В силу определенности значения некоторые из предложений с такими словами утрачивают нечленимость: междометие сближается в них с глагольным сказуемым и обретает способность подчинять себе второстепенные члены, употребляться вместо глагольного сказуемого: ***Вон** из моего дома!* (Федин).

При выражении согласия или несогласия с предложением или приказанием собеседника употребля-

ются слова: *да, ага, угу, ладно, хорошо, конечно, разумеется; ну что же, так и быть; нет, ну да еще, вот еще* и под.: «А что, поехать погулять хотите?» — «**Да**» (Симонов); **Ну, ладно...** Этот флигель я покупаю у общества... (А.Н. Толстой); «Возглавлять группу будет разведчик Яманов. Мы вас познакомим». — «**Хорошо**» (Кожухова); «Вы можете?» — «**Разумеется**» (Федин); «Будешь танки поджигать?» — спросил Прянишников. «**А как же**», — сказал солдат (Симонов); «Пойдем сядем в саду?» — «**Нет**». — «Почему?» — «**Поздно**» (Федин); «Ты, Аня, оставайся в палатке, пости...» — «**Ни за что**», — протестует она (Федосеев); «Так, может, лучше уйдем?» — «**Еще чего!**» (Сладков) и т.д.

III. Предложения, выражающие модальную оценку, чаще всего служат ответом на вопрос собеседника: «Вы, очевидно, разделяете его мнение?» — «**Да**» (Нагибин); «Красноармейцам ваш театр понравился?» — спросил Разгозин. «**Конечно!**» (Федин). Утвердительный ответ, выражаемый с помощью слов *да, конечно, разумеется, а как же, еще бы* и т.д., указывает на реальный характер устанавливаемых в вопросе отношений; отрицательный (*нет, ну да уж!* и под.) — на нереальный. Предложения, строящиеся на базе модальных слов и частиц типа *может быть, наверное, по-видимому, как будто*, выражают некатегорическое (предположительное) подтверждение реальности устанавливаемых связей, а предложения с частицами типа *вряд ли, едва ли* — предположительное их отрицание (указание на маловероятность). Например: «Вы контужены?» — спросил Прянишников. — «**Да**» (Симонов); «А ты умеешь разбираться по карте?» — «**Конечно**» (Симонов); «Без документов?» — удивленно протянул полковник. «**Так точно**» (Симонов); «Связь есть с дивизией?» — «**А как же! Три раза ввалась, три раза устанавливали**» (Симонов); «[Ты] Рабочий?» — «**Угу**» (Шолохов); «Что это был за человек? Большевик?» — спросила она. — «**Наверно**» (Федин); «Машину водите?» — «**Нет**» (Нагибин) и т.д.

В аналогичных значениях эти предложения употребляются и для выражения отношения к констатирующим (повествовательным) высказываниям собеседника, а также для оценки собственных размышлений. См., например: «Встречается заря с зарей». — «**Да**» (Федин); «Строгость требуется...» — «**Конечно**. Но ведь одной строгости мало» (Федин); ...*придвинул к себе листки сводок и наклонился над ними*: «**Да**... Потери тяжелы. Безмерно тяжелы...» (А.Н. Толстой) и под.

IV. Предложения, выполняющие по отношению к собеседнику контактоустанавливающую функцию, семантически достаточно многообразны.

Они могут быть проявлением пассивного внимания к речи собеседника и сигнализировать о том, что его слушают и принимают к сведению содержание его речи: «Я к народному артисту Скудину». — «**А-а...** [Он] Уехал» (Федин); «Вот документ». — «**Так**», — сказал сержант (Симонов); «А сейчас он не более, не менее — секретарь здешнего Совета». — «**Вон как**», — ответил Пастухов, как будто пристальнее вдумываясь в слова Мерцалова... (Федин); «Ведь вы сами, в Москве, посвятили меня в свою теорию». — «**Да?**» (Федин) и т.д.

Более активную позицию говорящего выражают вопросы — такие, которые побуждают собеседника к рассказу, ответу, к раздумью, к повторению сказанного и т.д. Например: Они сели лицом к лицу... «**Ну?**» — сказал Рагозин (Федин); А ты артиллерию отличаешь, какая противотанковая, какая тяжелая? **А?** (Симонов); **Ну, как?..** Отобрал? (Симонов); «Может, ...хорошо, что мы попали в Саратов?» — ... «Очень, очень хорошо!.. **П р а в д а**, Алеша?» (Федин); «Давно работаете за рулем?» — «**А что?** Разве недовольны, как веду?» (Федин) и т.д.

Отдельную группу составляют нечленимые предложения, в которых контактоустанавливающая функция реализуется в принятых формулах вежливости. Это привет-

ствия при встрече и расставании, пожелания, формулы благодарности и извинения и т.д. В большинстве случаев здесь употребляются знаменательные слова, некоторые из которых утратили или утрачивают свое лексическое значение и превращаются в междометные выражения (*спасибо, здравствуй* и под.), но изредка используются и непроизводные междометия. Например: *Тут постучали в дверь, и Рагозин крикнул: «Да, да! Заходите...»* (Федин); *Здравствуй, Корниенко* (Симонов); *До свидания. Я вызову вас, если понадобится* (Федин); *«Ты что же — все видел?» — спросил Витя. «Да, извините», — сказал Алеша, поклонившись* (Федин); *...поднялся и обнял за плечи товарищей: «Ну, счастливо»* (А.Н. Толстой); *Потом чуть слышно, но отчетливо выговорил: «Спасибо!»* (Федин); *«Благодарю». — «Пожалуйста»* (Федин) и т.д.¹

§ 74. Вокативные предложения могут выражать два типа реакций говорящего: а) эмоциональные и б) волевые (побудительные). См., например:

а) *Бегичев метнул назад скошенный взгляд. Большой рот его растянуло удивленной улыбкой. «Павел! — сказал он. — Чудило! Здравствуй!»* (Федин); *Эх, Яков, Яков!* (А.Н. Толстой); *«Что же там происходило с вами? Что?...» — «Ах, Лиза!» — вздыхал он, будто... томясь расспросами* (Федин); *[Старуха] ...долго смотрела на танки, словно не веря, что здесь могут оказаться свои, и вдруг побежала к танку Чистякова...: «Милый! Сынок! Сынок!..» Она десять раз повторяла это слово* (Симонов).

¹ Следует учитывать, что разные функции междометных предложений могут совмещаться. Например, формула благодарности *спасибо* может одновременно выражать вежливый отказ, т.е. реакцию волевою (а при определенной интонации — и грубый отказ, с полной утратой значения благодарности). Отрицательная эмоциональная реакция типа *Ну и ну!*, *Вот так-так* может тоже служить косвенным выражением волевой реакции — протестом против определенных действий, сигналом к «исправлению» создавшегося положения. И т.д.

б) И вот произнесено до странности чуждо прозвучавшее имя: «**Гражданин Мешков**». Он подсказывает... (Федин); «**Сашенька!**..» — пронзительно повторился зов... (Федин); «Когда виден конец, хочешь — не хочешь, задумаешься, кто тебе подаст воды, если сам ты не дотянешься до кружки?» — «**Егор Павлович!**» — с болью остановила его Анна Тихоновна (Федин); «**Ну, батенька!**» — осадил рассказчика штабист... (Федин) и т.д.

Основным средством грамматического оформления всех нечлененых предложений является интонация. Ее роль особенно велика при использовании слов, которые не закреплены за выражением определенного типа реакций говорящего¹. Если же такая закрепленность наблюдается, то назначение высказывания получает выражение не только в интонации, но и в лексическом составе нечлененого предложения.

¹ К таким словам относятся собственные имена в вокативных предложениях и «многозначные» междометия (например, **ну** может быть выразителем удивления, пренебрежительного отношения говорящего, угрозы, побуждения к действию или высказыванию; **да** может выражать подтверждение, удивление, обиду и разочарование; **а-а** — злорадство, вопросы, сигнал о понимании; **батюшки** — удивление, радость, досаду, испуг и т.д.).

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Второстепенные члены — понятие грамматическое, связанное с структурной иерархией членов предложения. Это те члены предложения, которые не входят в структурную предикативную основу предложения. Грамматически они подчиняются подлежащему, сказуемому или второстепенным членам более высокого «ранга». См.: *Пустынны и далекие < берега* (Казаков); *Из трещин < торчали рыжие < водоросли* (Казаков); *Пахнет > дымом > костров...* (Казаков) и т.д.

Со стороны смысловой значимости второстепенные члены могут быть отнюдь не второстепенными компонентами предложения. В ряде случаев именно второстепенные члены составляют рему предложения, т.е. наиболее важную в коммуникативном отношении часть высказывания, выражающую новую информацию. См., например: *Плавает он с четырнадцати лет...* (Казаков); *...Козин узнал об этом снова от Софьи Маркеловны* (Почивалин) и т.д.

Учение о второстепенных членах предложения.

Проблема их классификации

§ 75. Теоретическая разработка проблемы второстепенных членов в истории русской лингвистики. Учение о второстепенных членах предложения развивалось и развивается в русской отечественной лингвистике сложно и неоднозначно. Разные языковеды, представители различных лингвистических школ подходят к трактовке второстепенных членов далеко не одинаково. Различным оказывается как отношение к принципам классификации второстепенных членов, так и отношение к самой категории второстепенных членов предложения.

В грамматической традиции, в том числе в традиции учебной, принято разграничивать три основные разновидности второстепенных членов: дополнения, определения и обстоятельства, — в зависимости от того, какие они выполняют смысловые функции, какие слова в предложении поясняют.

Деление второстепенных членов на эти основные разряды вслед за Н.И. Гречем¹ было в середине XIX в. развито и теоретически обосновано Ф.И. Буслаевым в «Опыте исторической грамматики русского языка» (М., 1858).

При первых же попытках теоретически осмыслить возможности классификации второстепенных членов предложения в лингвистической науке наметилось противоречие между смысловыми и формально-грамматическими основаниями классификации. Это проявилось уже у основоположника учения о второстепенных членах Ф.И. Буслаева. Выделяя «дополнительные», «определятельные» и «обстоятельственные» слова, Ф.И. Буслаев указывает, что они рассматриваются им «в двойном отношении» — 1) «по синтаксическому употреблению» — в соответствии с их формально-грамматическими признаками; 2) «по значению». Грамматическим признаком определения является, по Буслаеву, согласование; признаком дополнения — управление; признаком обстоятельства — примыкание². Со стороны смысловой определения — это слова, обозначающие признак предмета; дополнения — слова, обозначающие предмет, на который направлено действие («который подлежаит действию», по точному выражению

¹ Н.И. Греч выделил в составе второстепенных членов дополнение, определение и приложение.

² Термина «примыкание» у самого Ф.И. Буслаева еще не было: он описательно характеризует примыкающие слова как такие, которые «не состоят в видимой синтаксической связи со словами, к которым присовокупляются, т.е. не согласуются и не управляются».

Ф.И. Буслаева), или действующее лицо; обстоятельства — слова, обозначающие «место, время, образ действия и качество, меру и счет, причину».

Сам Ф.И. Буслаев отмечает, что отнесение второстепенного члена к тому или иному разряду на основании смысловых и грамматических признаков может не совпадать. Так, слова, выражающие признак предмета и, следовательно, по семантической роли являющиеся определениями, «присоединяются к другим словам посредством не только согласования, но и управления», а управление, по Ф.И. Буслаеву, — признак дополнений. «Напр., «человек **пожилых** лет», «восход **солнца**» (см. «**пожилой** человек», «**солнечный** восход»)»¹, где по значению зависимые компоненты в родительном падеже являются определениями, а по признаку управляемости — дополнениями. Среди второстепенных членов с обстоятельственными значениями, по наблюдениям Ф.И. Буслаева, управляемые (а не примыкающие!) слова даже преобладают².

Отмечая случаи несовпадения смысловых и грамматических признаков, используемых при отнесении второстепенных членов к определениям и обстоятельствам (случаи далеко не единичные!), Ф.И. Буслаев не делает попытки объяснить соотношение этих признаков. В дальнейшем за основу классификации принималось обычно одно из направлений буслаевской оценки второстепенных членов: или оценка их с точки зрения самых общих грам-

¹ Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959. С. 273—274.

² См. там же. С. 274—276. Даже о наречиях Ф.И. Буслаев замечает: «Косвенные падежи, с помощью которых образовался этот разряд слов, явно указывают на то, что он составлен из слов дополнительных, некогда принявших падеж по требованию глагола и потом навсегда оставшихся с неподвижным окончанием» (С. 276).

матических признаков — в классификациях **формально-грамматического направления**; или оценка с точки зрения смысловых функций второстепенных членов — в классификациях **семантического**, или, как часто его называют, «**логического**», **направления**¹.

В школьной и вообще в учебной практике закрепилось семантическое направление буслаевской классификации. Это естественно: анализ смысловых функций второстепенных членов имеет здесь, несомненно, первостепенное значение, он способствует развитию мышления учащихся и является одной из важнейших предпосылок языковой культуры, предполагающей сознательное отношение к средствам языка.

Формально-грамматическая линия классификации после Ф.И. Буслаева получила развитие в основном в специальных лингвистических трудах, не связанных с задачами собственно учебными. При этом ее сторонники в одних случаях сохраняли традиционные термины «дополнение», «определение» и «обстоятельство» (А.А. Потебня, Д.Н. Овсяннико-Куликовский, А.А. Шахматов), в других — отказывались от этих терминов (А.М. Пешковский, отчасти — Л.А. Булаховский). При характеристике и разграничении второстепенных членов продолжатели формально-грамматической линии классификации в первую очередь учитывали в отличие от Ф.И. Буслаева непосредственно частеречную принадлежность второстепенного члена; указания на характер связи с главным словом (согласование, управление, примыкание) использовались ими только для дополнительного уточнения грамматической формы члена предложения. Так, А.А. Потебня писал: «Как личный глагол есть тем самым сказуемое или пре-

¹ Судя по непосредственному рассмотрению «дополнительных», «определяющих» и «обстоятельственных» слов, сам Ф.И. Буслаев заметно отдает предпочтение классификации второстепенных членов по семантическим признакам.

дикативная связка, как имя в прямом падеже, не согласуемое с другим, есть подлежащее, имя в косвенном падеже, не согласуемое с другим, есть дополнение, а согласуемое имя в любом падеже есть определение или часть сказуемого: так и обстоятельству присвоена особая форма, наречие»¹. По аналогичным формально-грамматическим признакам разграничивал определения, дополнения и обстоятельства А.А. Шахматов в своем «Синтаксисе русского языка», хотя, давая определение каждому из второстепенных членов, он характеризовал их семантические функции (см. § 19–26).

В любом из проявлений формально-грамматическая трактовка означает фактический отказ от самостоятельной классификации второстепенных членов и подмену такой классификации их морфологической характеристикой. Открыто и последовательно этот отказ проводился у А.М. Пешковского. Начиная с третьего издания книги «Русский синтаксис в научном освещении», он снимает термины «дополнение», «определение» и «обстоятельство» и разграничивает разные второстепенные члены, используя характеристики типа: «согласуемое прилагательное», «управляемое существительное», «однопадежное существительное» (о приложении) и т.д. Естественно, что невозможность удовлетвориться при разграничении типов второстепенных членов элементарными формально-грамматическими признаками в настоящее время сомнений не вызывает.

В то же время в современной синтаксической науке достаточно ярко проявляется тенденция к полному отказу от классификации второстепенных членов предложения. Такой отказ наблюдается, в частности, в «Грамматике современного русского литературного языка» (М.,

¹ *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. I–II. С. 124.

1970) и в «Русской грамматике» (М., 1980. Т. II). Здесь отсутствует не только рассмотрение разновидностей второстепенных членов, но и само понятие «второстепенный член предложения», хотя в то же время при описании словосочетаний широко используются термины «объектные», «обстоятельственные», «атрибутивные» (определятельные) отношения, — термины, опирающиеся на традиционную (семантическую) классификацию второстепенных членов.

Отказ от выделения разновидностей второстепенных членов предложения и просто скептическое отношение к их классификации вызывается целым рядом причин.

Отчасти скептицизм в этой области обусловлен объективными особенностями самих языковых фактов. Второстепенные члены очень многообразны и в семантическом, и в грамматическом отношении; некоторые из них совмещают признаки двух разных второстепенных членов. Это делает затруднительным до конца четкое, совершенно однозначное разграничение их разновидностей.

Но в гораздо большей степени недоверие к классификации второстепенных членов и вообще к учению о второстепенных членах предложения обусловлено причинами теоретического характера.

Например, в «Грамматике современного русского литературного языка» и в «Русской грамматике» отказ даже от общего понятия «второстепенные члены» связан с идущей от академика В.В. Виноградова лексикологической трактовкой словосочетания. Согласно этой трактовке (см. § 41 данного пособия), подчинительные непредикативные словосочетания — это номинативные единицы, которые существуют в качестве сложных, расширенных наименований предметов и явлений независимо от предложения. Исходя из этого все второстепенные члены предложения, кроме детерминантов (о понятии детерминанта см. § 24), рассматриваются здесь не как компоненты предложения,

а только как компоненты простых и сложных словосочетаний.

Известной помехой для фундаментального описания второстепенных членов является нерешенность вопроса о том, как избежать в структуре описательных грамматик дублирования при рассмотрении семантических разновидностей второстепенных членов предложения в разделах, посвященных а) непосредственной характеристике второстепенных членов; б) характеристике непредикативных словосочетаний.

Однако едва ли не главная причина неудовлетворенности учением о второстепенных членах заключается в его недостаточной разработанности и в часто встречающейся неточности теоретических оценок «логического» направления классификации.

§ 76. Проблема грамматической специализации в способах выражения второстепенных членов. Семантическое направление буслаевской классификации А.А. Потебня характеризовал в свое время как лишенное собственно языковых, грамматических оснований: «...деление по значению основано не на наблюдении над языком, а над чем-то не имеющим к языку непосредственного отношения»¹. У противников семантической классификации второстепенных членов утверждение ее «неграмматичности» стало традицией. В действительности такая оценка неправомерна. Она является наследием той неполной и слишком общей грамматической характеристики разрядов этой классификации, которая была естественна на первых этапах развития учения о второстепенных членах, но в наше время без существенных поправок уже неприемлема и является помехой в развитии синтаксической теории. При более детальном рассмотрении в каждом раз-

¹ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. I—II. С. 77.

ряде семантической классификации обнаруживается целый комплекс своеобразных и достаточно последовательно проявляющихся грамматических признаков.

Грамматическое своеобразие функционально-семантических разрядов второстепенных членов прежде всего связано с тем, что в языке отразилась широкая тенденция к формированию для выражения каждого типа смысловых отношений более или менее специализированного набора грамматических средств.

Вполне закономерно, что лингвистами прошлого, в частности Ф.И. Буслаевым, в первую очередь было отмечено самое яркое и самое очевидное проявление этой тенденции — существование «узкоспециализированных» частей речи — таких, категориальное значение которых находится в точном соответствии с функциями отдельных разрядов семантической классификации второстепенных членов предложения. Так, у прилагательного категориальное значение признака предмета соответствует семантической роли определения или сказуемого. Значения, выражаемые наречиями, соответствуют смысловой роли обстоятельств.

Но существуют и другие (более тонкие и более сложные) проявления грамматической специализации в способах выражения семантических разновидностей второстепенных членов предложения. Они не только не были раскрыты лингвистами прошлого, но в общих курсах русской грамматики остаются нераскрытыми и до сих пор. В первую очередь — это специализация грамматических форм существительного и его заместителей. Дело в том, что существительное может употребляться в роли любого члена предложения и его семантико-синтаксическая роль уточняется употреблением его в определенном падеже с предлогом или без предлога. Ср., например: *Отец рассказал сыну о заводе* — *Сын рассказал отцу все на заводе*.

Грамматистами давно было отмечена роль падежных и предложно-падежных форм в разграничении подлежащего, выражаемого именительным падежом, и второстепенных членов предложения, выражаемых падежами косвенными. Но их дифференцирующая роль в разграничении разных второстепенных членов до последнего времени остается выявленной слабо. В этой области чаще фиксируются как раз противоположные случаи — выражение одной и той же падежной или предложно-падежной формой существительного различных смысловых отношений типа *жил в городе, приезжал в мае, крикнул в раздражении, девушка в берете, сомневался в успехе* и под. Факты этого типа и являются объективным поводом для утверждения «аграмматизма» «логической» классификации второстепенных членов. Они создают представление о том, что если определения и разные типы обстоятельств, выделяемые на семантической основе, выражены существительными, то они лишены какой-либо грамматической специфики по сравнению с дополнениями.

На самом деле такое представление является ошибочным. Оно возникает при изолированной оценке отдельных средств выражения вне системы их соотношения с другими средствами, потенциально возможными в роли того или другого члена предложения.

Прежде всего, у разных членов предложения, выделяемых на семантической основе, никогда не оказывается одинаковой вся совокупность средств выражения — парадигма их грамматического выражения. Но дело не только в этом. Формальные средства, используемые для выражения разных членов предложения, частично, действительно, совпадают. Но в системе всех средств выражения совпадающие формы у разных второстепенных членов занимают далеко не одинаковое место.

Так, одно и то же средство обычно является употребительным, типичным, продуктивным в рамках выражения

одного второстепенного члена и нехарактерным, непродуктивным, используемым в лексически ограниченных условиях в составе средств выражения другого второстепенного члена. Например, беспредложные формы винительного и дательного падежей, форма **о** + предл. пад. (о ком?, о чем?) типичны для дополнений и, напротив, редки, периферийны или совсем не встречаются при выражении других членов предложения. Основная масса предложно-падежных средств типична для обстоятельств и периферийна в сфере выражения дополнений.

Но едва ли не самое главное заключается в том, что средства выражения каждого второстепенного члена предложения находятся между собой в совершенно специфических системных связях. При этом одинаковые у разных второстепенных членов формы выражения обычно резко различаются между собой как раз характером этих связей. Например, совершенно различны они у формы **в** + предл. пад., когда она употребляется в роли обстоятельств места, времени, образа действия или дополнения. Так, в составе обстоятельств места форма типа *в папке (лежит в папке)* противопоставлена, с одной стороны, другим предложно-падежным формам, выражающим местонахождение по отношению к пространственному ориентиру, типа: *на папке, над папкой, под папкой, около папки, за папкой*; с другой — формам выражения направления — *в папку, из папки*. Синонимически она связана с предложно-падежной формой *внутри папки*. В составе обстоятельств времени форма **в** + предл. пад. избирается из числа средств, образующих совершенно другую систему, типа: *в полете — до полета, перед полетом — после полета*. Синонимические связи этой формы при употреблении ее для выражения времени тоже не совпадают с ее связями в системе выражения пространственных отношений. Ср.: *в полете — во время полета — при полете — в процессе полета*. В составе об-

стоятельств образа действия форма **в** + предл. пад. синонимически связана с предложно-падежной формой **с** + твор. пад.: *крикнул в раздражении (с раздражением)*. Обе эти формы антонимически противопоставлены форме **без** + род. пад.: *без раздражения*.

Ни одна из рассмотренных системных связей не свойственна форме **в** + предл. пад., когда она употребляется в роли дополнения (*сомневался в успехе, разобрался в обстановке, отказал в просьбе* и т.д.). В сфере дополнений эта форма непродуктивна, употребляется только при отдельных (очень немногочисленных) глаголах, при этом чаще всего — на правах единственно возможной формы. Выражаемые ею смысловые отношения становятся ясными **только из связи с определенным главным словом словосочетания**.

Подобные различия системных связей наблюдаются и у других форм, употребляемых при выражении разных членов предложения. Например, в составе обстоятельств места формы с предлогами **из, с, от, из-за** обычно семантически отчетливо противопоставлены друг другу, выражая разное соотношение с пространственным ориентиром, ср.: *из шкафа — со шкафа — от шкафа — из-за шкафа*. В составе обстоятельств причины те же предложно-падежные формы связаны между собой отношениями синонимическими, ср.: *из стеснительности (из-за стеснительности), с досады (от досады, из-за досады)*. Употребляясь в роли обстоятельств причины, формы с предлогами **из, с (со), от, из-за** синонимически связаны с предложно-падежными формами, содержащими отыменные предлоги *вследствие, по причине* и под., что совершенно не свойственно обстоятельствам места.

Своеобразие грамматических средств выражения в каждом из разрядов второстепенных членов проявляется не только в специфических соотношениях между самими падежными и предложно-падежными формами, но и в их

связях с «узкоспециализированными» частями речи. Падежные и предложно-падежные формы в роли обстоятельств системно связаны с наречиями, а в определительном употреблении — с прилагательными. Связь эта проявляется многообразно: 1) в возможностях синонимических замен типа *смотрел с сочувствием — сочувственно; платье из бархата — бархатное; крыльцо школы — школьное; стол для работы — рабочий*; 2) в употреблении падежных форм в ряду однородных членов вместе с наречиями и прилагательными: *смотрел ласково и с сочувствием; платья шелковое и из бархата*; 3) в их совместном употреблении в уточняющих конструкциях: *смотрел ласково — с видимым сочувствием; красивое, из бархата, платье*; 4) наконец — вообще в возможности одинаково свободно использовать их в одних и тех же позициях. Ср., например, потенциально возможные при указанных главных словах обстоятельства и определения: *смотрел* → (*без укора, неприветливо, гневно, с тоской* и т.д.); *платье* → (*сестры, нарядное, с пуговицами, из бархата, светлое, для театра, без украшений* т.д.). При использовании косвенного падежа существительного в позиции дополнения замещение его наречием или прилагательным совершенно исключается.

Таким образом, в выражении каждой функционально-семантической разновидности второстепенных членов предложения наблюдается очевидная грамматическая специализация. Она проявляется: 1) в специфическом наборе средств грамматического выражения, в том числе в наличии в составе таких наборов, во-первых, частей речи, специализировавшихся для выражения определенных членов предложения; во-вторых — своеобразной совокупности падежных и предложно-падежных форм существительного; 2) в своеобразии системных отношений между разными средствами. Это показывает, что теоретическая оценка традиционной классификации второстепенных

членов как классификации, лишенной каких-либо грамматических оснований, является неточной. Объективно эта классификация отражает не только функционально-семантические, но и грамматические различия второстепенных членов и, следовательно, является классификацией **семантико-грамматической**, по сути даже **категориально-грамматической**, хотя и семантические, и формальные признаки грамматических категорий, выражаемых второстепенными членами, характеризуются большей сложностью и меньшей отчетливостью, чем в морфологии. (В последующем изложении при характеристике отдельных типов второстепенных членов будут прослежены и другие их грамматические особенности. Выше были показаны различия в проявлениях лексической связанности при грамматическом выражении объектных и обстоятельственных отношений. См. § 36.)

Выявление системных отношений между разными способами выражения каждого из второстепенных членов имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Обогащая и уточняя характеристику отдельных второстепенных членов, оно должно способствовать более адекватному рассмотрению синтаксического строя русского языка в описательных грамматиках и пособиях по стилистике; при обучении русскому языку нерусских; в практике синтаксического разбора в школе.

Одна из открывающихся здесь возможностей — уточнения в характеристике явлений «переходности» в сфере второстепенных членов предложения, в частности — отграничение случаев действительного совмещения функций разных второстепенных членов от совмещения мнимого.

На основании возможности постановки двух разных вопросов — *где?* и *в чем?*, *куда?* и *во что?*, *где?* и *на чем?* и под. — нередко утверждается, например (в том числе в практике школьного разбора), совмещение функций об-

стоятельства места и дополнения в случаях типа: *Пуговицы лежат в коробке*; *Пуговицы положили в коробку*; *Я сидел на диване* и под. Между тем для форм *в коробке*, *в коробку*, *на диване* свойственны типично обстоятельственные системные связи, совершенно чуждые дополнениям: *в коробке — на коробке*, *под коробкой*, *за коробкой*; *на диване — перед диваном*, *около дивана* и т.д. Поэтому можно с уверенностью сказать, что они играют ничем не осложненную роль обстоятельств места. Сами вопросы *в чем?* *во что?* *на чем?* в рассматриваемых случаях тоже типично пространственные, но более конкретные по сравнению с вопросами *где?* и *куда?* (формам слов с предметным значением вообще свойственна бóльшая конкретность, чем наречиям). Так же как и соответствующие формы существительных, формы местоимений *в чем*, *во что*, *на чем* и под. входят в обычную парадигму средств выражения пространственных отношений. Ср.: *в чем — во что — из чего*; *в чем — на чем — под чем* и т.д.

С другой стороны, в случаях типа *домик в лесу*, *дорога на Брянск* действительно совмещаются особенности разных членов предложения — обстоятельства места и определения. Формы *в лесу*, *на Брянск* сохраняют здесь свойственные обстоятельствам пространственные значения, но, используясь при существительном, выражают признак предмета по его пространственному положению. Это получает грамматическое отражение в том, что формы типа *в лесу*, *на Брянск*, с одной стороны, системно противопоставлены здесь типично обстоятельственным формам *около леса*, *за лесом*; *из Брянска*, *за Брянском* и т.д. С другой — при существительном они обнаруживают потенциальную способность взаимодействовать с прилагательным: *домик в лесу — лесной*, *дорога на Брянск — Брянская*. А это характерное свойство определения.

Подход с точки зрения системы грамматических средств выражения разных второстепенных членов может

быть эффективным и при решении многих других теоретических и практических задач изучения языка.

Дополнение

§ 77. Общая характеристика. Дополнение — второстепенный член предложения, который служит в основном для выражения объектных отношений (иногда дополнения выражают субъект действия или состояния). Чаще всего с помощью дополнения обозначается объект, на который направлено действие, реже — объект, на который распространяется качественный признак.

В большинстве случаев для дополнения характерна «присловная» позиция — употребление в тесной связи с определенным главным словом. Только отдельные разновидности дополнений употребляются в роли детерминантов (см. о них выше, § 24).

Дополнения, выражающие объект действия, употребляются при глаголах, а также при образованных от них существительных типа: *доставили грузы* — *доставка грузов*, *варила обед* — *варка обеда*, *работает над докладом* — *работа над докладом*, *стремится к простоте* — *стремление к простоте*. См., например: *Двое красноармейцев отвели его в штаб* (Шолохов); *...на всех хуторах стали собирать свинец и медь* (Шолохов); *Я несколько раз разговаривал с ним, наблюдал его, много слышал о нем* (Любимов); *Натура жизнеутверждающая, динамическая, неистощимо активная, он [Чехов] стремился не только описывать жизнь, но и переделывать, строить ее* (К. Чуковский); *Я ненавижу ложь и насилие во всех их видах...* (Чехов); *И не только к озеленению, оплодотворению земли чувствовал он [Чехов] такую горячую склонность, но ко всякому творческому вмешательству в жизнь* (К. Чуковский); *...не было, кажется, ни одного, кто бы... не отметил бы этой его [Чехова] глубоко на-*

родной **черты**: *лютой ненависти к самовозвеличению и чванству* (К. Чуковский).

Дополнения, выражающие объект, на который распространяется качественный признак, употребляются при прилагательных и образованных от них существительных: *безопасен для окружающих* — *безопасность для окружающих*, *постоянен в привязанностях* — *постоянство в привязанностях*, *верный долгу* — *верность долгу* и под. См., например: *К смирению и кротости он был совершенно не склонен* (К. Чуковский); *В нем появилась новая черта — склонность к резонерству* (К. Чуковский).

Дополнения, грамматически зависящие от глагола, называются приглагольными, от прилагательных и существительных — применными (придъективными и присубstantивными).

Обозначение самого объекта обычно предполагает употребление слов предметной грамматической семантики. Поэтому в роли дополнения используются почти исключительно существительные и их заместители, в том числе — такие же сочетания слов, как и при выражении подлежащего (см. выше, § 43). Только изредка, при некоторых группах глаголов, «процессуальный» объект (желаемое, достигаемое и под. действие) может выражаться формой инфинитива: *просил помочь* (ср.: *просил о помощи*), *велел прийти*, *научился рисовать* (ср.: *научился рисованию*) и т.д. (Об отграничении инфинитива-дополнения от инфинитива, входящего в составное сказуемое, см. § 46.)

Существительное-дополнение всегда выражается формой косвенного падежа — без предлога или с предлогом. В большинстве случаев дополнениям свойственна обязательность строго определенного грамматического оформления и жесткая зависимость от того, какое слово употреблено в качестве главного. Для них чужда «изменяемость» способов выражения, часто характерная для определений и обстоятельств. Как правило, дополнение

при определенном главном слове может употребляться только в одной, единственно возможной форме (ср., например: смеялся **над товарищем** и висела **над портретом, под портретом, за портретом, там, здесь, впереди; писал письмо** и писал **всю ночь, до ночи, долго** и т.д.). Варьирование грамматического оформления, иногда встречающееся у дополнений, обычно замыкается рамками синонимических средств: *скупает об отце — по отцу; говорили о школе — про школу* и под.

§ 78. Приглагольные дополнения. Приглагольные дополнения составляют центральную группу дополнений. Среди других дополнений они являются и наиболее употребительными и наиболее разнообразными как в смысловом, так и в грамматическом отношении. Приглагольные дополнения часто составляют необходимый компонент предложения, так как не только переходные, но и многие непереходные глаголы называют такие действия, которые всегда предполагают тот или иной объект (см., например, глаголы *чистить, обрабатывать, раздвигать, натолкнуться, опереться, убедиться, признаться* и т.д.).

Среди приглагольных дополнений (и только среди них!) по грамматическим и отчасти по смысловым признакам разграничиваются дополнения **п р я м ы е** и **к о с в е н н ы е**.

Прямые дополнения — это дополнения, употребляющиеся при переходных глаголах и выраженные а) винительным падежом без предлога или б) замещающим его при отрицании и при выражении «частичного объекта» родительным падежом. Например: а) *посеяли **пшеницу**, просмотрел **газету**, обсудили **решение**, презирал **опасность**, чувствовал **радость**, слышал **голоса***; б) *взяли **хлеба** — **хлеб**, купили **пшеницы** — **пшеницу**, не просмотрел **газеты** — **газету**, не чувствовал **радости**, не слышал **голосов*** и т.д.

Косвенные дополнения — это дополнения, выраженные всеми другими формами косвенных падежей без пред-

логов и с предлогами, в том числе — винительным с предлогами. Например: род. пад. — избегал **разговоров**, достиг **берега**, коснулся **руки**, боролся **против самодержавия**; дат. пад. — помогал **матери**, привык **к работе**; вин. пад. с предлогом — смотрел **на брата**, вдумывался **в прочитанное**, написал **про него**; твор. пад. — занимался **чтением**, занимался **с дочкой**; предл. пад. — настаивал **на увольнении**, не разобрался **в решении** и т.д.

Смысловая специфика прямых и косвенных дополнений наиболее четко проявляется, когда при переходном глаголе устойчиво употребляются одновременно два дополнения. В таких сочетаниях прямым дополнением обозначается предмет, который подвергается воздействию наиболее непосредственно («прямо»). Ср.: передал **письмо отцу**, послал **книги для товарища**, разрезал **бумагу на квадраты**, вырезал **из бумаги квадраты** и т.д.

Значение прямого объекта, передаваемое прямым дополнением, — очень широкое грамматическое значение. В нем обобщаются многообразные отношения между действием и предметом. Прямое дополнение может обозначать, например, объект, создаваемый в процессе действия (**построили дом**, связала **рукавицы**, написал **реферат**), или готовый объект, подвергаемый воздействию (**украшили дом**, починила **рукавицы**, проверял **реферат**); объект восприятия (**увидел машину**, услышал **голоса**; почувствовал **боль**); изображаемый объект (**нарисовал дом**; сфотографировал **сестру**); объект порицания (**ругал сестру**, раскритиковал **статью**); объект эмоционального отношения (**любил сестру**; презирал **трусость**) и т.д.

Косвенные дополнения по семантике очень разнообразны. Однако строго определенное, четко кристаллизовавшееся грамматическое значение имеют только некоторые из них, при этом в большинстве случаев такие, которые употребляются при переходных глаголах вместе с прямым дополнением. К ним относятся, например: допол-

нение в дательном падеже без предлога, обозначающее лицо, которое является «адресатом» действия или тем человеком, ради которого или, напротив, во вред которому совершается действие: *передал заявление **директору**, рассказал все **товарищу**, читал **малышам** сказку, помог **малышу**, мешал **матери**, причинял **матери** огорчения* и т.д.; дополнение в предложном падеже с предлогом **о**, выражающее объект как тему речи или мысли: *говорили **обо мне**, сообщил **о прибытии**, думал **о сыне***; дополнение в родительном падеже с предлогом **из**, обозначающее материал для изготовления предмета (такой материал является объектом обработки в процессе создания предмета): *лепил игрушки **из глины**, сварила **из смородины** варенье*; дополнения в винительном падеже с предлогами **на** и **в**, обозначающие конечный продукт, который является результатом «преобразования» другого предмета: *разорвал [бумагу] **на куски** — **в клочки**, превратили [здание] **в груду развалин*** и т.д. Кроме того, определенностью грамматической семантики характеризуется ряд дополнений с субъектным или субъектно-объектным значением. Это дополнения в творительном падеже без предлога, обозначающие субъект действия при глаголах и причастиях страдательного залога (***школой** проводится* [конференция], *изученные **им*** [произведения], *подписано **директором*** [письмо] и т.д.); дополнения в дательном падеже без предлога, обозначающие субъект состояния при безличных глаголах (***ему** не сиделось, **мне** пришлось уехать, **нам** хотелось поговорить* — такое дополнение аналогично дополнению при словах категории состояния: ***ему** холодно, **мне** грустно* и под.); дополнения в форме **с** + твор. пад., обозначающие второго участника совместного действия (*беседовал **с отцом**, работал **с Петровым**, обсудил [проект] **с сотрудниками***).

Во многих других случаях разнообразие грамматических форм косвенных дополнений не связано с четко вы-

раженными различиями их грамматических значений. Употребление дополнений в разных формах часто имеет лексически связанный характер. Оно определяется не потребностью разграничивать разные типы объектов, а традиционными нормами языка, в соответствии с которыми даже при выражении однотипных объектов за небольшими группами слов, а подчас и за отдельными словами нередко закреплена своя форма дополнения. См., например, грамматическое выражение дополнений, обозначающих объект, на который направлена эмоциональная реакция: *удивляться **стойкости** — восхищаться **стойкостью** — преклоняться **перед стойкостью**; поверить в **правоту** — увериться в **правоте*** и т.д. Подобные формы дополнений выражают, по существу, только самое общее значение объекта действия, без дифференциации различных типов объекта. Нередко лексическая связанность (синтагматическая обусловленность) в выборе форм приглагольных дополнений обуславливает отсутствие четких семантических различий не только между разными формами косвенных дополнений, но и между дополнениями прямыми и косвенными. Ср., например: *занимается **астрономией** — изучает **астрономию**; препятствует **росту** — тормозит **рост**; лишиться **сестры** — потерять **сестру**; правил **машиной** — вел **машину*** и т.д.

Лексическая связанность в употреблении дополнений делает сложным практическое усвоение их грамматических форм, так как во многих случаях требуется запомнить, какой падежной или предложно-падежной формой управляет глагол. При овладении родным языком такое запоминание происходит стихийно и относительно легко, хотя и здесь лексическая связанность является источником ошибок в выборе формы дополнений (типа: «огорчился ее неудачам», «восхищался очередному открытию», «радовался и восхищался ими», «указал о необходимости», «признается о своей ошибке» и т.д.). При изучении чужо-

го языка усвоение грамматических форм дополнений сопряжено с большими трудностями: лексическая связанность в их оформлении свойственна всем языкам, но в разных языках используются несоотносительные формы дополнений.

Одна из причин сохранения лексической связанности — в «предсказуемости» дополнений. Чаще всего глагол своим лексическим значением указывает не только на необходимость дополнения, но и на характер соответствующего объекта. Дифференцированное обозначение типа объектных отношений оказывается в этих условиях в известной мере избыточным, тем более что лексическое значение самого дополнения часто окончательно уточняет характер объекта. Поэтому ни различия в средствах выражения однородных отношений (*сердился на непонятливость* — *возмущался непонятливостью*), ни употребление одной формы при обозначении разных смысловых отношений (*сердился на брата* — *надеялся на брата* — *жаловался на усталость* — *смотрел на меня* и т.д.) не препятствуют пониманию содержания речи.

§ 79. Приаждъективные дополнения. Это разряд малоупотребительный. Приаждъективные дополнения выражают объект, на который распространяется и по отношению к которому проявляется качественный признак. В связи с этим они чаще всего имеют ограничительное значение. Ср. употребление прилагательных без дополнения и с дополнением:

новые впечатления
приятные люди
богатый край
он добр

новые для меня впечатления
приятные ему люди
богатый лесами край
к матери он добр

Способность подчинять дополнение, естественно, наблюдается только у качественных прилагательных и реа-

лизуется редко — у немногих прилагательных и только в отдельных значениях, например: *Неподвластная ей злая воля направляла слова ее и поступки* (Шолохов); *Но хорунжий не был склонен к мирному разговору* (Шолохов); *Они во многом были близки друг другу* (Федин); *Но эта эстетика была чужда тогдашнему рядовому читателю...* (К. Чуковский) и т.д.

Приаъективные дополнения включают в свой состав несколько семантических разновидностей, имеющих различное грамматическое оформление. Они могут обозначать, например: объект, по отношению к которому активно проявляется признак лица: *добр к детям (с детьми), сердит на детей, внимателен к детям* и т.д., см., например: *Он был радушен с Анной Тихоновной...* (Федин); объект, по отношению к которому имеет силу оценка значимости предмета-носителя признака: *важен для меня, полезен для здоровья, приятен мне (для меня)* и под., см., например: *...но эти подробности могут быть интересны только для специалистов* (Чивилихин); *Голос у нее слабый, дрожащий. Он мне бесконечно приятен* (Бражнин); *Пытливость ума, увлечение новыми для него науками сочетаются у Чекмарева с... желанием быть полезным своей стране* (Ильичева); объект, обозначающий непосредственную область проявления признака и потому уточняющий характер самого признака: *счастлив работой, скуп в движениях, хорош на вид*, см.: *Вспомнилась Аксинье молодость и вся ее бедная радостями жизнь* (Шолохов); *Лицо ее с мягкими, привлекательными в своей неправильности чертами было, пожалуй, самое заурядное* (Шолохов). И т.д.

Как и у приглагольных дополнений, в грамматическом выражении приаъективных дополнений наблюдается лексическая связанность; ср., например: *похожий на кого, на что — сходный с кем, чем — подобный кому, чему — близкий к кому, к чему; характерный для кого, для чего — присущий кому, чему.*

§ 80. Присубстантивные дополнения. Дополнение как выразитель объектных отношений возможно далеко не при любом существительном. Оно может употребляться только при отвлеченных существительных, которые образованы от глаголов и прилагательных и потому связаны с обозначением действия или качественного признака. Сочетания с присубстантивными дополнениями являются как бы производными от дополнений при глаголах и прилагательных: они всегда повторяют объектное значение этих дополнений, а нередко и их грамматическую форму. См., например: *Возрождая «Гаудеамус», мы подчеркиваем преемственность культур и уважение к сдланному до нас* (Бражнин), ср.: *Уважали его* [Анатолия Мерзлова] *отношение к людям, к делу...* (Симонов); *Жалость к конкретному человеку была его* [Чехова] *культуром* (К. Чуковский), ср.: *Никто не умел и не умеет так глядеть в человека, так понимать, так раскрывать, так любить и жалеть его* [как Толстой] (Бражнин); *В «Русской мысли» появилась статья, полная глубокой симпатии к забытому автору...* (К. Чуковский), ср.: *симпатизировать автору*; *Он [Прометей] похитил для людей небесный огонь, научил их счету, чтению, письму, искусствам, земледелию, лечению болезней, постройке кораблей...* (Бражнин), ср.: *лечить болезни, строить корабли*; *Горький нередко выражал свое восхищение Слепцовым в печати...* (К. Чуковский), ср.: *...лучшие наши писатели единодушно восхищались его* [Слепцова] *дарованием* (К. Чуковский); *Упоминание о жене его не взволновало* (Шолохов), ср.: *...о трудностях этой поездки не упоминалось ни словом* (К. Чуковский); *Такова была его система работы над рукописями...* (К. Чуковский), ср.: *Работая над повестью, ...я избрал иной путь...* (Бражнин); *Таким образом, призывы к «бескорыстному» служению чистой эстетике* внушены были явной корыстью (К. Чуковский), ср.: *призывать к служению, служить*

[чистой] **эстетике**; Чехов и здесь, как в других своих книгах, — **борец за народное счастье** (К. Чуковский), ср.: **бороться за счастье**; Приезд Анны Тихоновны Улиной в Брест был **неожиданностью для** драматического **коллектива**, прибывшего из Москвы (Федин), ср.: **был неожиданным для коллектива** и т.д.

При некоторых существительных (соотносительных с непереходными глаголами и обозначающих проявления психической деятельности человека) дополнения могут приобретать сопутствующее определительное значение, что проявляется в возможности постановки к ним вопроса *какой?*, а изредка — и в возможности параллельного употребления прилагательного, см.: *увлечение музыкой — чем? какое?*; *привычка к труду — к чему? какая?* **увлечение музыкой — музыкальные увлечения**. Вместе с тем сохранение объектного значения, специфической формы дополнения, а также присущей именно дополнению лексической связанности в выборе грамматической формы (ср.: *увлечение музыкой — любовь к музыке — интерес к музыке*) свидетельствуют о том, что и в подобных случаях у зависимого слова преобладают признаки дополнения.

Определение

§ 81. Общая характеристика. **Определение** — второстепенный член предложения, обозначающий признак предмета. Поэтому оно обязательно подчинено существительному, называющему характеризующий предмет, а само чаще всего выражается прилагательным — частью речи, специализировавшейся для обозначения признаков предмета. Ср.: *Над сундуком, на широком размете оленьих рогов, висели каракулевая офицерская папаха, башлык с серебряной кистью и бурка* (Шолохов). В то же время прилагательное — не единствен-

ное средство выражения признака предмета. В соответствии с реальным множеством таких признаков определения могут выражаться причастием, местоимением, порядковым числительным, существительным в косвенном падеже с предлогами и без предлогов, а в отдельных случаях даже наречием и инфинитивом. См., например, определения, потенциально возможные при слове *дом*: **кирпичный** дом, **соседний** дом, **новый** дом, **строящийся** дом, **тот же** дом, **наш** дом, **какой-то** дом, **пятый** дом, дом **в два этажа**, дом **с балконом**, дом **без окон**, дом **строителей**, дом **из кирпича**, дом **для жилья**, дом **на площади**, дом **справа** и т.д.

В соответствии со способом грамматического выражения и характером связи с определяемым существительным среди определений выделяются **с о г л а с о в а н н ы е** и **н е с о г л а с о в а н н ы е**.

Согласованные определения — это определения, выраженные прилагательным или словом, сходным с ним по характеру словоизменения: причастием, местоимением-прилагательным, порядковым числительным. Согласуясь с определяемым существительным, определение четко указывает на связь с этим существительным и, соответственно, на то, какому предмету принадлежит данный признак. См.: ***В той** стороне блекло светилось **з а р е - в о**, **принакрытое черной** полою тучи. **Степь**, как **ч а ш а**, до краев **налитая** тишиной и **влажной** **с ы р о с - т ь ю**, таила в складках балок **грустные** **о т с в е т ы** дня* (Шолохов). Огромное многообразие реальных признаков предметов передается согласованными определениями за счет многообразия их лексических значений, а не грамматических форм.

Н е с о г л а с о в а н н ы е определения — это определения, выраженные существительным, простой формой сравнительной степени прилагательного, инфинитивом или наречием, т.е. такими грамматическими разрядами

слов, которые не способны к согласованию. Ср., например:

<i>офицерская шинель</i> (согласование)	— шинель <i>офицера</i> (управление)
<i>ситцевое платье</i> (согласование)	— платье <i>из ситца</i> (управление)
<i>маленький мальчик</i> (согласование)	— мальчик <i>поменьше</i> (примыкание)
<i>верховая езда</i> (согласование)	— езда <i>верхом</i> (примыкание)

См., например: ...*Дедок построил себе дом и шкo пол-лучше, с деревянным полом, с большим окном...* (Нагибин); *В нем самом никогда не угасала потребность сеять, сажать, растить* (К. Чуковский); *Большой белый дом справа — самая древняя из построек усадьбы* (Песков).

§ 82. Несогласованные определения, выраженные существительным. Основной разряд несогласованных определений — определения, выраженные существительным, — одним или с зависящими от него словами. В отличие от других грамматических разновидностей несогласованных определений они характеризуются большим многообразием и употребительностью. Эти определения выражают такой признак предмета, который устанавливается по соотношению его с другими предметами (разумеется, в широком — грамматическом понимании «предмета»). Различия в характере соотношения выражаются, как это всегда наблюдается при управлении, падежными и предложно-падежными формами существительных при поддержке лексических значений сочетающихся слов. Ср., с одной стороны, *подарок сестры* — *подарок для сестры*, *кувшин с цветами* — *кувшин для цветов* — *кувшин из-под цветов* — *кувшин без цветов* и т.д., с другой — *ра-*

дочь командира — радость встречи; выступление брата — строгость брата — портфель брата; учитель Вити — учитель математики.

Как и все второстепенные члены, выраженные существительным, несогласованные определения способны передавать многообразные виды смысловых отношений. Ниже будут рассмотрены в основном наиболее широкие и употребительные семантико-грамматические разновидности этих определений.

I. Определения, выражающие принадлежность предмета, в большинстве случаев употребляются в форме родительного падежа без предлога. Определения эти характеризуются большой широтой грамматического значения. Например, при конкретном существительном они могут обозначать лицо, коллектив, животное, которым в том или ином смысле принадлежит определяемый предмет (*костюм отца, ошейник собаки, квартира друзей, стихи Некрасова, портрет Репина, поля совхоза, дочь директора* и т.д.); предмет, которому определяемое принадлежит как составная часть (*рука отца, мозг животного, ножка стола, главы романа*); место, организацию, учреждение, к коллективу которых принадлежит определяемое лицо (*жители Томска, студент биофака, член кружка* и т.д.). См., например: *Подходя сейчас к палатке начальника, Четунов... вспомнил свою прежнюю робость перед этим человеком* (Нагибин); *Тут снеговые тоннели крота...* (Сладков); *В номере гостиницы слышал я днем и ночью пароходные гудки и рокот моторов на аэродроме на той стороне Двины, видел над крышами домов верхушки мачт...* (Казаков); *Работники красноармейских газет оторвались от своих редакций. Их собирают в штабе кавалерийского корпуса* (Долматовский); *Коля Воткевич... В годы войны он попал в плен, был активным членом подпольной антифашистской организации...* (Долматовский) и т.д.

При отвлеченном существительном, образованном от прилагательного, определение обозначает предмет или явление, которому принадлежит качественный признак, — субъект, носитель признака (*доброжелательность бригадира, чистота комнаты, честность отношений* и под.), например: *Техническая **смелость Кибальчича**... равна его революционному мужеству* (Бражнин); *...и я создал себе легенду о чистых и нежных цветах, умирающих не только **от грубости рук, их держащих, но от черствости сердца, от его лукавства***... (Бражнин); а при отвлеченном отглагольном существительном — предмет или явление, которому принадлежит процессуальный признак, — субъект действия (*работа слесаря, шорох листьев, рост безработицы* и под.), например: ***Скрип колес, фырканье лошадей и овец, рев коров, плач детишек, стон тифозных**... опрокинули нерушимое безмолвие хутора*... (Шолохов). Некоторые разновидности отношений принадлежности могут выражаться предложно-падежными формами, но с дополнительными семантическими компонентами, например с дополнительным значением пространственной разъединенности, ср.: *ножка **от стула**; секретарь **правления** и секретарь **из правления*** и под.

II. **Качественная характеристика предмета** выражается при использовании несогласованных определений чаще всего не одним существительным, а нераздельным в семантическом и грамматическом отношении сочетанием существительного в родительном падеже с прилагательным или местоимением-прилагательным. В одной разновидности таких определений употребляется существительное, называющее лишь общую категорию оценки: *качество, размер, цвет, запах, сила, возраст, характер* и т.д. Оценка выражается сочетающимся с ним словом (*товары **высокого качества**, обувь **больших размеров**, **приятного вида** женщина, люди **пожилого возраста***,

ткани других расцветок, большой силы взрыв, вещества такой же плотности и т.д.). В другой разновидности употребляются существительные, которые сами обозначают определенный качественный признак, прилагательные же, сочетающиеся с ними, характеризуют степень проявления этого признака (*человек большой доброты, люди высокой культуры, ткани большой прочности, дело огромной важности* и т.д.). См., например: *Плотные известняки серого и розового цвета* или *вниз почти отвесными ступенями* (Нагибин); *Да и что яркое может отыскаться в этом краю материкового льда полуторакилометровой толщины?..* (Бражнин); *Небольшого роста пожилая женщина... с утра до ночи хлопотала в большой и бестолковой квартире ученого* (Л. Успенский); [*«Война и мир»*] *Это книга глубочайшего проникновения в человеческий материал и широчайшего охвата* (Бражнин) и под. Некоторые качественные признаки могут выражаться и иными (менее употребительными и малопродуктивными) формами, типа: *человек долга, человек дела, человек настроения, человек с мягким характером, человек с характером, женщина с головой, человек без совести, женщина в годах* и т.д. Употребление многих из этих форм характеризуется лексической связанностью.

III. Сопутствующий предметный признак обозначается обычно формой *с* + твор. пад. или *в* + предл. пад. (когда речь идет об одежде или каком-либо «покрытии» предмета): *платье с застежкой, человек в шляпе* и под. Отсутствие такого признака выражается определением в форме *без* + род. пад.: *платье без застежки, человек без шляпы* и под. См., например: *К памятнику подошел сухощавый мужчина, высокий, в приталенном сером пальто, без шляпы...* (Бондарев); *На другой полке — патефон в голубом футляре...* (Л. Успенский); *В Чебронке тоже была церковь, но явно позднего времени, с высокой коло-*

кольней (Шукшин); *Прошли знойные июльские ночи с запахом сухой травы и треском кузнечиков, с далекими сухими зарницами на горизонте...* (Тренев) и т.д.

В одной из разновидностей подобных определений обязательным является употребление при существительном прилагательного или другого определяющего компонента. Это наблюдается, если существительное в определении называет неотъемлемую часть характеризуемого предмета (например, *глаза, нос* и т.д. у человека). Просто констатировать наличие такой «предметной детали» обычно бессмысленно. См.: *...Иван Савич, красивый, мрачноватый, со сросшимися черными бровями и трагическим лицом...* (Л. Успенский); *Четунов похлопал по планшету с прозрачной целлулоидной стенкой* (Нагибин).

Другие несогласованные определения составляют более узкие группы, но тоже специфичные по способам грамматического выражения. Так, определения, характеризующие предмет по материалу изготовления, чаще всего выражаются формой *из* + род. пад., например: *На нем были брюки из легкого серого габардина, белоснежная шелковая рубашка* (Нагибин); *Вот и низкая полуразрушенная ограда из желтоватого туфа...* (Бражнин). Название предмета в большинстве случаев выражается формой *для* + род. пад.: *Он бережно завернул флягу в мешочек для образцов...* (Нагибин); *Есть машины для посадки лесных полос, для кошки прудов...* (Бианки). Другие формы выражения этих двух семантических разновидностей определений употребляются реже, в лексически ограниченных условиях и обычно могут быть заменены основными формами выражения соответствующих значений, например: *суп с курицей* — *суп из курицы*, *мебель красного дерева* — *мебель из красного дерева*; *шерсть на платье* — *шерсть для платья*, *пальто на осень* — *пальто для осени*, *печенье к чаю* — *печенье для чая*, *продукты*

в дорогу — продукты для дороги, участок под капусту — участок для капусты и т.д.

При выражении признаков, связанных с количественной характеристикой, определение включает в себя числительное или существительное с количественным значением: *Это огромный пруд, в одиннадцать километров длиной и три шириной*, был частью давно заброшенной системы прудов... (Бражнин); *Девочка-подросток лет двенадцати несет ведро воды* (Бражнин).

Особую группу составляют обстоятельственные определения. Конкретизирующий признак предмета или явления они выражают в формах, совпадающих с обстоятельствами. Например: *Поезд на Москву пришел ночью* (Паустовский); *...прямо с госпитальной койки попал я на короткое время в военный санаторий под Свердловском* (Бражнин); *Работа была прервана командировкой во Францию* (Долматовский); *А потом? Спектакли в часы тревог и бомбежек... Выезды на фронт, на Кировский завод, к Сестрорецку...* (Л. Успенский); *Я не смогу пересказать историю жизни Нагурского и Кузнецова в Крестовой губе..., его полетов в тумане, в снежную пургу, без ориентиров и приборов для слепого полета* (Бражнин); *Уже не в первый раз на его глазах уходили люди на великую проверку пустыней...* (Нагибин). От обстоятельств их отличает употребление при существительном, а также потенциальная возможность синонимической замены (хотя и не всегда) определением-прилагательным и родительным падежом обычного несогласованного определения: *поезд на Москву — московский поезд; санаторий под Свердловском — свердловский санаторий; командировка в Париж — парижская командировка* (сочетание *командировка во Францию* не допускает подобной замены); *поездка в декабре — декабрьская поездка* и т.д.

В целом несогласованные определения характеризуются большим многообразием возможностей грамматического оформления. Но в этом многообразии наблюдается системная упорядоченность, тенденция к закреплённости определенных грамматических форм за выражением тех или иных разновидностей смысловых отношений. Это показывается в приводимой ниже обобщающей таблице.

Разновидности обозначаемых признаков	Основные способы выражения	
	Часть речи	Падежная или предложно-падежная форма
Принадлежность	существительное	род. пад.
Качественный признак	существительное + прилагательное	род. пад.
Сопутствующий предметный признак	а) существительное б) существительное + прилагательное	с + твор. пад. в + предл. пад. без + род. пад.
Материал изготовления	существительное	из + род. пад.
Назначение	существительное	для + род. пад.

Приложение

§ 83. Общая характеристика. Приложение — это определение-существительное, которое или согласуется в падеже с определяемым словом¹, или употребляется в форме именительного падежа — независимо от того, в каком падеже стоит определяемое слово: *врач-терапевт, у врача-терапевта, к врачу-терапевту; газета «Труд», из газеты «Труд», по газете «Труд», в газете «Труд»* и т.д.

¹ Об условности применения понятия «согласование» по отношению к сочетаниям с приложением см. в кн.: Скобликова Е.С. Согласование и управление в русском языке. М., 1971. С. 206—225. То же. М., 2005.

Форма именительного падежа возможна почти исключительно в случаях, когда приложением является имя собственное (как правило, не личное): *на станцию **Ряжск***, в романе *«Разгром»*, *на теплоходе «**Киргизия**»*, в совхозе *«Заря»* и под. В отдельных случаях именительный падеж приложения присоединяется к определяемому существительному с помощью слов, указывающих на характер собственного имени: *собачку по кличке **Малыш***; *во главе с юношей по фамилии **Витмер***; *с извозчиком по прозвищу **Сорока***; *в книжечке под названием «**Апельсиновые корки**»*. См. примеры разных грамматических типов приложений: *...у Григория, поселившегося на другой половине дома с женой-**учительницей***, вскоре появился свой сын... (Калинин); *По середине мостовой шла группа солдат-**сиперов*** (Бондарев); *Возница-**украинец** погонял упаренных сытых лошадей* (Шолохов); *9 марта он уже подвел полки к слободе **Частяковка*** (Шолохов); *В трех километрах от станции она [речка] впадает в море, между дереvушками **Ручьи и Долгово*** (Л. Успенский); *У дяди [Николая Успенского] был сын-**гимназист**, по имени **Глеб**...* (К. Чуковский).

Своеобразие грамматической семантики приложений состоит в том, что с их помощью выражаются отношения тождества. В простейших случаях это проявляется в том, что определяемое слово и приложение дают разноплановые обозначения одного предмета, так как признак предмета приложения часто выражают путем дополнительно-го, поясняющего наименования того же предмета. Например: *По речкам-**притокам** идет... сплав* (Песков); *Девчонки-**конторщицы** стайкой порхнули в магазин* (Песков); *Металлическую трубу-**антенну** монтируют сейчас на земле* (Песков). В более сложных случаях «отождествление» определяемого предмета с определяющим может иметь образно-метафорический или отвлеченно-оценочный характер: *Прошагал на ногах-**ходулях** лось* (Сладков);

Река-кормилица, река-дорога, река-краса... (Песков); *Клуба юных моряков — этой главной мальчишеской от-рады — нет больше* (Из газет).

В отличие от приложения несогласованное определение всегда выражает признак предмета путем указания на его соотношение с другим предметом. Ср. сочетания с приложениями и несогласованными определениями типа: *с сестрой-учительницей — с сестрой учительницы; кот Васька — кот Васьки — кот для Васьки; хозяева-фермеры — хозяева фермеров* и т.д.

Признаки, выражаемые приложением, очень разнообразны. Приложения могут обозначать классификационные разряды, к которым принадлежит предмет (см., например: *женщина-инженер, женщина-мать, женщина-узбечка; слесарь-сборщик, слесарь-подросток*); могут характеризовать его качественные признаки (*умница* девочка, завод-*гигант*, *малютка* одуванчик); оценивать предмет с точки зрения его роли в определенной ситуации (*Река — главное препятствие на нашем пути и причина нашей задержки — осталась позади*); характеризовать назначение предмета (*На реке поставлены загородки-ловушки*); конкретизировать предмет указанием его собственного имени (*в селе Кирсановка — в селе Кирсановке*) и т.д.

§ 84. Характер подчинительных отношений в словосочетаниях с приложением. В отличие от сочетаний с другими видами определений в сочетаниях с приложением подчинительные отношения часто стерты, затушеваны. Не всегда ясно, какое существительное является главным словом, какое приложением, т.е. подчиненным, определяющим словом. Оба компонента аппозитивных сочетаний¹ часто воспринимаются как относительно рав-

¹ Аппозитивные сочетания — сочетания главного слова с приложением (от лат. *appositio* — приложение).

ноправные. Необычный для второстепенных членов элемент равноправия связан и с семантическим, и с грамматическим своеобразием приложений. Так как определяемое слово и приложение часто представляют собой разноплановые обозначения одного предмета, они нередко одинаково пригодны для обозначения этого предмета. См., выше: *Девчонки-конторищицы* стайкой порхнули в магазин; Металлическую *трубу-антенну* монтируют сейчас на земле. Ср.: *Девчонки* порхнули в магазин — *Конторищицы* вошли в магазин; Металлическую *трубу* монтируют... — Металлическую *антенну* монтируют... В условиях такой равноценности существительные **в з а и м н о** **о п р е д е л я ю т** и дополняют друг друга при обозначении предмета: *девчонки* *какие?* — *конторищицы*; *конторищицы* *какие?* — *девчонки*. С грамматической стороны «равноправие» существительных в аппозитивных сочетаниях поддерживается употреблением их в одинаковых падежных или предложно-падежных формах, в силу чего при благоприятных смысловых условиях любое из них может выполнить функцию подлежащего, дополнения или другого члена предложения — в зависимости от своей формы.

Те же особенности порождают тенденцию к слиянию определяемого слова и приложения в единый член предложения, а иногда даже и в единое слово. Эта тенденция отчетливо проявляется, в частности, в официальных обозначениях географических объектов, печатных изданий, различных учреждений, а также лиц — когда полное наименование предмета предполагает одновременное употребление нарицательного и собственного имени, которые одно без другого часто информативно недостаточны. Например: *в городе Николаеве, на полуострове Таймыр, для журнала «Новый мир», для совхоза «Новый мир», к инженеру Петрову, к студенту Петрову* и т.д. (ср. формирование единых слов типа генерал-майор, в которых изменяется только последняя часть).

Однако тенденция к стертости подчинительных отношений между компонентами аппозитивного сочетания, к их смысловому и грамматическому равноправию проявляется не всегда, а если проявляется, то не всегда в равной степени ярко.

На грамматической основе подчиненное положение приложения совершенно четко выражается в двух случаях: во-первых, при употреблении его в несогласуемой форме именительного падежа (*станция **Рузаевка**, со станции **Рузаевка*** и т.д.); во-вторых, при его обособлении (*Вошла Таня, **медсестра**; Вошла медсестра, **Таня***). Подчиненное положение существительного в несогласуемом именительном падеже отчетливо проявляется в том, что его опущение не разрушает грамматических связей слов в предложении, опущение же предшествующего нарицательного существительного (если оно стоит в косвенном падеже) разрушает эти связи. Ср.: *Машину задержали **у станции Рузаевка** и Машину задержали **у станции***, но не «*Машину задержали **у Рузаевка***». Дополнительным грамматическим признаком определяемого существительного в отличие от приложения может быть согласование с ним сказуемого: *Раньше **река** Ирғиз **текла** по другому руслу; **Село** Липяги **было** от нас в двух километрах*.

В «опознании» приложения на семантической основе определяющим является установление того, какому из слов принадлежит характеризующая роль. На этой основе приложение достаточно отчетливо вычленяется, например, в случаях, когда одно из слов служит выразителем качественного признака — обычно это слово и является приложением: *Всех не́приметнее в этих дремучих зарослях **скромница** о́льха* (Солоухин); *Этот образ лесовода-**романтика**, поэтически влюбленного в деревья, был... дорог Чехову...* (К. Чуковский); *...высунулся птичий нос. Смешной такой нос-**коротышка*** (Сладков). Определяющая роль второго слова ясна в двусловных сочетаниях

нарицательных наименований типа: *слесарь-монтажник*, *летчик-испытатель*, *жук-бронзовка*, *гриб-дождевик* и под. Приложение уточняет в них разновидность определенной категории предметов. Вместе с тем даже при указанных смысловых соотношениях стопроцентной ясности подчинительных отношений семантика сочетающихся слов не обеспечивает. Например, в случаях типа *Москва радостно приветствовала героев-летчиков* качественно-оценочное значение слова *герои* не исключает возможность использовать его в качестве основного наименования и уточнять его словом, лишенным качественно-оценочного значения. При обособлении подчиняющая роль слова с оценочным значением достаточно обычна: *Это степной щеголь — журавль* (Сладков). В условиях противопоставлений типа *Конкретные задачи летчика-испытателя и шофера-испытателя*, конечно, различны определяемым словом обоих выделенных сочетаний оказывается существительное *испытатель*, а определяющим (*испытатель какой?*) — существительные *летчик* и *шофер*.

Полная отчетливость в выражении подчинительных отношений достигается, таким образом, только на грамматической основе — при употреблении приложения в несогласуемой форме именительного падежа или при его обособлении. Семантически определительные отношения между двумя существительными, обозначающими один и тот же предмет, контекстуально изменчивы, нередко имеют характер взаимного уточнения.

Обстоятельства

§ 85. Общая характеристика. Общим понятием «обстоятельства» объединяются несколько самостоятельных разрядов второстепенных членов, каждый из которых характеризуется ярким смысловым и грамматическим свое-

образом: обстоятельства места, времени, образа действия, причины, цели и т.д. Однако, несмотря на специфику каждого из этих разрядов, они обладают и многими общими чертами.

Главная из них — определенная смысловая самостоятельность, «автономность» большинства обстоятельств. Обстоятельственные значения, как правило, оказываются ясными и вне связи с определенным словом, вне предложения. Это обуславливает, в частности, возможность их изолированного употребления в заголовках типа: «*На Северном полюсе*», «*На Северный полюс*», «*После наводнения*», «*Из-за небрежности диспетчера*», «*Вопреки стихиям*», «*Ради мира и прогресса*», «*С любовью к природе*» и т.д. (Дополнения и определения обычно неотделимы от главного слова и вне связи с ним самостоятельного значения иметь не могут, см.: *надеялся на отца, сердился на отца, смотрел на отца; радость брата, поиски брата, костюм брата* и т.д.)

Элемент известной смысловой самостоятельности определяется целым рядом семантических и грамматических особенностей обстоятельств.

1. В отличие от дополнений, использование большинства обстоятельств не предсказывается лексическим значением главного слова, и потому в выражении обстоятельственных значений это слово прямо не участвует.

2. На грамматическую форму обстоятельства главное слово, как правило, не влияет. Ср., например, разное оформление дополнений в случаях типа: *учились языку, занимались языком, изучали язык, изучение языка* и одинаковое оформление обстоятельств при любом из этих слов, например: *в школе, по словарям, перед поездкой*. В то же время различия в лексическом выражении самого обстоятельства могут обуславливать различия в его грамматическом оформлении, ср.: *изучали в школе — изучали на заводе*. Смысловая автономность обстоятельств под-

держивается, таким образом, и особенностями их оформления.

3. В сфере обстоятельств наблюдаются богатые возможности дифференциации разных значений грамматическими и лексическими средствами. Ср., с одной стороны, примеры дифференциации с помощью предложно-падежных форм: *в ящике — на ящике — за ящиком — под ящиком...*; *на уроке — перед уроком — после урока*; с другой — дифференциацию на основе лексических значений существительных, допускающих обычно выражение только одного типа обстоятельств: *перед домом — перед грозой, из дома — из вежливости* и под. Эта дифференцированность обеспечивает ту четкость значения обстоятельств, которая сохраняется у них даже вне контекста¹.

В силу рассмотренных особенностей, обеспечивающих обстоятельству относительную смысловую и грамматическую автономность, обстоятельства характеризуются двумя чертами.

1. Так как обстоятельство не имеет обычно органической связи с лексическим значением главного слова, оно, в отличие от большинства дополнений, не является «предсказуемым», устойчивым элементом предложения. Поэтому в современной лингвистике принято оценивать обстоятельства как факультативные компоненты предложения, а дополнения — как необходимые. (Терминологически это противопоставление является условным, так как для задач высказывания обстоятельство часто не менее необходимо, чем дополнение. Более точно было бы разграничивать дополнения и обстоятельства как относительно ус-

¹ Показательно, что те немногие семантические разновидности дополнений, которые имеют однозначную форму грамматического выражения, тоже способны приобретать относительную смысловую автономность. Таковы, например, дополнения типа *о природе, о путешествии, о школе*, выражающие тему речи или мысли.

тойчивые компоненты предложения, с одной стороны, и неустойчивые, «подвижные» — с другой.)

2. Большинство обстоятельств (кроме обстоятельств образа действия, а также меры и степени) характеризуются широким диапазоном возможных смысловых связей. Они могут относиться к отдельным словам разных частей речи: *растут в лугах, густые в лугах, трава в лугах* (обстоятельственное определение); *цветут в мае, яркие в мае, поездка в мае* (обстоятельственное определение) и т.д. Могут быть соотнесены в качестве детерминантов с содержанием простого предложения в целом, с содержанием всех частей сложносочиненного предложения и даже с содержанием целой цепочки самостоятельных предложений, следующих за тем, в которое непосредственно входит обстоятельство. Этой способностью чаще всего обладают обстоятельства, стоящие в начале предложения: **В поле** горел костер (А.Н. Толстой); **От ветра** дрожали стекла и гроыхала железная крыша (А.Н. Толстой); **В полночь** в молчании началась переправа войск сразу в трех местах. Чтобы отвлечь внимание врага, части Белоцерковского полка... начали оживленную перестрелку. Немцы, насторожась, молчали (А.Н. Толстой).

Разные типы обстоятельств существенно различаются между собой не только значением и системой форм грамматического выражения, но и разной употребительностью, часто — тяготением к определенным стилям, к определенному содержанию речи.

Универсальным средством выражения обстоятельств являются существительные в различных предложно-падежных и изредка — падежных формах. Наречие совершенно не употребляется для выражения обстоятельств условия и уступки; очень редко используется для выражения причины и цели. Деепричастие не может выражать пространственных и степенных отношений. Инфинитив употребляется только для выражения обстоятельств цели.

Удельный вес различных средств при выражении каждого типа обстоятельств различен. Например, обстоятельства места чаще выражаются с помощью существительных, а не наречий. При выражении обстоятельств образа действия, а также обстоятельств меры и степени, напротив, в большинстве случаев используются наречия.

Общая употребительность некоторых типов обстоятельств во многом определяется их соотношением с придаточными предложениями. Так, условные, уступительные, причинные, целевые значения с максимальной полнотой выражаются придаточными предложениями. В связи с этим обстоятельства условия являются, например, малоупотребительной синтаксической конструкцией, притом конструкцией исключительно книжной (ср.: *в случае неявки ответчика и если ответчик не явился*). С другой стороны, пространственные отношения гораздо более прямо и точно выражаются обстоятельствами места, а не придаточными предложениями (ср.: *назначен в Николаевку и назначен туда, где живет его отец*). Это обуславливает большую употребительность обстоятельств места и малую употребительность придаточных предложений места.

§ 86. Обстоятельства места. Обстоятельство места — второстепенный член предложения, служащий для выражения пространственных отношений. См.: *...среди травянистой поляны стояло на сваях длинное бревенчатое помещение... Оно называлось завозней. Крестьяне нашего села свозили сюда семена... Поодаль от завозни — сторожка. Прижалась она под каменной осытью, в заветрии и вечной тени. Над сторожкой, высоко на увале, росли лиственницы и сосны. Сзади сторожки выкуривался из камней синим дымком ключ. Он растекался по подножию увала...* (Астафьев).

По характеру выражаемых отношений и грамматическому оформлению в системе обстоятельств места в боль-

шинстве случаев четко противопоставлены друг другу две разновидности: а) обстоятельства, выражающие место в собственном смысле этого слова (где?), и б) обстоятельства, выражающие направление движения (куда? откуда?). См., например:

<i>где?</i>	<i>куда?</i>	<i>откуда?</i>
<i>в шкаф</i>	<i>в шкаф</i>	<i>из шкафа</i>
<i>на шкафу</i>	<i>на шкаф</i>	<i>со шкафа</i>
<i>под шкафом</i>	<i>под шкаф</i>	<i>из-под шкафа</i>
<i>над шкафом</i>	—	—
<i>перед шкафом</i>	—	—
<i>за шкафом</i>	<i>за шкаф</i>	<i>из-за шкафа</i>
<i>около шкафа</i>	<i>к шкафу</i>	<i>от шкафа</i> и т.д.

В противопоставлении *где?* — *куда?* грамматически участвуют в русском языке, как правило, не предлоги, а падежи: при одном и том же предлоге место обычно выражается предложным или творительным падежом, а направление — винительным. В противопоставлениях *где?* — *откуда?* и *куда?* — *откуда?* участвуют и падежи, и предлоги: при этом общее значение *откуда?* неизменно выражается родительным падежом. Во всех случаях предлоги передают определенное соотношение с пространственным ориентиром. Например, предлоги **в**, **из** выражают соотнесенность с внутренними границами ориентира; **под**, **из-под** — с пространством ниже предмета и т.д.

Аналогичные системные соотношения отчасти сохраняются и в словообразовательной структуре тех наречий, которые образованы от существительных с предлогом. Ср., например: *вверху, наверху* — *вверх, наверх, кверху* — *сверху*; *внизу* — *вниз* — *снизу*; *впереди* — *вперед*; *позади, сзади* — *назад*.

Однако соотносительность между обстоятельствами, выражающими место и направление, наблюдается не все-

гда. Местонахождение по отношению к пространственному ориентиру передается в русском языке гораздо более дифференцированно, чем направление. См., например, обстоятельства типа *вне города, перед домом, над домом, вдоль дома, вокруг дома, между домами* и т.д. Соотносительных с ними обстоятельств, выражающих направление движения, в современном русском литературном языке нет. В случаях необходимости соответствующее направление передается теми же формами, что и местонахождение, например: *висит над диваном — повесил над диваном; лежит между книгами — положил между книгами* (ср. различные формы в аналогичных словосочетаниях: *висит на елке — повесил на елку, лежит на столе — положил на стол*).

Несколько особое место в системе рассматриваемых обстоятельств занимают обстоятельства, выражающие путь движения: *Они **шли** вдоль воды, по... мягкому, как бархат, песку...* (А.Н. Толстой). Семантически эти обстоятельства как бы совмещают значение места, направления и в широком смысле способа перемещения, что отражается в возможности вопросов типа *где шли? как? каким путем?* Некоторые формы грамматического выражения являются специфической принадлежностью только этой разновидности обстоятельств места. Это, например, наречие *мимо*; предложно-падежные формы *мимо* + род. пад., *сквозь* + вин. пад., *через* + вин. пад.; творительный беспредложный: *шли **мимо**, ехали **мимо озера**, пробирались **сквозь кусты** (**через кусты**), **шли лесом***. Но во многих случаях соотношение пути движения с ориентиром выражается с помощью тех же форм, которые обозначают местонахождение неподвижного предмета. Ср.: ***Вдоль берега двигались машины — Вдоль берега стояли палатки; Перед домом проехала машина — Перед домом был палисадник***. В таких случаях значение пути движения узнается только по глаголу движения.

Самыми широкими возможностями использования характеризуются обстоятельства местонахождения. С их помощью может обозначаться место событий, расположение деталей описываемой обстановки, место распространения качественного признака и т.д.: *На юго-западе были видны новые огромные скопления конницы...* (А.Н. Толстой); *По берегу узкого оврага над водой рос кудрявый орешник* (А.Н. Толстой); *Сначала появляются зеркальные забереги, по краям хрупкие и неровные* (Астафьев) и т.д. Обстоятельства направления и пути движения имеют более узкое назначение — характеризовать пространственные ориентиры движения. Поэтому они устойчиво употребляются только с глаголами движения и пространственного перемещения объекта (типа: *двигаться — двигать, передвигать; идти — нести, ехать — везти, бежать, плыть* и т.д.): *Марья Васильевна поднялась и бесшумно выскользнула из комнаты* (Нагибин); *...вынесла сено на берег... и понесла в дом мотор* (Нагибин).

В целом обстоятельства места — одна из самых употребительных разновидностей обстоятельств, особенно характерная для повествовательных и описательных текстов.

§ 87. Обстоятельства времени. Обстоятельства времени служат для выражения времени и продолжительности описываемых явлений и событий. См., например: *Вечером, войдя в комнату брата, Самгин застал там Кутузова и Туробоева* (Горький); *Перед отъездом Якушев отправил письмо Коковцеву* (Никулин); *В Кичкасе в этот год прожил я больше месяца* (Гладков); *В половине десятого раздался звонок* (А.Н. Толстой); *Этот роман Слепцов писал много лет* (К. Чуковский) и т.д.

По семантическим и грамматическим особенностям различаются две основные разновидности обстоятельств времени: во-первых, обстоятельства, выражающие временную приуроченность описываемых явлений, — обстоя-

тельства д а т и р о в к и (в широком понимании); во-вторых, обстоятельства, выражающие продолжительность действий или состояний, — обстоятельства м е р ы в р е м е н и. Первым соответствует вопрос *когда?*, вторым — вопросы *как долго? сколько времени? за какой срок? на какой срок?*

Д а т и р о в к а явлений и событий может даваться по-разному: а) прямым способом — на основе календарного счета времени (*в субботу, в марте, 25 марта, осенью* и под.); б) косвенным — на основе соотнесенности со временем каких-либо известных собеседнику событий (*в войну, после войны, во время выборов, в каникулы, перед ужином, при посадке, в грозу*); в) «относительным» (местоименным) — путем ссылки на время событий, описываемых в предшествующем контексте, или через соотношение с моментом речи (*тогда, в тот день, на следующий день, сейчас, в этом году, прошлым летом, после этого дня, потом, затем* и т.д.).

Как и для времен глагола, почти для всех способов датировки событий характерна система трехчленного противопоставления при выражении временных соотношений — способность передавать: а) с о в п а д е н и е с какой-либо «точкой отсчета» времени; б) п р е д ш е с т в о в а н и е ей; в) с л е д о в а н и е за ней.

Ср., например: **В 1870 году** он [Слепцов] *не раз посещает село Лялино...* (К. Чуковский); **...после 1863 года** [Теребнев] *уехал за границу* (К. Чуковский); *Капитан все интересовался, когда произошло несчастье — до или после выхода электростанции из строя* (Леонов); *И во время всей этой трудной поездки...* мистер Вандерлин *не раз вспоминал добром свое детство...* (Еремин); *Время от времени...* мистер Вандерлин *разговаривал с ней, а перед второй поездкой в Россию беседовал целый час* (Еремин); **После их второй совместной поездки** его отношения с Холтом совершенно испортились (Еремин); **А на следую-**

щий день на уроке... Дюшка, **доставая тетрадь** из портфеля, нечаянно выронил кирпич на пол (Тендряков); **После уроков** он одним из первых выскочил с портфелем из школы (Тендряков) и т.д.

Наречия выражают эти соотношения своим лексическим значением. Подразумеваемая при их использовании «точка отсчета» — это либо момент речи, либо тот или иной момент описываемых событий. Ср.:

Предшествование	Совпадение	Следование после
<i>вчера</i> <i>когда-то</i> <i>давно</i>	<i>сегодня</i> <i>сейчас, теперь</i>	<i>завтра</i> <i>когда-нибудь</i> <i>скоро</i> и под.

Существительное само обозначает временной ориентир, служащий «точкой отсчета» (примеры см. выше). То или иное соотношение с этим ориентиром выражается грамматически — предложно-падежной или падежной формой существительного (иногда — вместе с определяющими его компонентами). При этом предшествование временному ориентиру и следование за ним обозначаются в системе грамматического противопоставления последовательно — формами с предлогами *до*, *перед*, с одной стороны, *после* — с другой. Совпадение с временным ориентиром выражается значительно сложнее — различными лексически связанными формами, меняющимися в зависимости от того, с помощью каких слов выражен временной ориентир. См., например:

Предшествование	Совпадение	Следование после
<i>до 1945 года</i> <i>до ноября</i> <i>до 15 ноября</i> <i>до воскресенья,</i>	<i>в 1945 году</i> <i>в ноябре</i> <i>15 ноября</i> <i>в воскресенье</i>	<i>после 1945 года</i> <i>после ноября</i> <i>после 15 ноября</i> <i>после воскресенья</i>

<i>перед воскресеньем</i>	<i>на рассвете</i>	<i>после рассвета</i>
<i>до рассвета,</i>		
<i>перед рассветом</i>		
<i>перед утром</i>	<i>утром</i>	—
<i>до обеда,</i>	<i>в обед,</i>	<i>после обеда</i>
<i>перед обедом</i>	<i>за обедом,</i>	
	<i>во время обеда</i>	
<i>до встречи,</i>	<i>при встрече, во</i>	<i>после встречи</i>
<i>перед встречаей</i>	<i>время встречи</i>	
<i>до лекции,</i>	<i>на лекции,</i>	<i>после лекции</i>
<i>перед лекцией</i>	<i>во время лекции</i>	
<i>до грозы,</i>	<i>в грозу,</i>	<i>после грозы</i>
<i>перед грозой</i>	<i>во время грозы</i>	
<i>до того дня</i>	<i>в тот день</i>	<i>после того дня</i>
<i>час назад,</i>	—	<i>через час,</i>
<i>часом раньше</i>		<i>часом позже,</i>
		<i>час спустя</i>
<i>за час до собрания</i>	<i>во время собра-</i>	<i>через час после собра-</i>
	<i>ния</i>	<i>ния</i>

Продолжительность действия или состояния может выражаться в русском языке: а) в единицах измерения времени: *работал два года, года два, почти два года, около двух лет, неделю, с неделю* (количество «один» имеет в этих конструкциях нулевое выражение) и т.д.; б) в обозначениях тех или иных промежутков времени: *готовился к экзамену всю зиму, весь вечер, все ка-никулы*; в) путем указания на начальный, конечный или одновременно начальный и конечный временной предел: *жил у нас с марта, с детства, до лета, до окончания школы, с марта до сентября* и т.д.; г) (наименее определенно) с общим указанием на большой или небольшой срок при употреблении наречий: *работал долго, недолго*.

Неосложненное выражение меры времени наблюдается в случаях, указанных в пунктах «а» и «г». См.: *...старший брат Ивана Яков, просидев почти два года в тюрьме, был сослан в Сибирь...* (Горький); *Проработав больше*

часа, он ушел... (Горький); *Предгрозовая тишина стояла недолго* (Шолохов). Если в составе обстоятельства употребляются слова, прямо или косвенно конкретизирующие время, к которому относится «измеряемый» промежуток (см. выше пункты «б» и «в»), то выражение продолжительности действия или состояния совмещается с его датировкой. См.: *Так шла она всю ночь...* (Леонов); *С 1782 по 1794 год* во главе двух академий — Академии наук и Российской Академии — стояла женщина, Екатерина Романовна Воронцова-Дашкова («Наука и жизнь»); *До конца мая* на Северном Кавказе было... затишье (А.Н. Толстой); *Плавает он с четырнадцатью лет...* (Казаков).

Основной грамматической формой выражения меры времени является винительный падеж: *проработал неделю, всю осень*. В сочетаниях с числительным в винительном падеже стоит числительное, а существительное — в родительном падеже: *проработал два года*. С этой формой конструируют разнообразные средства приблизительного выражения меры времени: *года два, с год, почти два года, больше года* и т.д. При указании на начальный или конечный предел промежутка времени используются предложно-падежные формы *с* + род. пад. и *до* + род. пад. (реже — книжная форма *по* + вин. пад.): *работает с Нового года, работал до сентября* и под.

Обстоятельства времени играют существенную роль в выражении модально-временных отношений, присущих предложению как предикативной единице. Грамматическое время глагола или глагольной связки выражает темпоральный план содержания высказывания очень широко и абстрактно. Поэтому постоянно возникает коммуникативная потребность конкретизировать время за счет обстоятельств. См., например: — *Я ухожу, вернусь часам к девяти* (А.Н. Толстой); *К концу сентября трава на заре уже хрустела от инея* (К. Паустовский); *Василий Никитевич послал обоз с пшеницей в Самару и сам выехал на*

следующий день. Перед отъездом у него были серьезные разговоры с матушкой (А.Н. Толстой).

§ 88. Обстоятельства причины. Обстоятельства причины раскрывают причину явления: *От света звезд кровавое, истоптанное поле казалось серебристым (А.Н. Толстой); В сумерки вернулся Виктор, посиневший от холода и с разбитым носом (А.Н. Толстой); ...они [памятники архитектуры] могут быть утрачены по небрежению, халатности, невежеству и равнодушию (Песков); Пехота же не могла быть использована для маневра ввиду ее слабой подвижности... (Шолохов); Только благодаря выдержке и присущей ему светскости Краснов хранил внешнее спокойствие (Шолохов); Его огорчают ошибки, допущенные им самим в результате излишней доверчивости, неопытности (Ильичева); ...выбившись из сил, [лошадь] остановилась (Астафьев) и т.д.*

Для выражения обстоятельств причины используется достаточно широкий круг грамматических средств, среди которых — предложно-падежные формы существительных (обычно отвлеченных); наречия, чаще всего — местоименные (*почему, отчего, почему-то, потому, поэтому*); деепричастия и деепричастные обороты.

В состав предложно-падежных форм входят непроизводные и производные (как правило, книжные) предлоги. Основные из них:

Непроизводные	Производные
<i>от</i> (от зноя)	<i>по причине</i> (по причине нелетной погоды)
<i>из-за</i> (из-за недосмотра)	<i>вследствие</i> (вследствие засухи)
<i>с</i> (с досады)	<i>в связи с</i> (в связи с реконструкцией)
<i>из</i> (из вежливости)	<i>в результате</i> (в результате проверки)
<i>по</i> (по неопытности)	<i>в силу</i> (в силу ряда особенностей)
	<i>ввиду</i> (ввиду ремонта)
	<i>благодаря</i> (благодаря вмешательству)

Особенностью обстоятельств причины является то, что многообразие грамматических форм существительных, используемых для их выражения, не сопровождается их резкой семантической противопоставленностью друг другу. Эти формы находятся в синонимических отношениях между собой и в большинстве случаев различаются лишь стилистически и достаточно тонкими семантическими оттенками.

§ 89. Обстоятельства цели. Обстоятельства цели служат для обозначения цели действия. Грамматическими средствами их выражения могут быть предложно-падежные формы существительных, инфинитив, наречия (чаще всего местоименные — *зачем, зачем-то*) и изредка деепричастия. См., например: *...старик этим занимался изо дня в день, заготавливая дрова **на зиму**, может быть, и **для продажи**...* (Пришвин); *А тем временем Козицын... полетит в лагерь **за помощью*** (Нагибин); *Правда, **в целях конспирации** Бакунин нигде не называет его [Г. Толстого] по фамилии...* (К. Чуковский); ***Ради борьбы с шумом** здесь пошли в свое время на значительные расходы* (Чивилихин); *Но нельзя забыть и то, что сделал этот даровитейший сын русского народа [Шаляпин] **во славу** родного **искусства*** (Никулин); *Ввоз этих товаров позволяет шире использовать международное разделение труда **в интересах развития нашей страны*** (Из газет); *С главным инженером мы пошли **осматривать** станцию* (Из газет); *Рощин поднял воротник шинели, **загораживаясь от ветра*** (А.Н. Толстой) и под.

Среди предлогов для выражения целевых отношений служат непроизводные предлоги: *для* (основной), *за, к, на, в, под* и ряд производных: *в целях, с целью, в интересах, ради, во имя, во славу* (см. выше). Все производные предлоги в силу их книжного характера используются ограниченно. Употребление непроизводных предлогов *за, к, на, в, под* встречается лишь в определенных контекстах.

Например, *за* используется при обозначении объектов, «получение» которых является целью действия (*ходил за водой, пошел за разрешением* и под.).

Употребительным средством выражения цели является инфинитив. Но и его использование ограничено определенными рамками, так как он обозначает обычно только цель движения (подробнее см. выше, § 46).

§ 90. Обстоятельства условия. Обстоятельства условия выражают условия, наличие которых может вызвать определенное следствие. См.: *Только при условии наступления на Царицын можно говорить об установлении единого командования* (Шолохов); *Общим советом было решено идти на фронт, в случае попыток задержания — сражаться* (Шолохов); *...в такой короткий срок обнять и поднять столь великую тягу, которую поднял рабочий класс, — это можно только при какой-то удивительной талантливости* (Горький); *Присутствие человека в космосе невозможно без создания систем обеспечения жизнедеятельности, без усложнения космического аппарата* (Из газет); *Не зная истории культуры, невозможно быть культурным человеком...* (Горький).

Круг грамматических форм, выражающих обстоятельства условия, неширок. Структурный костяк этих (часто распространенных) обстоятельств составляют или отвлеченные существительные с предлогами *при, без, при условии, в случае*, или деепричастия. В силу своей книжности обстоятельства условия малоупотребительны.

§ 91. Обстоятельства уступки. С помощью обстоятельств уступки обозначаются явления, препятствующие или не соответствующие действиям или состояниям, о которых сообщается в предикативной основе предложения. При наличии этих обстоятельств факты, передаваемые в остальной части предложения, осмысливаются как такие, которые наблюдаются вопреки «уступающим» им обстоятельствам. См.: *...несмотря на протестующие*

возгласы Марины, [агроном] вошла в кабинет директора (Нагибин); ...Слепцов, **несмотря на болезнь**, не прекращал интенсивной творческой работы (К. Чуковский); Часто **вопреки деревенскому обычаю** рано ложиться спать разговоры шли до полуночи (Песков); **И при всей доброте** своей Светлов был очень строгим (Долматовский); ...**против всех** своих **правил**, он заплатил ей в тот же день... (Никулин); Воины, как говорил Юлий Цезарь, **даже бездействуя**, бывают ужасны врагам (Паустовский) и т.д.

Чаще всего обстоятельства уступки выражаются существительным с производным предлогом *несмотря на*. Кроме этого предлога, в их составе могут употребляться (в большинстве тоже производные) предлоги: *при* — в специфическом сочетании *при всем...*, *при всей...*; *вопреки*; *независимо от*; изредка — *невзирая на*; *против*. Иногда используются деепричастия.

Предложения с обстоятельствами уступки как бы противоположны предложениям с обстоятельствами причины, передающими естественное соответствие между явлениями. Ср. с приведенными выше примерами: **Из-за протестующих возгласов** Марины она не решилась войти в кабинет; **Из-за болезни** он вынужден был прекратить работу и под.

§ 92. Обстоятельства образа действия. Обстоятельства образа действия подчинены глаголу и выражают качественную характеристику действия или способ осуществления действия — «образ действия». В обоих случаях к ним применим вопрос *как?*; см.: а) **работали хорошо (быстро, дружно, с удовольствием, без напряжения)**; б) **работали вдвоем (поочередно, вместе, вручную, попеременно, по договору, на хозрасчетных началах)**. Как и обстоятельства степени, которые будут рассмотрены ниже, обстоятельства образа действия отличаются от других разрядов обстоятельств тем, что семантически они

обычно тесно связаны с одним определенным словом предложения и не могут выступать в роли детерминантов. Выражая разнообразные признаки действия, по функциям они сходны с определениями, и при отглагольных существительных им соответствуют определения; например, при слове *работа*: *дружная, напряженная, посменная, совместная, договорная* и т.д.

Обстоятельства образа действия могут выражаться наречиями, предложно-падежными и падежными формами существительных и деепричастиями: *Лошади шли бодро...* (А.Н. Толстой); *Сын ее... глядел исподлобья на Никиту* (А.Н. Толстой); *За ночь на деревьях еще гуще лег иней* (А.Н. Толстой); *Говорит она сейчас свободно, без одышки...* (Почивалин); *Иногда почти комаром гудит невидимый... самолет* (Песков); *И кончанские с криком и свистом посыпались с сугроба* (А.Н. Толстой); *Высунув кончик языка, Никита писал...* (А.Н. Толстой). Основным способом выражения являются наречия. Наиболее употребительными формами существительных при выражении обстоятельств образа действия являются: твор. пад. без предлога — *вошли стайкой, сказала тоненьким голосом, приехала автобусом*; *с* + твор. пад. (при обозначении признака по сопровождающему действию или состоянию) — *с тревогой вслушивалась, говорил с раздражением, сказал со вздохом*; форма *в* + предл. пад., синонимичная форме *с* + твор. пад. в случаях обозначения сопровождающего эмоционального состояния, — *в тревоге вслушивалась, в недоумении спросил* и т.д.; форма *без* + род. пад., антонимичная формам *с* + твор. пад. и *в* + предл. пад., — *говорил уже без раздражения, посмотрела без удивления, спросила без улыбки*.

При обозначении сопровождающего действия или состояния в языке наблюдаются широкие возможности синонимического выражения: *мчались с криком и свистом — крича и свистя; смотрел с недоумением — в недоумении, недоуменно, недоумеая*.

§ 93. Обстоятельства степени. Обстоятельства степени обозначают степень проявления признака. В соответствии с этим они могут подчиняться прилагательным, наречиям, словам категории состояния и глаголу, т.е. словам тех частей речи, которые обозначают признак, в том числе — процессуальный, передаваемый глаголом:

<i>бледный</i>	<i>поздний</i>	→ <i>очень, немного</i>
<i>бледно</i>	<i>поздно</i>	
<i>побледнел</i>	<i>опоздал</i>	

См., например: ...*Аркадий Иванович был **чрезмерно** весел, отвечал невпопад...* (А.Н. Толстой); Было **необыкновенно** тихо... (А.Н. Толстой); ... *ему **страшно** хочется спать* (А.Н. Толстой); *Игра шла вяло и вскоре **совсем** затухла* (Астафьев); ...*в уши, в волосы и глаза набилось пересохшее **до горечи** сено* (А.Н. Толстой); *Никита засмеялся, слез со скамейки и потащил ее в гору, увязая **по колено*** (А.Н. Толстой).

Главным средством выражения обстоятельств степени являются наречия; иногда употребляются предложно-падежные формы существительных, в первую очередь — **до** + род. пад. (примеры см. выше). В некоторых случаях используются числовые компоненты — для прямого количественного измерения: *ездил **три раза**, увеличился **вдвое, на пять лет** старше*. Количественные отношения подобными обстоятельствами выражаются не всегда буквально. Часто они экспрессивно (гиперболически) выражают просто большую степень: ***в тысячу раз** умнее, **двадцать раз** говорил*.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОСЛОЖНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Однородные члены предложения

§ 94. Общая характеристика. Однородные члены — это совокупность членов предложения, представляющих собой перечень названий одноплановых в том или ином отношении предметов или явлений. Употребляются они, когда в предложении должны быть названы два или несколько субъектов или объектов одного и того же действия, два или несколько признаков одного и того же субъекта и т.д. Слова, входящие в такой перечень, выполняют одинаковые семантико-грамматические функции и составляют сочинительное словосочетание.

Одинаковая синтаксическая роль однородных членов чаще всего обуславливает их одинаковое грамматическое выражение — употребление в одинаковых грамматических формах. Однако эта особенность не является обязательной: чем больше разных способов допускается при выражении определенного члена предложения, тем вероятнее возможность разного грамматического оформления соответствующих однородных членов. Наиболее последовательно одинаковое грамматическое оформление выдерживается в ряду однородных подлежащих и дополнений. В ряду однородных определений, сказуемых и обстоятельств различия в формах выражения встречаются чаще и могут быть достаточно резкими. См.: *...Устроился за столом без клеенки, но чистом и гладком, в паутине мелких полосок* (Астафьев); *Небо, отбеленное по краям, было тихое, ясное, неназойливо голубело* (Астафьев); *А между тем пришелец [олень] двигался к возжаку нетороп-*

ливо, с достоинством, трубя громко, с перерывами (Астафьев) и под.

Однородность грамматических и семантических функций получает выражение и в лексическом составе однородных членов предложения. Обозначаемые однородными членами явления обычно представляют собой явления в каком-либо отношении одноплановые. Резкое нарушение этой одноплановости воспринимается как аномалия, которая может намеренно использоваться в стилистических целях, см.: *Не спали только Маша, отопление и зима* (Паустовский); *Когда мороз и матушка позволяли высовывать нос из дома, Никита уходил бродить по двору один* (А.Н. Толстой). В то же время сказуемые и определения допускают и семантическую неоднородность. См., например: *Один — пожилой, с поднятыми вверх внешними углами глаз, с кустистой бородкой, разговорчивый, смеющийся и любопытный* (Казаков). Подобные ряды используются в связи с потребностью в сжатой, но разносторонней характеристике лица или предмета.

В грамматическом объединении однородных членов участвуют сочинительные союзы и перечислительная интонация, характеризующаяся одинаковой высотой тона при произнесении каждого из однородных членов, примерно одинаковой силой ударений и в большинстве случаев — паузами между однородными членами. Использование конкретного способа объединения зависит от характера передаваемых смысловых отношений. Основные различия связаны здесь с передачей так называемых соединительных, противительных и раздельных отношений. За выражением каждого из этих типов отношений закреплен свой круг союзов; бессоюзное объединение (только при помощи интонации) наблюдается почти исключительно при соединительной связи. Ср., например:

Соединительные отношения	Разделительные отношения	Противительные отношения
<i>Возьми куртку и плащ.</i>	<i>Возьми куртку или плащ.</i>	<i>Возьми куртку, а не плащ.</i>
<i>Возьми куртку, плащ. Возьми и куртку, и плащ.</i>	<i>Возьми или куртку, или плащ.</i>	<i>Возьми плащ, а не куртку.</i>
<i>Дни были солнечные, морозные.</i>	<i>Дни были то солнечные, то пасмурные.</i>	<i>Дни были солнечные, но холодные.</i>

§ 95. Соединительные отношения между однородными членами. При соединительных отношениях однородные члены обозначают такие предметы и явления, которые в выражаемой ситуации чем-либо объединены между собой.

При передаче соединительных отношений употребляются: а) бессоюзное соединение однородных членов; б) одиночный союз **и** (изредка — **да**); в) повторяющиеся союзы **и** — **и** и **ни** — **ни**, совмещающие функции союза и усиительной частицы; г) попарное объединение однородных членов союзом **и**. Каждый способ объединения служит для передачи тех или иных частных значений или хотя бы определенных стилистических оттенков.

Так, употребление перед последним из однородных членов одиночного союза **и** подчеркивает завершенность перечня. Поэтому обычное его использование требует достаточно строгого и исчерпывающего перечисления. См., например: *Воронов опорожнил свой рюкзак, оставив лишь самое необходимое: хлеб, масло, консервы, термос с крепким чаем, запасные носки и одеяло* (Нагибин). При бессоюзном объединении этот элемент значения остается невыраженным, и перечень может быть как исчерпывающим, так и неполным. Возможность неполноты может использоваться для «выборочного», примерного перечисления деталей, по которым собеседник или читатель способен (как в тексте с номинативными предложениями)

воссоздать общую картину многообразия наблюдаемых явлений. См.: ...я слушаю и смотрю вокруг — **на лица, на одежду, на койки, на трап, на потолочные иллюминаторы**, стараясь все запомнить... (Казаков); Так каждый раз приходил ко мне Архангельск на короткий миг **морским причалом, бортом парохода, громом лебедек, зевами трюмов, прощальной суетой на палубе, прощальным же долгим гудком** (Казаков).

Союзы **и** — **и** и **ни** — **ни**, повторяющиеся перед каждым однородным членом, передают значение исчерпывающего (для данной ситуации) охвата предметов и явлений описываемыми связями. Это значение передается (при том — экспрессивно) уже самим повторением союза. В силу этого непосредственный перечень предметов и явлений может быть как исчерпывающим, так и неполным, лишь ориентировочным: *Какие драгоценные мемуары мог бы оставить этот счастливец, встречавшийся **и с Гоголем, и с Сергеем Аксаковым, и с Бакуниным, и с Николаем Языковым, и с Достоевским, и с великим множеством других выдающихся деятелей**...* (К. Чуковский); *И не слышала она уже **ни шороха листьев над головой, ни птичьего перезвона**...* (Астафьев) и т.д. Повторение союза **и** не перед всеми однородными членами тоже передает значение широкого охвата предметов и явлений, а кроме того, выражает еще и присоединительный оттенок, связанный как бы с постепенным припоминанием деталей: *А во дворах **трава, и колодцы, и старые ивы, и мостки, и сараи**...* (Казаков, многоточие автора); *Была в этой руке **тишина, и защита, и материнская нежность, и обещание жизни*** (Панова). Попарное объединение однородных членов союзом **и** подчеркивает широкий охват многообразных явлений: *...**зимой и летом, в морозы и дожди** носила и возила почту* (Казаков); *Цыганская речь необычайно богата оттенками иронии: **злыми и добрыми, насмешливыми и удивленными, задабривающими***

и угрожающими, просящими и повелительными (Нагибин).

§ 96. Противительные отношения между однородными членами. Противительные отношения в ряду однородных членов имеют две основные разновидности. Один вид противопоставления основывается на утверждении одних связей и отрицании других. Группа однородных членов делится в таких случаях на две части: по отношению к одной выявляемая связь утверждается, по отношению к другой отрицается: *...В Порт-Артуре был побежден **не русский солдат, не великий наш народ, а прогнивший царский строй*** (Павленко). Это так называемое отрицательное противопоставление. Оно выражается союзом **а** (с обязательным употреблением частицы **не**) и может использоваться по отношению к любой группе явлений.

Другой вид противопоставления — противопоставление явлений на основе их известного несоответствия друг другу. Такое противопоставление используется только при обозначении признака или действия: *И одежда была на нем легкая, **но теплая**...* (Астафьев); *Он волновался, **но сдерживал себя*** (Астафьев). Как и при соединительных отношениях, речь идет в таких случаях о явлениях, которые реально совмещаются друг с другом. Однако при соединительной связи указывается на обычное, закономерное совмещение явлений, а при противительной подчеркивается их «дисгармония». Ср., например: *...а еще дальше море — **пустынное, синее и спокойное*** (Казаков) — *...справа море — **сумрачное, холодное, но спокойное*** (Казаков). Главным средством выражения такого несоответствия является союз **но**, возможны также союзы **однако, а, зато, хотя**.

§ 97. Разделительные отношения между однородными членами. При разделительных отношениях в ряду однородных членов выражается или чередование обозначаемых явлений (*И то победная музыка звучала в его ушах,*

то скорбные хоры реквиема — Чехов), или возможность выбора одного или нескольких из них. Выражение возможности выбора чаще всего связано с тем, что обозначаемые явления оцениваются говорящими как равнозначные для передаваемой ситуации. См. выше: *Возьми куртку или плащ*, а также предложения более абстрактного содержания, в которых речь идет не об одной конкретной ситуации, а об определенных типах ситуаций, например: *...новая мысль или картина появляются внезапно, как бы прорываются на поверхность из глубины сознания* (Паустовский); *...музыкант или певец действует сразу на тысячи* (Чехов); *Как радовал сердце редкий обоз, караван или одинокий путник* (Павленко); *Вот между деревьев крадется дорога или тропинка и исчезает в лесных сумерках* (Чехов) и т.д.

В некоторых случаях выражение возможности выбора связано с известной неясностью и сложностью того явления, которое характеризуется с помощью однородных членов: *...мать смотрит на него не то насмешливо, не то осуждающе...* (Астафьев); *...может, оттого и казался Андрей Жгутлов, мужчина крупный и статный, ...то ли робким, то ли смиренным* (Нагибин).

Для выражения разделительных отношений используются: а) союзы *или* и *либо* — одиночные и повторяющиеся¹; б) повторяющийся союз *то — то*; в) повторяющиеся союзы *не то — не то* и *то ли — то ли*. При этом союз *то — то* закреплен только за обозначением чередующихся явлений; *не то — не то* — за обозначением явлений неясных; *или* может употребляться при выражении всех разновидностей разделительных отношений.

§ 98. Употребление двойных сопоставительных союзов. Однородные члены могут объединяться с помощью

¹ Вместо повторяющегося *или* — *или* при выражении вопроса (прямого или косвенного) иногда используется сочетание *ли — или*: *Не расслышал ли он или не захотел ответить?*

двойных союзов *не только — но и*, *не столько — сколько*, *если не — то*, *не то чтобы — а*, *не то что — а*, *как — так и* и под. См., например: [и мы поняли, что] *сделанное нами важно не только для нашей части, нашего полка, дивизии, но и для всего фронта...* (Нагибин); [«Местный!»] *...он всегда произносил если не с гордостью, то все же не без хорошего чувства* (Нагибин); [Анна Тихоновна] *...уловила не столько слухом, сколько навыком чувствовать его состояния, что он [муж] ее одобряет* (Федин) и т.д.

Ряды однородных членов с этими союзами могут выражать отношения, сближающиеся то с соединительными, то с разделительными, то с противительными (например, *как студенты, так и преподаватели; не только студенты, но и преподаватели* = «студенты и преподаватели»; *если не испугался, то растерялся* = «или испугался, или растерялся»; *не то чтобы испугался, а растерялся* = «не испугался, а растерялся» и под.). Однако сходство это лишь приблизительное, и грамматическая семантика однородных членов с двойными союзами имеет отчетливо выраженную специфику. Явления, обозначаемые однородными членами, здесь подчеркнуто *с о п о с т а в л я ю т - с я* друг с другом (что и дает основание называть рассматриваемые союзы сопоставительными). При этом с помощью союза *как — так и* выражается равноценность этих явлений в устанавливаемых связях. Остальные союзы призваны указывать на большую важность второй части перечисления, т.е. на возрастание коммуникативной значимости в ряду однородных членов. В связи с этим они именуются *г р а д а ц и о н н ы м и* союзами. Каждый из таких союзов передает большую важность второй части по-своему, в соответствии со своим индивидуальным грамматическим значением. Например, при употреблении союза *не только — но и* в первой части ряда однородных членов выражается содержание более очевидное, а во вто-

рой — такое, которое почему-либо является неожиданным, требует специального выявления и потому коммуникативно более важно. Союзы *не столько — сколько, если не — то, не то чтобы — а*, хотя и с разными оттенками, все указывают, что оценка, выражаемая во второй части перечисления, представляется говорящему более вероятной и объективной.

§ 99. Обобщающие слова при однородных членах предложения. В случаях соединительных (и изредка — разделительных) отношений между однородными членами в предложение могут включаться так называемые обобщающие слова, стоящие либо перед однородными членами, либо после них. Обобщающие слова представляют собой или существительное (реже — другое знаменательное слово), обозначающее общий тип перечисляемых предметов и явлений, или местоимение — *все, многие, никто; всё, многое, ничто* и под. Например: *В ночной темноте проплывают мимо деревни и села: **Васильевка, Кучино, Глухово, Анциферово, Нежерово, Борисово, Шуново, Зельники...*** (Солоухин); *Лиственные деревья: **осины, ольха, березки** — еще голы...* (Солоухин); *Шатерников был очень красив: **выше среднего роста, широкоплечий, с узкими бедрами*** (Нагибин); *Стога сена, копны, дерево, растущее поодаль, перелесок, шалаиш старика — всё виднелось особенно выпукло, ярко...* (Солоухин); *Мне все перешивают с т а р о е: **то юбку, то фартук...*** (Астафьев).

Обобщающее слово-существительное показывает, какое общее логическое основание заложено в перечислении, и выражает таким образом как бы общую тему перечня. Обобщающее слово-местоимение подчеркивает значения широкого или даже полного охвата предметов и явлений, тем самым нередко обеспечивая возможность не давать их буквальный, исчерпывающий перечень. См., например: *Теперь летают в с е: **старые, молодые, сту-***

денты, школьники, отпускники, курортники (Песков). Показательно, что при наличии обобщающих местоимений чаще всего используется или бессоюзное соединение однородных членов, или повторяющиеся союзы *и — и, ни — ни*, т.е. типы связи, которые, как уже говорилось, не предполагают обязательной законченности перечня. Аналогичными особенностями характеризуются обобщающие компоненты типа: *многие события, разные вещи, разнообразные чувства* и т.д. Например: *Подножие дуба приютило еще многих постояльцев: жуков, ящериц, козляков* (Нагибин).

Употребление любого обобщающего слова подчеркивает группу однородных членов и в смысловом, и в грамматическом отношении.

§ 100. Вопрос об однородности-неоднородности определений. Как уже говорилось, в ряду однородных определений и сказуемых допускается перечисление неопланированных признаков. Но если постпозитивные определения (как и сказуемые) грамматически всегда однородны, независимо от своей семантической одноплановости или разноплановости, то препозитивные согласованные определения могут быть как однородными, так и неоднородными. И вопрос об условиях, определяющих их грамматическую однородность или неоднородность, является вопросом достаточно сложным.

Однородные и неоднородные препозитивные определения различаются своим отношением к определяемому существительному.

Каждое из однородных определений поясняет непосредственно определяемое существительное. Например, сочетание *кожаные, коленкоровые переплеты* складывается как бы из двух равноправных словосочетаний: *кожаные* ← *переплеты* + *коленкоровые* ← *переплеты*.

В словосочетании с неоднородными определениями непосредственно с существительным связано только бли-

жайшее к нему определение; более отдаленное характеризует в целом сочетание существительного с ближайшим определением. Например, сложное словосочетание *серый коленкорový переплет* включает в свой состав простое словосочетание *коленкорový переплет*, а это сочетание в целом определяется прилагательным *серый*: *серый* < *коленкорový переплет*. В словосочетании *тисненый серый коленкорový переплет* смысловая и грамматическая зависимость имеет три ступени неравноправного подчинения определений: *коленкорový* ← *переплет*, *серый* ← *коленкорový переплет* и *тисненый* ← *серый коленкорový переплет*.

Эти различия семантико-грамматических отношений не отражаются на форме определений (как однородные так и неоднородные определения согласуются с определяемым существительным), но получают грамматическое выражение в структуре всего сложного словосочетания — в его интонационном оформлении и в порядке слов. В группах с неоднородными определениями невозможна интонация перечисления, ср.: *большие фруктовые сады* и *фруктовые, ягодные сады*. В них более жесткий, чем в группах с однородными определениями, порядок слов.

Своеобразие отношений грамматической зависимости в словосочетаниях с однородными и неоднородными определениями в одних случаях вытекает из лексической семантики определений, в других — отражает влияние сложных коммуникативно-семантических факторов.

Так, и общий характер семантико-грамматических отношений в группах с неоднородными определениями, и устойчивость в них порядка слов объясняют тем, что в типичных случаях при неоднородности определение, ближайшее к определяемому слову, выражает постоянный отличительный признак предмета и потому оно вместе с существительным входит в развернутое обозначение самого предмета. В силу этого «отрывает» его от существитель-

ного или совсем невозможен, или меняет характер смысловых отношений. См., например: *новый кожаный портфель, прекрасный фруктовый сад, огромные заводские корпуса, просторный зрительный зал, удобный рабочий стол, московские технические вузы* и т.д. Выразителем отличительного признака предмета чаще всего является относительное прилагательное. Поэтому в словосочетании, включающем качественное и относительное прилагательные, обычно наблюдается неоднородность определений и относительное прилагательное стоит непосредственно перед существительным. Аналогичные отношения могут быть и в сочетании с двумя качественными прилагательными, но они гораздо менее устойчивы, и то, какое из прилагательных ставится в непосредственную связь с существительным, зависит обычно только от коммуникативных задач высказывания, ср.: *новый черный портфель — черный новый портфель; большой старый сад — старый большой сад* и под. Неоднородность в подобных случаях необязательна. Если ни одно из качественных прилагательных не способно к роли выразителя дифференцирующего признака предмета, то использование их в качестве неоднородных невозможно, хотя в пунктуационной практике это не получает последовательного отражения. См.: *просторный, удобный зал; большие, красивые корпуса*.

Словосочетания с грамматически однородными определениями семантически очень разнообразны.

Один из типов составляют такие, в которых с помощью определений обозначаются разновидности предметов, различающихся в каком-либо одном отношении: по цвету, назначению, материалу, географическому положению и т.д. Например: *Белые, синие и голубые изразцы* ковром покрывают полукруглые толстые жгуты... (Бродский); *Во внутреннем корпусе были литейная, кузнечная, канатная и другие мастерские* (Бродский); *Стены источали зеленое, красное, синее мерцание...*

(Нагибин). Однородность определений в таких группах строго обязательна. Именно такие определения либо включают, либо допускают включение союза **и**.

Однако в речевой (обычно — художественной) практике чаще встречаются такие однородные определения, которые характеризуют один и тот же предмет или единую группу предметов.

Наиболее распространены среди них определения, семантически или стилистически дополняющие друг друга. Это могут быть определения-синонимы (однородность которых обязательна). Они выражают, по существу, один признак и представляют собой перечень названий, как бы постепенно подбираемых говорящим для наиболее полного обозначения данного признака: *В кабину пахло резкой, пронизывающей студью* (Нагибин); *Густой, плотный туман окутал землю* (Нагибин); *...и каждый раз показывался он [Архангельск] мне своей новой, незнакомой стороной...* (Казаков). Это могут быть также определения, которые обозначают признаки разные, но часто и естественно сопровождающие друг друга, типа *темные, низкие облака; молодой, здоровый организм* и под. Например: *Шатерников в одиночестве сидел на куче черной, прошлогодней соломы...* (Нагибин); *Он положил мне на плечи большие, сильные руки* (Нагибин); *Попила из кружки невкусного, теплого чаю, посидела в задумчивости...* (Кожухова); *...среди них начальник четверки, пожилой, седоголовый инженер* (Нагибин); *Стадо оленей застыло в робком, растерянном ожидании* (Астафьев).

Особую разновидность однородных определений составляют определения, семантически близкие к сочетаниям с уточняющими обособленными определениями: *Молча протянул для пожатья левую, здоровую руку* (Симонov); *Тогда потребуется лишь последний, сильнейший рывок, и машина одолеет подъем* (Нагибин); *...позднее, от недостатков самой Марьи Васильевны, появилась в доме*

вторая, новенькая швейная машина... (Нагибин) и под. Эти определения тоже взаимно дополняют друг друга и на равных правах характеризуют определяемый предмет. Сочетания с такими определениями резко отличаются по смыслу от сочетаний с определениями неоднородными. Например, сочетание *вторая, новенькая швейная машина* предполагает, что новой была только вторая швейная машина; сочетание *вторая новенькая швейная машина* указывает на наличие двух новых швейных машин.

Особняком стоят случаи однородности таких определений, которые между собой семантически не связаны, например: *Живу я у старой, высокой, сухопарой женщины* (Казаков); *...лес, словно форпост, выставил вперед себя небольшую, пушистую сосенку* (Нагибин); *...открылось большое, неправдоподобно гладкое, розовое под зарею озеро* (Казаков) и под. Эти случаи встречаются исключительно в описательных текстах художественных произведений, где с помощью однородных определений подчеркивается каждая отдельная деталь описания. Достигается это благодаря грамматической равноправности однородных определений. Однородность таких определений может быть обязательной, так как ближайшее к существительному определение не всегда способно служить для обозначения разновидности предмета. Особенно устойчиво употребляются как однородные те из семантически не связанных между собой определений, среди которых есть распространенные. См., например: *Прекрасны огромные, выглаженные снегами и водой камни по берегам этих тундровых рек* (Казаков); *Ее [тропинку] прорезал неглубокий, усеянный камнями желоб...* (Нагибин); *...в широкой щели показалась маленькая, иссеченная белыми травяными порезами нога в сандали...* (Нагибин).

Обособление второстепенных членов предложения

§ 101. Общая характеристика. Обособленными называются второстепенные члены предложения, которым свойственны полупредикативная функция или часто совмещающаяся с ней функция дополнительной характеристики. Обе эти функции обуславливают повышенный смысловой вес и большую самостоятельность обособленных членов предложения по сравнению с необособленными, что получает выражение в их интонационном или пунктуационном выделении.

Полупредикативная функция — это функция добавочного утверждения каких-либо признаков ситуации — признаков менее важных (с точки зрения говорящего) по сравнению с теми, которые выражаются сказуемым. Особенно наглядно эта функция проявляется в случаях, когда в силу своих грамматических особенностей или лексического значения обособленный второстепенный член легко трансформируется в сказуемое (того же предложения или отдельной предикативной единицы — самостоятельного предложения, придаточного или вставного). Ср., например:

Приехав летом к родным в Архангельск на каникулы, Пинегин — тогда студент Академии художеств — отправился оттуда на Мурман (Бражнин).

И вдруг с черного хода появился Кондратий, в пыли, хмурый... (А.Н. Толстой).

*Пинегин **приехал** летом к родным на каникулы в Архангельск (он **был** тогда студентом Академии художеств) и оттуда отправился на Мурман.*

*И вдруг с черного хода появился Кондратий. Он **был в пыли, хмурый.***

И т.д.

У обособленных постпозитивных определений и приложений (примеры см. выше) полупредикативная функция совмещается с функцией дополнительной характеристики предмета и явления. У обособленных уточняющих обстоятельств и определений функция дополнительной характеристики (места, времени и т.д.) является единственной функцией обособления. См.: *Огонь освещал **наверху, на насыпи**, товарные составы* (А.Н. Толстой); *В это время **с острова, из густых тальников**, закричали голоса: «Стой! Стой! Куда вы идете?»* (А.Н. Толстой); *Дикие важеньки еще **долго, до самой темноты**, напугали зрение и нюх...* (Астафьев); *За столом сидел солдат с перевязанной грудью **в хромовых, не по чину**, сапогах* (Астафьев); *...ждала **домашняя, по-черному**, баня...* (Почивалин) и т.д.

Но в широком понимании даже и этим обособленным членам предложения присущ элемент полупредикативности — дополнительного утверждения, что обнаруживается в возможной иногда замене их придаточными или вставными предложениями. Ср.: *с острова — оттуда, где были густые тальники; долго, пока не наступила темнота; в хромовых, какие не полагаются по чину, сапогах* и под. Функция дополнительной характеристики, обнаруживающая специальное внимание говорящего к такой характеристике, обуславливает коммуникативную акцентировку обособленного члена предложения.

Коммуникативно-семантические особенности обособленных членов предложения ярко проявляются в той совокупности условий, в которых может или, наоборот, не может наблюдаться обособление, так как способность к обособлению определяется тем, обладает ли второстепенный член теми свойствами, которые характерны для обособленного члена предложения.

1. Большая, чем у необособленных второстепенных членов, коммуникативно-семантическая с а м о с т о я -

тельность (вытекающая как из полупредикативной функции обособленных членов предложения, так и из функции дополнительной характеристики) получает отражение в том, что самым общим и самым обязательным условием возможности обособления является отсутствие тесной связи второстепенного члена с главным словом.

Прежде всего это проявляется в том, что обособление допускают только «факультативные» члены предложения — такие, которые не являются необходимыми при главном слове, — определения, приложения, обстоятельства. Дополнения, чаще всего выступающие в роли обязательного члена предложения, тесно связанного с главным словом, обособлению не подвергаются. Часто не обособляются и другие члены предложения, если они обязательны, т.е. связаны с передачей основного, а не дополнительного содержания. Например, не обособляются определения, без которых существительное неспособно полноценно обозначить субъект действия, его объект или обстоятельство. См., например: *Воспитанием молодежи должны заниматься люди безукоризненно честные и самоотверженные; Вернулась она с выражением лукавым и торжествующим.*

В силу той же закономерности потенциальная способность к обособлению реализуется, как правило, только в условиях, которые дополнительно способствуют ослаблению связи с главным словом и усилению смысловой значимости самого второстепенного члена. К этим условиям относятся: а) «отрыв» от главного слова при дистантном положении по отношению к нему, см.: *Переполненные людьми, неслись грузовики* (Федин); *В ложине, у солончакового озера, кричали чибисы — жалобно, пустынно* (А.Н. Толстой); б) инверсия: *Иногда мне представляется городок, старый и тихий, на берегу моря...* (А.Н. Толстой); в) распространенность (способствующая превраще-

нию второстепенного члена в центр отдельного, относительно замкнутого грамматического единства) или наличие двух или нескольких однородных второстепенных членов; г) появление «побочных» смысловых связей, когда второстепенный член поясняет не только то слово, которому непосредственно подчинен, но и какой-либо другой член предложения. Например, в предложении **Подкупленный ласковым обращением, Мишатка охотно сообщил:** «Он всеми казаками командует» (Шолохов) определение семантически связано не только с подлежащим, но и со сказуемым — почему охотно сообщил?

2. Благодаря функции дополнительной характеристики, свойственной многим обособленным членам предложения, обособление часто наблюдается в постпозиции по отношению к поясняемому слову.

3. Связь обособления с выражением полупредикативности выявляется в том, что в роли обособленных членов в большинстве случаев выступают либо определения и приложения (которые выражены словами, способными употребляться в предикативной функции, и обозначают, как и именное сказуемое двусоставного предложения, признак предмета), либо второстепенные члены, выраженные деепричастиями, у которых грамматическое значение добавочного, второстепенного действия находится в прямом соответствии с полупредикативной функцией. Показательно также, что среди препозитивных определений и приложений способностью к обособлению обычно обладают (при ряде дополнительных смысловых условий) только те, которые относятся к подлежащему и в соответствии с этим могут играть при нем роль «второстепенного сказуемого». См., например: **Натуралист и испытатель, Борисов написал необычайную по свежести книгу...** (Лидин), ср.: **Борисов — натуралист и испытатель. Он написал необычайную по свежес-**

сти книгу; **Привлеченные глухим рокотом мотора, детишки, бабы и старики выбежали из куреней...** (Шолохов); ср.: *Детишки, бабы и старики были привлечены рокотом мотора и выбежали из куреней.* (Полупредикативная функция подобных приложений и определений подтверждается возможностью их синонимического взаимодействия с оборотами, включающими деепричастную связку *будучи*, специализировавшуюся, как и всякое деепричастие, для выражения полупредикативных отношений, ср., например: **Будучи натуралистом и испытателем, Борисов написал необычайную по свежести книгу.**) Среди частных проявлений полупредикативных свойств обособленных оборотов следует указать также на то, что в роли обособленного определения в поэтической речи могут выступать краткие прилагательные и причастия, т.е. специфически предикативные словоформы, которые неспособны употребляться в роли обычного определения. Например: **Пьяна от весеннего шума, / Душа небывалым полна...** (Блок); **И над миром, холодом скован, / Пролился звонко-синий час** (Блок).

Общие условия, определяющие тенденцию к обособлению, у разных членов предложения проявляются по-разному, и ниже будут рассмотрены особенности в обособлении отдельных второстепенных членов.

Обособление определений

§ 102. Обособление согласованных определений.

Полупредикативная функция у обособленных согласованных определений в большинстве случаев совмещается с функцией дополнительной характеристики предмета. Поэтому в первую очередь обособлению подвергаются постпозитивные определения. Препозитивные определения обособляются редко и чаще всего вообще неспособны к обособлению. Ср., например:

Первыми появились птицы, **мокрые, нахохленные...** (Астафьев).

Сотня снарядов, **выгруженных с парохода**, рядками уложена около пушек (А.Н. Толстой).

Пустынная река была сначала, затем показались далекие берега, **поросшие елью** (Казаков).

Долго стоял он, облокотясь на перила паромы, и глядел на мальков, **суетящихся в воде** (Астафьев).

Из камней выскочил **мокрый, тощий** зайчишка, присел и огляделся с недоверием (Астафьев).

Мимо кургана прошли только что **сгруженные с парохода** тяжелые гаубицы... (А.Н. Толстой).

...затем начались **заросшие осокой и камышом** заводи (Нагибин).

Собака, должно быть, видела **схватившуюся за сук белку**... (Астафьев).

Обособление постпозитивных определений обычно осуществляется в случаях, когда определительная группа не однословна и может образовать достаточно самостоятельное структурно-семантическое единство. Обособляются: 1) распространенные определения — а) причастие с зависящими от него словами (причастный оборот), б) прилагательное с зависящими от него словами; 2) группа одиночных (нераспространенных) **о д н о р о д н ы х** определений. Например:

1. а) Дневальный, **сидящий у двери на лавке**, тотчас встал (Кожухова); Огни гавани, **холодеющие в утреннем свету**, остались далеко позади... (А.Н. Толстой);

б) Был вечер, **на редкость теплый для этого времени года** (Симонов); **Ветер, все еще сильный**, дул теперь с востока... (А.Н. Толстой);

2. ...было начало ночи, **безлунной, теплой**... (Бондарев); Это была Даша, **худенькая, хрупкая, живая!** (А.Н. Тол-

стой); *Ей часто снился один и тот же сон: поле подсолнухов, **бесконечное, желтое, радостное*** (Астафьев).

В то же время распространенность постпозитивной определительной группы, обеспечивая возможность обособления, сама по себе не является условием обязательного обособления. Как уже говорилось, обособления не происходит, если определение выражает не дополнительный признак, а такой, без указания которого нельзя обозначить сам предмет или явление. См., например: *Случались **дела смешные, трогательные и трагические*** (Астафьев); *С районом у Самосуда сложились **отношения не то чтобы плохие, но выжидательные*** (Березко); *Он из Германии туманной / Привез учености плоды: / Вольнолюбивые мечты, / **Дух пылкий и довольно странный*** (Пушкин) и под.

В художественной речи в случаях поэтической инверсии не всегда реализуется и потенциально возможное обособление (при существительных, достаточно конкретных и без определения). См., например: *Не видно птиц. / По-корно чахнет / **Лес опустевший и больной*** (Бунин); ***Прелью сырой и пресной** дышал берег* (Шолохов); *И вдруг сидит передо мной / **Старушка дряхлая, седая*** (Пушкин) и под.

Оба этих случая отсутствия обособления еще раз подтверждают, что решающим условием для обособления постпозитивных определений является прямая установка на дополнительную полупредикативную характеристику предмета. Одним из частных факторов, способствующих реализации этой установки, является наличие определения перед определяемым словом: оно дает возможность использовать постпозитивное определение для дополнительной характеристики предмета. Ср. с приведенными выше предложения типа: *Случались **разные** события — смешные, трогательные и трагические; С районом у Самосуда сложились **неопределенные** отношения — не то чтобы плохие, но выжидательные*, где обособление

постпозитивных определений является не только возможным, но даже и обязательным.

Обособление препозитивных определений при существительном наблюдается только при некоторых особых условиях, в большинстве же случаев они не обособляются и не могут обособляться (примеры см. выше).

Способностью к обособлению обладают только препозитивные определения, относящиеся к подлежащему (если последнее стоит перед сказуемым), причем лишь в тех случаях, когда они семантически связаны не только с подлежащим, но и со сказуемым. Такая связь наблюдается у определений, выражающих состояние субъекта, которое в каком-либо отношении соответствует или не соответствует признаку или действию, выраженному сказуемым. При выражении соответствия у определений часто появляется обстоятельственный оттенок причины (реже — условия): ***Погруженный в свои мысли, Ракитин не заметил***, как остался один на дороге (Нагибин); ***Колеблемая волной, тень то укорачивалась, то удлинялась...*** (Нагибин); ***Разрозненная усталостью, огромная колонна нестройно растягивалась...*** (Бондарев). Выражение несоответствия сопровождается обстоятельственным оттенком уступительного значения: ***...окруженные с четырех сторон, повстанцы продолжали отбивать атаки...*** (Шолохов); ***Израненная и обмороженная, Лида все еще как-то держалась на нервах*** (Кожухова). Изредка встречается обособление определений, подчеркивающих состояние субъекта без установления какой-либо семантической связи со сказуемым: ***Желтый, исхудавший до неузнаваемости, Мишка сидел возле окна, докуривая папиросу*** (Шолохов); ***Закрытый одеялом, Давид Давидович лежал в постели навзничь*** (А.Н. Толстой). Выражение полупредикативности здесь выступает без каких-либо дополнительных семантических компонентов.

Обособление определений, выражающих состояние субъекта, используется автором далеко не всегда. См. при-

меры необособленных определений: **Утомленный** художник уснул (Паустовский); **Запущенная** недавним снегом дорога была почти не приметна... (Нагибин); ...**знобкая, противная** дрожь пронизывала до кончиков пальцев (Нагибин). Ср. возможные: **Утомленный**, художник уснул; **Запущенная** недавним снегом, дорога была почти не приметна и под. Ср. в сходных контекстах: **Удрученный** воспоминаниями Григорий прилег на траву (Шолохов) и **Потрясенная** нахлынувшими воспоминаниями, Наталья молча опустила на колени (Шолохов). Естественно, что наличие обособления повышает коммуникативную значимость определения, так как оно связано с выражением полупредикативной роли определения и подчеркивает его смысловую связь со сказуемым.

Обязательным является обособление только таких препозитивных определений, которые отделены от подлежащего сказуемым: **Неслышная** днем, вдруг обнаружила себя **Малая речка**, рассекающая село надвое (Астафьев); ...и, **застекленный** осенней прозрачно-зеленой лазурью, равнодушно шел к морю **Дон** (Шолохов); ...в стороне от чучела..., **маленький и важный**, сел **чирок** (Нагибин) и т.д.

Независимо от препозиции или постпозиции, а также от распространенности-нераспространенности, обязательно обособляются определения, относящиеся к личному местоимению: ...**изумленные**, мы подняли головы и расхохотались (Пришвин); ...**неподвижно** стоят три облака. **Озаренные** отражением от льдов, они нежны и лучезарны (Казаков); **Напряженная, но поборовшая** свое волнение, она слушала, опустив тяжелые веки (Федин) и т.д. Смысловые условия обособления здесь не отличаются от тех, которые вызывают обособление определений при существительном: с помощью обособления выражается полупредикативная функция определений, ср.: **Изумленные**, рабочие подняли головы и расхохотались

и под. Устойчивое обособление определений при личном местоимении объясняется тем, что местоимения могут сочетаться только с определениями, выполняющими полупредикативную функцию, обычные определения типа «невысокий он», «усталый он» при них невозможны.

Несколько особняком стоит обособление уточняющих определений (как согласованных, так и несогласованных). Конкретизируя предшествующее определение, они по отношению к этому определению выполняют функцию дополнительной характеристики, см.: *...жила у отца в новой, ей незнакомой, пустой квартире...* (А.Н. Толстой); *Иным, чудесно обновленным и обольстительным, предстал перед нею мир* (Шолохов); *У каждой, даже маленькой, речки есть на земле заслуги* (Песков); *...достал из чемодана галстук, купленный в Париже, свежую, тоже парижскую, рубашку* (Бондарев); *...Мимо побежали темные избы небольшой, в одну улицу, деревни* (Нагибин); *Впереди возникли полуразрушенные кирпичные корпуса старого, аракчеевских времен, военного городка Селищево* (Нагибин); *...не оборачиваясь, зашагала к дому по высокой, выше пояса, траве* (Нагибин). При употреблении уточняющих определений проявляется характерное для обособления ослабление связи с главным словом. Как и обычные определения, они сохраняют грамматическую зависимость от определяемого существительного и обозначают признак называемого им предмета. Но обособление, акцентируя их уточняющую роль по отношению к впереди стоящему определению, вызывает ослабление смысловой связи с определяемым существительным. Особенно резко это проявляется при отсутствии согласования (у определений несогласованных).

Следует заметить, что в большинстве случаев обособление согласованных определений является особенностью книжной речи. При этом конструкции с обособленными препозитивными, а также с однородными постпозитивными

ми определениями характеризуются поэтически приподнятой эмоциональной окрашенностью.

§ 103. Обособление несогласованных определений. Обособление несогласованных определений служит для выражения дополнительной характеристики предмета, чему способствует их обычная постпозиция по отношению к определяемому слову. См., например: *...отсюда, с третьего этажа, виден райкомовский двор — с гаражом в углу, коричневыми яблонями и черными прошлогодними клумбами...* (Почивалин); *Им открылся чистенький, ничем издали не примечательный овражек, без единой соринки или валежника, без единого цветка по теплой, как бы подстриженной траве* (Леонов); *В маленькой комнате, с потертой красной мебелью и пестрым ковром, было жарко от пылающего камина* (А.Н. Толстой); *Даша устала за день, и все же из памяти не выходила Елизавета Киевна, с красными руками, в мужском пальто, с жалкой улыбкой и кроткими глазами* (А.Н. Толстой).

Способностью к передаче дополнительной информации о предмете характеризуются не все несогласованные определения. Например, определения, стоящие в родительном падеже (*дом отца, рабочие совхоза, выступление директора, гроздь рябины, учитель физики* и т.д.), сообщают необходимые детали, конкретизирующие обозначение самого предмета. Такие определения не обособляются. Способностью к обособлению обычно обладают только определения, характеризующие те или иные внешние, «сопутствующие» признаки предмета, реже — его качественные признаки. Однако и такие определения обособляются далеко не всегда. Обособление устойчиво отсутствует, если определение обозначает основной отличительный признак лица или предмета, особенно если лицо или предмет еще неизвестны читателю или слушателю: *Припелся с ними и маленький мальчик в мамкином плат-*

ке (А.Н. Толстой); *Вспомнила про этих малышей из седьмой квартиры...* (Л. Успенский); *Навстречу ей идет боец в пестром маскировочном костюме* (Бражнин); *...в... коляске сидела дама в мехах...* (А.Н. Толстой); *В углу буфет с кружевной скатеркой...* (Нагибин) и под. Обособление оказывается возможным тогда, когда определяемый предмет либо заранее известен собеседнику, либо уже достаточного охарактеризован с помощью предшествующих определений. В силу этой общей тенденции наиболее последовательно обособляются определения при собственных именах, личных местоимениях (обозначающих уже известный предмет) и при нарицательных существительных, перед которыми уже есть другое определение (см. приведенные выше примеры). Однако и эти условия не вызывают обязательного обособления¹.

См., например: *Возвращаясь с пруда, обычно встречали Александру Леонтьевну в белом чепчике и мохнатом халате* (А.Н. Толстой); *Хороша была светлая льдистая Ворица в поросших темной осокой берегах, хороша была и горка с церквушкой...* (Нагибин); *«В правлении, где ж ему быть?» — сказал отчаянного вида паренек в распахнутой шубейке и треухе с торчащим, как у зайца, ухом* (Нагибин) и под. Обособление используется только в случаях, когда автор специально подчеркивает дополнительные детали как бы «замедленного» художественного описания.

Обособление приложений

§ 104. Закономерности обособления приложений сходны с закономерностями обособления определений. Как и определения, приложения чаще всего выполняют при обособлении функцию дополнительной ха-

¹ Обязательно обособляются лишь определения, относящиеся к личному местоимению.

р а к т е р и с т и к и предмета или явления (совмещающуюся с полупредикативной функцией) и в соответствии с этим обособляются обычно в п о с т п о з и ц и и. При этом **распространенные** постпозитивные приложения обособляются последовательно — независимо от того, в каком отношении характеризуется предмет, — выражает ли приложение ту или иную оценку (а) или играет только уточняющую, конкретизирующую роль (б). См., например: а) *Сам Скробов, **большой, молчаливый, редко улыбающийся человек**, ...действительно ведет свою работу с научной точностью* (Симонов); *Взгляду открывается Тарнополь, **живописный город, спускающийся амфитеатром к водохранилищу**...* (Симонов); *Ореховая заросль тут редела, расступалась, открывая вид на наш поселок — **жалкую горсточку домишек*** (Нагибин); *Однажды... рыбовлов... вытащил морского петуха — **очень редкую и самую причудливую рыбу на Черном море*** (Паустовский); *В Колхиде человек и природа облагорожены и подчинены одной величайшей идее — **созданию счастливого и разумного существования на земле**...* (Паустовский); б) *С нами едет еще Игорь Попов — **судовой механик из Мурманска*** (Казаков); *Рядом с ней сидела полная черноволосая женщина, **ее мать*** (Нагибин); *Седой смотритель, **эсто-нец, бывший учитель истории**, повел нас к двум мраморным надгробьям* (Паустовский) и т.д.

Одиночные постпозитивные определения обособляются только в том случае, если они выполняют уточняющую, конкретизирующую роль, сопровождающуюся коммуникативной акцентировкой приложения: *...**приехали три сына, студенты**...* (Пришвин); *Это Вера, **корреспондентка*** (Казаков); *Жена его, **Паня**, любому подарку рада* (Астафьев). Ср. пишущиеся через дефис и, следовательно, тесно спаянные с определяемым словом постпозитивные приложения в сочетаниях типа *Волга-матушка, дом-великан, инженер-электрик* и под.

Предпосылкой для возможности обособления приложений служат слабо выраженные отношения грамматического подчинения определяемому существительному (см. об этом § 84). Поэтому главное слово и приложение в зависимости от коммуникативных условий часто могут, с одной стороны, меняться местами (а), а с другой — «сливаться» в единое обозначение предмета (б). Ср., например, с приведенными выше предложения: а) *Взгляду открывается живописный город — Тарнополь; Рядом с ней сидела ее мать, полная черноволосая женщина; С нами едет еще судовой механик из Мурманска — Игорь Попов*; б) *Это корреспондентка Вера* и под. Возможность такого изменения грамматических отношений при сохранении общего характера информации еще раз обнаруживает коммуникативно-семантическую природу обособления.

Препозитивные приложения в большинстве случаев не обособляются. См., например: ...**Капитан «Юшара» Юрий Жуков** совсем не походил на северного капитана... (Казаков); Потом **самый старый рыболов грек Христо** подошел к морскому петуху, осторожно взял его под жаберы... и бросил рыбу обратно в море (Паустовский); ...подошел **подавальщик бетона Кондратий Сидоренко** (Паустовский); **Умелец, красавец, храбрец Шатерников** стал кумиром двадцатидвухлетнего Алексея Ракитина (Нагибин) и т.д.

Обособление препозитивных приложений (относящихся к подлежащему) встречается исключительно в книжной речи. Конструкции с таким обособлением чаще всего имеют осложненный риторический характер. Необходимым условием обособления является смысловая связь препозитивного приложения со сказуемым — соответствие или несоответствие содержанию, передаваемому сказуемым; элементы обстоятельственной семантики. См., например: **Хранительница минувшего, площадь на-**

мечает нам и глубину завтрашних дней (Песков); **Старый артиллерист, мастер и патриот своего дела**, подполковник за двадцать лет прошел суровую военную дорогу (Симонов); **Люди разных поколений**, Цветухин и Улина... душою и плотью принадлежали советской сцене... (Федин); **Человек хорошо образованный, богатый, изъездивший не раз Европу**, Григорий Михайлович был сыном своего времени (Юшков); **Страстный любитель всевозможных происшествий**, Чирик подбегал к окнам квартиры Орловых, ложился животом на землю (Горький). При этом обычно только при нарицательных существительных такое обособление обязательно. При собственных оно не является обязательным и при наличии смысловой связи со сказуемым (см., например, выше предложение: **Умелец, красавец, храбрец Шатерников стал кумиром... Ракитина**).

В аналогичных коммуникативно-семантических условиях обособляются приложения, относящиеся к личным местоимениям. Но обособление их обязательно. См., например: *И вот он а, **Катя**, в Заполярье, в гостях у Генки...* (Астафьев); *Мы, **рыболовы**, обычно терпеливо ждали, когда, наконец, пройдет ненастье* (Паустовский); ***Исполнитель бытовых ролей**, он прекрасно знал театр Островского...* (Федин); *Эффенди Капиев был фигурой чрезвычайно своеобразной в русской советской литературе. **Горец**, он писал по-русски. **Русский по своей культуре**, он был весь во власти древней горской поэзии* (Павленко).

Подобно определениям, обязательно обособляются препозитивные приложения, оторванные от определяемого слова: ***Сыны любимые победы**, / Сквозь огонь окопов рвутся шведы* (Пушкин); ***Дитя неведомой страны**, / Прижавшись, голубь молодой / Сидит, испуганный грозой* (Лермонтов).

Обособление обстоятельств

Если в обособлении определений и приложений наблюдается единая система общих закономерностей, то каждый из нескольких разрядов обстоятельств, допускающих обособление, характеризуется своей спецификой. Основными из таких разрядов являются: 1) обстоятельства, выраженные деепричастиями и деепричастными оборотами; 2) уточняющие обстоятельства; 3) обстоятельства причины, цели, условия и уступки, выраженные отвлеченными существительными с производными предлогами типа *вследствие, в целях, при условии, несмотря на* и под.

§ 105. Обстоятельства, выраженные деепричастиями и деепричастными оборотами. Обособление деепричастий занимает в системе обособления особое место. Если у других типов второстепенных членов грамматическая форма обычно остается нейтральной к наличию или отсутствию обособления, то деепричастие предполагает обособление в силу своей грамматической специфики.

Обозначая добавочное, второстепенное действие, оно является специализированной формой выражения полупредикативности. Кроме того, большой ослабленностью характеризуется зависимость деепричастия от сказуемого. Это имеет целый ряд различных проявлений. Во-первых, выполняя роль «второстепенного сказуемого», деепричастие обычно оказывается в предложении относительно самостоятельным смысловым и грамматическим центром, способным подчинять обширный круг зависимых слов и выступать вместе с ними хотя и в подчинении глагольному сказуемому, но в то же время в качестве замкнутой части предложения — так называемого деепричастного оборота, см., например: [Лиля] *...пошла к окну... и, вытащив откуда-то из кармана коробочку с иголками и нитками, принялась шить* (А.Н. Толстой). Во-вторых, деепричастие никогда не играет при сказуемом роль

обязательного компонента, употребление которого вытекало бы из лексических или грамматических особенностей сказуемого. В-третьих, обозначая действие субъекта, выраженного подлежащим, деепричастие характеризуется «побочной» семантико-грамматической связью с подлежащим. В-четвертых, выражая значение «второстепенного сказуемого», оно редко прямо поясняет глагольное сказуемое, что может проявляться в наблюдающейся нечеткости смысловых отношений между деепричастием и личным глаголом, в неясности обстоятельственного значения деепричастия, а иногда и в полном отсутствии обстоятельственного значения. См., например: *Андрея Николаевича положили в лазарете, **задержув на длинном окне белые занавеси*** (А.Н. Толстой); *Грязь и нищета снова окружили Лонсевиля, **сменив холодное великолепие петербургских проспектов*** (Паустовский); *Под потолком, **едва освещая комнату**, в железном кольце висела лампа с подвернутым... огоньком* (А.Н. Толстой) и т.д.¹

Поэтому обособление деепричастий — одиночных или вместе с зависящими от них словами (деепричастных оборотов), как правило, является строго обязательным. См., например: ***Постояв**, Соломин и Вера ушли* (А.Н. Толстой); ***Возвращаясь**, мы снова проходим через весь город* (Симонов); ***Осмелев**, [волки] пробирались по саду...* (А.Н. Толстой); *...и он, **рассердившись**, скакал теперь что было силы* (А.Н. Толстой); *Ухнули, **столкнувшись**, бочки...* (Симонов); ***Улыбаясь**, матушка становилась краше всех на свете* (А.Н. Толстой); *Теперь, **приглядевшись**, можно было рассмотреть лица партизан* (Симонов); *Никита вздохнул, **просыпаясь**, и открыл глаза* (А.Н. Толстой); *...до того было хорошо, **проснувшись**, слушать свист иволги, глядеть в окно на мокрые листья* (А.Н. Толстой); ***Блея и теснясь**,*

¹ В ряде случаев отнесение деепричастий к обстоятельствам является трактовкой условной и неточной.

овцы лезли к колоде, проламывали мордочками тонкий ледок, пили и кашляли (А.Н. Толстой); **На санях лежала, скрипя и покачиваясь**, двухвесельная крутоносовая лодка (А.Н. Толстой); **Проехав по сухопутному мосту**, танкисты, оживленно переговариваясь, осматривали его и, **снова забравшись в свои танки**, один за другим скрывались в лесной чаще (Симонов); Егор Иванович, **морщась от мурашек в затекших ногах**, ...отпустил ямщика и, **придерживая** отдуваемые октябрьским ветром **полы** верблюжьего **чапана**, отворил калитку... (А.Н. Толстой).

Непоследовательное обособление наблюдается только у одиночных деепричастий, выступающих в роли обстоятельств образа действия. Как и все другие обстоятельства образа действия, они характеризуются тесной связью с глаголом, препятствующей обособлению. Некоторым деепричастиям, употребляющимся в этой роли, свойственна тенденция полностью или частично утрачивать значение сопутствующего действия и переходить в наречия или, по крайней мере, сближаться с наречиями и предложно-падежными формами существительных (ср.: *смущаясь* — *смущенно*; *улыбаясь* — *с улыбкой*, *не торопясь* — *неторопливо* и под.). См.: Лошадь наша стояла **понуриясь**... (Казаков); Конопатые стояли **насупясь** (А.Н. Толстой); Лиля... **не спеша** слезла со стула... (А.Н. Толстой); **Не торопясь**, Катя открыла дверцу шкафчика-аптечки... (А.Н. Толстой); Громоздкин... **не торопясь** завершил работу... (Алексеев); Он еще не все узнавал и слышал, говорил **заикаясь** (Астафьев); Аркадий Иванович только еще проснулся и, **лежа**, читал все то же самое, тридцать раз им читанное письмо (А.Н. Толстой); Лиля сидела **не двигаясь** (А.Н. Толстой); Маша сидела **зажмурясь** (А.Н. Толстой); Никита пошел в кабинет, сел на диван... и, **прищурившись**, глядел на расписанные морозом стекла (А.Н. Толстой); Мальчики, **улыбаясь**, глядели друг на друга (А.Н. Толстой) и т.д. Интонационное выде-

ление таких слов чаще всего отсутствует. Пунктуационное выделение нередко становится в определенной мере условным. Заметна вместе с тем одна закономерная тенденция: устойчивее запятыми выделяются те деепричастия, которые сохраняют глагольность — процессуальную семантику, способствующую выражению полупредикативности. См.: *Волны, **шипя**, переползали пляж до белых стен приморского санатория* (Нагибин); *...затрещали, забились, **пульсируя**, пулеметные трассы...* (Кожухова); *Среди голых... сучьев сидели, **качаясь**, грачи, измокшие за ночь* (А.Н. Толстой); ***Мерцая**, потрескивали огоньки в камине...* (А.Н. Толстой) и под.

§ 106. Обособление уточняющих обстоятельств. Обособление обстоятельств, выраженных предложно-падежными формами существительных и наречиями, чаще всего наблюдается в случаях, когда они употребляются для уточнения, конкретизации предшествующего обстоятельства того же типа. Обособление уточняющих обстоятельств обычно используется при выражении места и времени, реже — образа действия. См., например: *Пашни **наверху, за деревней*** (Астафьев); *Луч прожектора метнулся **вбок, в кусты...*** (А.Н. Толстой); ***На юге, в волостях, населенных украинцами**, красные мобилизовали молодежь...* (Шолохов); *Он появился **поздно вечером, почти ночью*** (А.Н. Толстой); *Вихрова взяли **двумя часами позже, по возвращении домой*** (Леонов); *Второй раз я приехал в Колхиду **через десять лет — в 1933 году*** (Паустовский); ***Вечером тихо, без песен**, проезжали через станции* (Симонов). Обособление второго обстоятельства, сопровождающееся подчеркиванием его конкретизирующей роли, осуществляется говорящим не всегда, несмотря на то, что последующее обстоятельство в том или ином отношении обязательно дополняет предыдущее. См., например, сложные обстоятельственные группы без обособления второго компонента: ***У берегов в воде** застыли скалы...* (Бунин);

И уже далеко в степи пела труба скачущего горниста... (А.Н. Толстой); *Внизу на пристанях* начали вспыхивать иголки ружейного огня (А.Н. Толстой); *Даша и Телегин приехали сегодня в два часа дня* (А.Н. Толстой) и т.д.

По составу и условиям обособления обстоятельственные группы, состоящие из двух обстоятельств места, времени и т.д., сходны с аппозитивными словосочетаниями. Подобно тому как в рамках аппозитивного словосочетания часто объединяются разноплановые обозначения одного и того же предмета, в рассматриваемых обстоятельственных группах (и с обособлением, и без обособления) наблюдается объединение разноплановых обозначений одного и того же места, времени или способа действия. Как и в аппозитивных сочетаниях, в них наблюдается либо тенденция к нераздельности компонентов, либо отношения уточнения одного другим.

Примечание. Уточняющая функция является одним из своеобразных проявлений функции дополнительной характеристики, и в настоящее время все члены предложения, выполняющие эту функцию, часто (в том числе в школьных учебниках) объединяются в отдельный разряд уточняющих членов предложения. Несмотря на правомерность такого объединения, следует учитывать, что по отношению к различным членам предложения противопоставление уточняющего обособления другим его типам неодинаково целесообразно. Так, если у обстоятельств уточняющая функция обособления не осложнена никакой другой, то у приложений она совмещается с полупредикативной функцией. См., например: *Вокруг монастыря поселок — Пушкинские Горы* (Паустовский); *Это была внучка Анны Керн — Аглая Пыжевская, бывшая провинциальная драматическая актриса* (Паустовский) и под. Кроме того, у приложения уточняющая и оценочная функции различаются только на основе лексического значения, а нередко одно и то же приложение является одновременно и уточняющим, и характеризующим. См., например: *Нынче Николай Сладков — автор тридцати чудесных книжек о природе* — широко известен и

любим многими. Но тогда никто из слушавших первые рассказы Сладкова не знал автора — **молодого военного топографа, бродившего где-то в горах Кавказа** (Бражнин); Тут же, под сенью таких же андреевских флагов, лежит адмирал Врангель — **исследователь Арктики, провидец, догадавшийся... о существовании в океане около восточных берегов Сибири большого острова** (Паустовский). Поэтому ни по грамматическим, ни по семантическим признакам обособление уточняющих приложений не отграничено от других видов обособления, и отдельное их рассмотрение оказывается в определенной мере искусственным.

§ 107. Обособление обстоятельств причины, цели, условия и уступки. Среди обстоятельств причины, цели, условия и уступки тенденцию к обособлению имеют обстоятельства, включающие производные предлоги, такие, как *в силу, вследствие, по причине, в связи с, в результате, благодаря; в целях, с целью; при условии, в случае; несмотря на, невзирая на, независимо от, вопреки, против и под.*, а также сочетания типа *при всей...* Например: **В кино, в силу своеобразия кинодраматургии, актер бывает особенно активен...** (Черкасов); **Благодаря огромным запасам солей, на Каме ранее, чем в других местах, воцарилась химия** (Песков); **Представители английской и французской военных миссий на юге России, в целях своеобразной политической рекогносцировки, решили послать в Новочеркасск несколько офицеров** (Шолохов); **С целью пояснить различие встававших передо мною задач, приведу в пример четырех Дон-Кихотов, которых мне пришлось играть в моей жизни** (Черкасов); **...в случае необходимости, [Копылов] бросал штаб, садился на коня и, приняв командование полком, вел его в бой** (Шолохов); **Несмотря на приказ Гудериана жечь машины, немцы не успели их сжечь** (Симонов); **...душа его, наперекор всему, заливалась счастьем** (А.Н. Толстой); **...Данковы, при всей своей честности..., до конца своих дней оставались пустыми фразерами...** (К. Чуковский) и т.д.

В силу сложившейся традиции, обязательностью пунктуационного выделения характеризуются среди таких обстоятельств только обороты с уступительными предложениями *несмотря на* и *невзирая на*.

Причиной возможного обособления обстоятельств рассматриваемой группы является их полупредикативность, обусловленная, во-первых, употреблением в их составе отвлеченных существительных, которые как бы концентрируют в себе семантику сказуемого отдельной предикативной единицы; во-вторых, часто наблюдающейся распространенностью обстоятельственной группы. Эти особенности определяют коммуникативно-семантическую близость рассматриваемых обстоятельств к придаточным предложениям.

§ 108. Авторское обособление обстоятельств. В художественных произведениях иногда встречаются случаи авторского обособления обстоятельств, подчеркивающих дополнительные детали описания (разного типа) внутри предложения. См.: *Вдруг, далеко на той стороне, вспыхнули быстрые огни...* (А.Н. Толстой); *Потом, с досады, она даже топнула ногой...* (А.Н. Толстой); *По обмерзлой лестнице, в темноте, Телегин поднялся к себе на пятый этаж* (А.Н. Толстой); *Пехота белых переправлялась — по двое — на конях* (А.Н. Толстой); *...и уже в полдень, автобусом, была в незнакомом, заново отстроенном после войны большом селе...* (Почивалин). С помощью такого обособления выражается дополнительный, поясняющий характер соответствующих деталей сообщения и — одновременно — акцентируется важность этих деталей. От уточняющих обстоятельств такие обстоятельства отличаются несколько изолированным положением в предложении, сближающим их с вставными конструкциями (о последних см. ниже, § 110). Уточняющие обстоятельства, как было показано выше, служат пояснением к предшествующему обстоятельству одного с ними типа и тесно связаны с этим обстоятельством.

Примечание. Особняком стоят случаи обязательного обособления однородных постпозитивных обстоятельств образа действия, отделенных от сказуемого другими членами предложения и подчеркивающих отдельные детали художественного описания: *Но за сосною всё ещё **светилась** пригоршня звезд, **вяло, удаленно, на последнем накале*** (Астафьев); *Витька только **улыбнулась** большим ртом, **радостно, доверчиво, преданно*** <...> (Нагибин); *На болоте без устали **кричали** журавли — **не то сердито, не то жалобно*** (Нагибин).

* * *

В целом категория обособления имеет, таким образом, коммуникативно-семантический характер. Обособление обуславливается либо выражением полупредикативности, либо функцией дополнительной характеристики. При этом каждое из общих условий обособления в одних случаях выступает как единственное, в других — действует наряду с другим. Границы их действия можно (несколько упрощенно) представить схематически.

Вводные слова и вводные предложения. Вставные конструкции

§ 109. Вводные слова и вводные предложения. Вводные слова и вводные предложения, так же как и вставные конструкции, относятся к таким компонентам предложения, которые не вступают в подчинительную и сочинительную связь с его членами.

Вводные слова — это несколько функционально-семантических разрядов слов и словосочетаний, которые выражают модальную, логическую или эмоциональную оценку содержания предложения, а также выполняют контактоустанавливающую функцию.

Первую группу среди них составляют слова, выражающие модальную оценку содержания высказывания. Употребляя их, говорящий выражает свою уверенность или, наоборот, неуверенность в достоверности сообщаемого. К словам этого типа относятся, с одной стороны, такие, как *конечно, безусловно, разумеется, несомненно, естественно, действительно, оказывается, с другой — наверное (наверно), должно быть, может быть, кажется, пожалуй, очевидно, видимо, по-видимому, вероятно, по всей вероятности* и под. См., например: *Нет, конечно, немцы не совсем ушли отсюда. Они, очевидно, только меняли части...* (Симонов).

Вторая группа — это слова и сочетания слов, с помощью которых говорящий подчеркивает логические отношения между частями предложения или между самостоятельными предложениями. Так, слова типа *таким образом, словом, итак, следовательно, значит* сигнализируют о формулировке вывода. Слова типа *прежде всего, во-первых, во-вторых, наконец* и под. используются, когда есть потребность подчеркнуть количественный состав какого-либо перечня (чаще всего — перечня аргументов) и установить степень важности компонентов это-

го перечня. Слова *кстати, между прочим* свидетельствуют о побочном характере высказывания в общей логике диалога или монологического изложения. Слова *например, в частности* сигнализируют о введении примеров, иллюстрирующих выдвинутое общее положение; *наоборот, напротив* — о резкой контрастности явлений и т.д. См., например: **Таким образом, уже в ту раннюю пору в его жизни наметились два разнородных влияния...** (К. Чуковский); *Могут возразить, что ни Карл Грюн, ни Панаева не являются свидетелями вполне достоверными. Но, во-первых, оба они, не зная друг друга, утверждают одно и то же, а во-вторых, у нас есть... подлинное письмо самого Михаила Бакунина* (К. Чуковский).

Третья группа — это слова и сочетания слов, выражающие эмоциональное отношение к сообщаемым фактам. Сюда относятся предложно-падежные формы отвлеченных существительных типа *к счастью, по счастью, на мое счастье, к нашему удовольствию, к сожалению, к общей радости* и под., а также слова типа *хорошо, ладно (ладно еще), спасибо еще: И вдруг, к нашему ужасу, оказалось, что лошадей на месте нет* (Симонов); **По счастью**, воду доставили на другой день (Нагибин); *...свадьба, к огорчению моему, все откладывалась и откладывалась до более устойчивых и сытых времен* (Астафьев); **Спасибо еще**, ребята выручили; **Ладно**, мы вовремя подросли.

Четвертая группа — это слова и словосочетания, указывающие на источник определенного мнения, определенных сведений, на источник воспроизводимых говорящим цитат: *по-моему, по-твоему, по сообщениям печати, по мнению директора, по их словам, по рассказам очевидцев, по выражению отца* и т.д. Косвенно подобные слова часто указывают на неполную уверенность говорящего в содержании высказывания. См.: **По-моему**, мы сегодня прорвем все эти линии их позиций (Симонов); *...он,*

по словам Панаевой, устроил в своем имени школу для крепостных детей (К. Чуковский); *По моему убеждению, Григорий Михайлович Толстой выведен в романе под именем Григория Матвеевича Данкова* (К. Чуковский); *В романе Данков... решает — по выражению Некрасова — «пожить в своей губернии с самой благой целью»* (К. Чуковский).

Пятая группа — это контактоустанавливающие вводные слова и словосочетания, используемые при непосредственном обращении к собеседнику с целью просто привлечь внимание собеседника (*слушай(те), послушай(те)* и под.), расположить к себе собеседника вежливым характером просьбы или вопроса (*пожалуйста, будьте добры*), выразить доверительный характер отношений в случае каких-либо затруднительных объяснений с собеседником (*видите ли, знаете, поверьте, понимаете* и под.) и т.д. См., например: *Слушайте, Ракитин, может, вы один сходите к Князеву?* (Нагибин); *Пожалуйста, пропустите раненого* (Федин); *Поверьте, я говорю из доброго чувства...* (Нагибин); *Понимаете, Ракитин, ...нам надо теснее связаться с фронтом* (Нагибин); *Скажите, вы были уверены, что нельзя посылать танки без автоматчиков?* (Нагибин); *«Видите ли... — мой собеседник замялся, — видите ли, дело в том, что они еще вообще не здесь, эти пленные...»* (Симонов); *«А знаешь, — отец остановился, глаза его лукаво блеснули, — достанется мне дома на орехи»* (А.Н. Толстой).

Те же функции, которые присущи вводным словам, могут выполнять вводные предложения — конструкции с самостоятельным предикативным центром — со своими главными членами, типа: *насколько я помню, я думаю, мне думается, как ему показалось, как известно, как уже говорилось, как рассказывают очевидцы, как любил говорить отец* и под. Например: *Образ Данкова в «Трех странах света» есть, насколько я знаю, наиболее ранняя литературная экспозиция этого типа* (К. Чуковский); *Неужели, ду-*

мал я, сейчас все произойдет... (Казаков); *В том, верилось ему, и заключалась его литературная миссия, чтобы проповедовать счастье* (К. Чуковский); *Как известно, родственческие настроения возникали еще в шестидесятых годах...* (К. Чуковский); *...надписи были... подробные и, что главное, всегда соответствовали действительности* (Симонов) и т.д.

§ 110. Вставные конструкции. Вставные конструкции — это включенные в предложение предикативные единицы, слова или словосочетания, которые прерывают начатое предложение добавочными пояснениями, возникшими у говорящего в процессе высказывания. Внешней графической приметой этих конструкций в письменной речи является выделение их с помощью скобок или тире, например: *Почти ежедневно эти люди читали друг другу свои сочинения (они и тогда не переставали напряженно работать) и шумно обсуждали их...* (К. Чуковский); *Стиснув зубы (болели поясница, плечо, разбитые колени), он также поднялся и побрел за вереницей пленных* (А.Н. Толстой); *...Дружинин — 31 января 1856 года — прочитал у Некрасова свой перевод «Короля Лира»...* (К. Чуковский); *Но революционную страсть (хотя бы и на короткое время) Бакунин несомненно возбудил в нем...* [в Григории Толстом] (К. Чуковский).

Если вводные слова и предложения выполняют ограниченное число типизированных семантических функций, то вставные конструкции могут служить для передачи разнообразного содержания, дополняющего основное содержание предложения.

Резко выраженную грамматическую специфику среди вставных конструкций имеют в основном предикативные единицы — вставные предложения, которые грамматически не связаны с членами включающего их предложения (см. выше первые два примера). Отдельные словоформы и словосочетания, выражающие дополнительные пояснения, сохраняют грамматическую связь с

предложением, в которое они включаются, и слабо отграничены от случаев авторского обособления обстоятельств.

Обращение

§ 111. Обращение — это существительное в именительном падеже, обозначающее лицо, изредка животное или даже неодушевленный предмет, к которому обращаются с речью.

Обычной функцией обращения является функция установления контакта с собеседником. В зависимости от ситуации речи она проявляется в разных, более простых и менее простых вариантах. Обращение может использоваться только для того, чтобы привлечь внимание собеседника, информировать о том, что именно к нему обращаются с речью: «**Виктор**, беги!» — крикнул Никита... (А.Н. Толстой); «**Мама**, кто это свистит?» — спросил Никита (А.Н. Толстой). Когда диалог уже развернулся, информация о том, к кому обращаются с речью, становится ненужной. В этих условиях обращение может стать выразителем вежливого или дружеского внимания по отношению к собеседнику: *Даша с улыбкой глядела ему в лицо...: «Мне представляется, **Иван Ильич**, что вам совсем другое должно нравиться»* (А.Н. Толстой).

Лексический выбор обращения почти всегда прямо или косвенно отражает отношение к собеседнику, обусловленное самыми различными факторами — начиная от отношений возрастной и социальной иерархии, которые связывают собеседников, и кончая личными отношениями между ними, эмоциональным состоянием говорящего в данной ситуации, степенью его этической культуры и т.д. Поэтому обращения являются социально важным компонентом диалогической речи. См. в рассказах К. Симонова обращения к разным по званиям военным: «*Закурим, **Юдин?***» — обрадовался Савельев [оба собеседника — рядовые]; «***Товарищ старшина**, закурить желаете?*» —

обратился он [Савельев] к Егорычеву; «**Вася, а Вася?** — говорит лежащий рядом с ним сержант Петренко. — *Что ты молчишь, Вася?*» Характерно последующее примечание автора: (Петренко когда-то учился вместе с Цыганковым в одной школе-семилетке в Харькове и, по редкой на войне случайности, оказался во взводе у своего старого знакомого. Несмотря на разницу в званиях, когда они наедине, Петренко называет приятеля по-прежнему Васей).

В своем прямом назначении обращение может употребляться только в тех случаях, когда оно называет лицо или животное, притом — в ситуации непосредственного общения (включая и общение письменное). Если обращение обозначает неодушевленный предмет или лицо, которое не может быть непосредственным участником общения, употребление обращения превращается в риторический прием воображаемого общения с каким-либо по-своему значительным предметом или лицом. См. в стихотворениях С. Есенина: *Но люблю тебя, **родина кроткая!** А за что — разгадать не могу; Ах, **поля мои, борозды милые,** Хороши вы в печали своей! Я люблю эти хижинки хилые С поджиданьем седых матерей; Заря окликает другую, Дымится овсяная гладь... Я вспомнил тебя, дорогую, **Моя одряхлевшая мать.***

Риторическое обращение — принадлежность только художественной или публицистической речи — торжественной или поэтически приподнятой. Обычное обращение употребляется либо в условиях диалога, либо в эпистолярном жанре письменной речи.

Междометия в составе предложения

§ 112. Как было показано при рассмотрении междометных предложений (см. § 73), междометия обладают способностью образовывать отдельное, самостоятельное высказывание. Включаясь в предложение, состоящее из

знаменательных слов, междометия то почти полностью утрачивают потенциально присущую им самостоятельность, то, наоборот, в значительной мере сохраняют качества отдельного высказывания.

Тенденция к утрате самостоятельности в первую очередь наблюдается у простых междометий типа *ох*, *ах*, *эх*, *о*, когда они стоят в начале предложения. Соответствуя эмоциональной окрашенности всего предложения, они сближаются с восклицательными частицами. См. например: **Ах**, *время-то какое было, май...* (Казаков); **Ох**, *какая дорога хорошая!* (Нагибин). Междометия этого типа почти не способны вычленяться в отдельное предложение. Показательно, что одиночные междометия *ох*, *ах* вообще редко употребляются самостоятельно; в качестве отдельного высказывания чаще выступают сочетания повторяющихся междометий: *Ох-ох-ох!.. Ах-ах-ах!..* Вклиниваясь в середину предложения, междометия оказываются более самостоятельными. Они выполняют функцию, близкую к функции вставного предложения и в то же время — к роли вводного элемента, выражающего эмоциональную оценку высказывания. См.: *Но, **увы**, в этих плодах нельзя уж было узнать ни нашей грушовки, ни наших сахаровок, ни наших преснушек* (Солоухин), ср.: *к сожалению*. Междометия, выражающие волевую, а также утвердительную или отрицательную реакцию говорящего, более самостоятельны. Они легко допускают вычленение в отдельное междометное предложение. См.: **Ну**, *пошли же, пошли...* (Кожухова); *...гаркнул на лошадеенок...: «**Но**, добрые, вывози!»* (А.Н. Толстой); *Телегин сказал: «**Хорошо**, будет сделано»* (А.Н. Толстой); *«Смотри, — прижавшись к оконному стеклу, сказала она, — дождь...» — «**Да**, дождь»* (К. Симонов).

ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО ЦЕЛИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

§ 113. Основными типами предложений, которые традиционно выделяются по цели высказывания, являются повествовательные, вопросительные и побудительные.

Выделение их предполагает самую общую оценку предложений с точки зрения роли в речевом общении — в процессе коммуникации. Соответственно в современной лингвистике их принято называть **коммуникативными**, или, иначе, **функциональными**, типами предложения.

Повествовательные предложения выполняют информационно-констатирующую роль. Их постоянное назначение — сообщение об определенных явлениях действительности (иногда вымышленных явлениях) в их связях между собой. Прямое назначение¹ вопросительных предложений — получение информации от собеседника. Побудительные предложения имеют целью побуждение к действию. Побуждение это может быть обращено к самому собеседнику или (через собеседника!) к лицу, не участвующему в беседе. Ср.: ***Вызови** мать — Пусть он **вызовет** мать.*

Примечание. **Восклицательные** предложения не входят в этот классификационный ряд. Их выделение связано с другим направлением характеристики предложений. Этим термином обозначаются предложения с ярко выраженной эмоционально-экспрессивной окрашенностью. По цели высказывания восклицательные предложения могут быть и повествовательными, и вопросительными, и побудительными. Так, например, выделенные восклицательные предложения в следующем тек-

¹ Наряду с своим прямым назначением, вопросительные по форме предложения нередко имеют «вторичные» значения, в частности — выступают в роли эмоциональных констатирующих (повествовательных) предложений типа ***Разве его убедишь?*** = *Его не убедишь.*

сте являются предложениями, различными по цели высказывания: — *Ну, надо же, надо!* — в беспомощном ожесточении твердила Анна Тихоновна. — *Ну, слышите гудки? Машина! Остановите, остановите ее!* (Федин). «*Машина!*» — повествовательное, констатирующее предложение; «*Остановите, остановите ее!*» — побудительное. «*Ну, слышите гудки?*» — вопросительное (восклицательный характер вопросительных предложений не получает последовательного отражения в пунктуации: после них может употребляться сочетание вопросительного и восклицательного знаков — ?!, но оно обычно служит выразителем только определенных типов эмоциональной окрашенности предложения — таких, как негодование, ирония, удивление).

Разграничение функциональных разновидностей предложения основывается не только на коммуникативно-семантических признаках — оно проявляется и в особенностях их грамматического оформления, о чем уже говорилось выше (§ 13).

Наиболее обязательным грамматическим средством выражения цели высказывания служит интонация. Выразителем вопросительного характера предложения, кроме интонации, часто являются вопросительные местоимения и частицы, а побудительная направленность высказывания в большинстве случаев передается повелительным наклонением глагольного сказуемого.

Наличие специализированных грамматических средств, с помощью которых передаются значения, связанные с целью высказывания, позволяет оценивать эти значения как значения грамматические. С их совокупностью связана одна из грамматических категорий предложения — категория целевого назначения, в терминологии И.П. Распопова¹.

¹ *Распопов И.П.* Очерки по теории синтаксиса. Воронеж, 1973. С. 31. *Его же.* Спорные вопросы синтаксиса. Ростов н/Д, 1981. С. 24. О взаимодействии категории целевого назначения с другими аспектами грамматической семантики предложения см. выше, § 16.

Несмотря на кажущуюся простоту и очевидность классификации предложений по цели высказывания, эта классификация установилась не сразу, и до сих пор в ней наблюдаются определенные расхождения и несовпадение трактовок.

Но прежде чем останавливаться на этих расхождениях и характеризовать их причины, мы рассмотрим объективные особенности основных типов предложений, традиционно выделяемых по цели высказывания. В ходе этого рассмотрения будет показано и то, как в некоторых условиях речевого использования разные типы предложений семантически взаимодействуют между собой.

Повествовательные предложения

§ 114. Повествовательные предложения служат для говорящего средством оформления и сообщения мыслей, а следовательно — и средством передачи знаний о явлениях объективной действительности в их связях между собой. По отношению к адресату речи эти предложения выполняют информационно-констатирующую функцию.

Единственным специфическим средством выражения повествовательного характера предложения служит его интонационное оформление — с понижением голоса в конце предложения.

Среди предложений, различающихся по цели высказывания, повествовательные предложения являются самыми употребительными. Они широко используются в диалоге и решительно господствуют во всех разновидностях монологической речи, почему и получили название повествовательных. В рассказе о каких-либо событиях, в художественном описании, при изложении данных науки или общественной жизни текст, как правило, целиком состоит из повествовательных предложений. См., например: *Это было 24 июня. Поезд, почему-то состоявший из одних дачных вагонов, отошел от темных платформ Бе-*

лорусского вокзала. Горели синие фонари. К ним тогда еще не привыкли. Поезд шел в Минск. Больше всего в нем ехало командиров, возвращавшихся из отпусков в свои части (Симонов); Язык, очень сложное и многоплановое явление, составляет предмет специальной науки — языкознания, или лингвистики. Языки земного шара (их более 2500) исключительно разнообразны во всех отношениях — и по звуковому облику, и по словарному составу, и по грамматическому строю (Буланин) и под.

В повествовательных предложениях наиболее непосредственно выражается многообразие знаний человека о реальном мире. Поэтому они чаще, чем вопросительные и побудительные, характеризуются сложностью структуры. Это отчасти объясняется и тем, что вопросительные и побудительные предложения используются преимущественно в разговорной речи, для которой свойственна, с одной стороны, бóльшая простота тематики, с другой — тенденция к экономии языковых средств.

В связи с максимально прямым отражением знаний о действительности, для повествовательных предложений больше, чем для вопросительных, характерна неосложненность модальных оценок, выражаемых сказуемым.

Вопросительные предложения

§ 115. В вопросительных предложениях формулируется вопрос по поводу неизвестных или не вполне известных говорящему ситуаций.

Свое прямое назначение вопросительные предложения выполняют в диалогической речи, когда предполагается непосредственный ответ собеседника: *«Вы бывали прежде в Москве?»* — продолжая работу, спросила женщина. *«Я и родилась здесь...»* (Леонов); *«Ваш отец учился в Петербурге?»* — *«Не знаю...»* (Леонов) и под.

В монологических текстах вопросительные предложения редки и выполняют особую роль. Здесь они служат

обычно средством логического оформления речи и одновременно средством активизации внимания слушателя или читателя. Они подчеркивают постановку того вопроса, который в последующем изложении освещается самим говорящим, например: ***Кто же та чернь, о которой поэт говорит с таким отвращением?*** Несомненно, что под именем черни он [Пушкин] подразумевает то светское, столичное общество, в котором жил (Горький).

По составу членов предложения и способам их выражения вопросительные предложения, как правило, ничем не отличаются от предложений повествовательных. Их вопросительный характер проявляется в составе членов предложения обычно только на лексическом уровне — в том случае, если в них есть вопросительные местоименные слова и частицы (ср.: ***Куда** надо идти?* и ***В институт** надо идти?*). Поэтому главным выразителем вопроса является вопросительная интонация, отличающаяся от повествовательной повышенным тоном произношения всего предложения и особенно резким повышением голоса на том слове, на которое падает логическое ударение¹.

§ 116. Разновидности вопросительных предложений.

Целевое назначение вопросительных предложений требует четкого выражения того, какие сведения хочет получить говорящий от собеседника, что именно ему неизвестно. Поэтому их характеризует особенная отчетливость в выражении актуального членения, в том числе — четкое выражение коммуникативного центра предложения (его ремы) с помощью вопросительных местоименных слов.

¹ При наличии вопросительных местоименных слов, сигнализирующих о характере предложения, необходимость в интонационном выражении вопроса ослабевает, и интонация вопросительных предложений, как было отмечено А.М. Пешковским, может сближаться с повествовательной: «чем яснее грамматические признаки, тем слабее могут быть интонационные» — *Пешковский А.М. Интонация и грамматика* // А.М. Пешковский. Избр. труды. М., 1959. С. 182.

Главные различия типов вопросительных предложений связаны как раз с их расчлененностью или нерасчлененностью в плане актуального членения.

Отчетливым актуальным членением характеризуются **частновопросительные** предложения, употребляемые, когда говорящий имеет сведения об определенной ситуации и его цель — выяснить или уточнить лишь отдельные ее детали. При этом если такие детали совсем неизвестны говорящему, то для их выяснения он использует предложения с местоименными вопросительными словами, например: ***Когда ты едешь?***, ***С кем ты едешь?***, ***Куда ты едешь?***, ***Зачем ты едешь?*** (предполагается, что сам факт поездки известен говорящему). Если у говорящего имеются приблизительные сведения о выявляемых деталях и он хочет лишь подтвердить эти сведения, употребляют предложения без вопросительных слов, но с подчеркнутым выделением соответствующих членов предложения при помощи логического ударения. Например: ***Ты завтра едешь?*** ***Ты едешь в Москву?*** ***Ты с Петей едешь?*** ***Ты едешь сдавать*** [экзамены]? и т.д.

Нерасчлененными в плане актуального членения являются **общевопросительные** предложения. Они употребляются, когда говорящий ищет подтверждения не отдельным деталям, а в целом приблизительно известному событию или предполагаемой характеристике. Это предложения без вопросительных слов и без резкой акцентировки отдельных членов предложения: ***Ты завтра едешь в Москву?*** ***У них гости?*** ***Он, наверное, очень упрямый?*** и т.д. Общевопросительный характер имеют и предложения предельно широкого и абстрактного содержания типа ***Что случилось?*** ***Что произошло?***

Различия коммуникативной направленности у разных вопросительных предложений проявляются в том, что каждой из разновидностей соответствуют свои типичные формы ответов. Так, обычной формой ответа на частновопросительные предложения с местоименными словами

является конкретный ответ в форме неполного предложения, в котором сохраняется лишь один член предложения — соответствующий местоименному слову: *Когда ты едешь? — **Завтра**; С кем ты едешь? — **С Петей**.*

Частновопросительные предложения без местоименных слов (*Ты **завтра** едешь?*, *Ты **в Москву** едешь?* и т.д.) допускают две основные формы ответа: а) неполные предложения: ***Завтра, в Москву***; б) нечленимые предложения, подтверждающие или опровергающие высказанное предположение: ***Да, Нет, Ну вот еще*** и под. (иногда — с последующим уточнением типа: ***Нет, в Саратов***).

Общевопросительные предложения требуют либо только самого общего подтверждения или отрицания в форме нечленимых предложений, либо ответов полных или, по крайней мере, более полных, чем при употреблении частновопросительных предложений: ***Ты завтра едешь в Москву?** — **Да, Нет; Нет, завтра я еще не еду*** и т.д.

Общевопросительные предложения типа ***Что случилось? Что произошло?*** всегда обращены к событию в целом или даже к цепочке взаимосвязанных событий. Поэтому они требуют развернутых ответов — чаще всего связного рассказа, а не одного предложения.

Безотносительно к проблеме актуального членения коммуникативные разновидности предложений, сохраняющих прямой вопросительный смысл¹, характеризуются в работах И.П. Распопова. Он различает собственно-вопросительные, удостоверительно-вопросительные и предположительно-вопросительные предложения².

¹ В «Русской грамматике говорится о «первичных» функциях таких вопросительных предложений» (М.: Наука, 1980, С. 394).

² См.: *Распопов И.П.* Строение простого предложения в русском языке. М., 1970. С. 90—95.

Назначение собственно-вопросительных — выяснение неизвестных говорящему фактов действительности.

Удостоверительно-вопросительные употребляются, когда «говорящий хочет удостовериться в реальности того или иного события».

В предположительно-вопросительных предложениях «вопрос о неизвестных говорящему фактах действительности сочетается с предполагаемым ответом» (разрядка моя. — Е.С.): *«Вы были дипломатом?» — спросила Катя и покраснела. Мысль о дипломате возникла из-за блестящих пуговиц и шляпы. «Нет... Я инженер-строитель»* (Кетлинская).

Это разграничение очень удачно выявляет и терминологически характеризует различия коммуникативного назначения вопросительных предложений при употреблении их в разных ситуациях¹.

Примечание. Неточным представляется, однако, утверждение, что собственно-вопросительные предложения «строятся исключительно на базе конструкций, включающих в свой состав местоименные вопросительные слова» (С. 90 указ. работы И.П. Распопова). О неизвестных говорящему фактах речь может идти и в предложениях без вопросительных местоименных слов. См., например, выделенные ниже предложения, которые И.П. Распопов относит к вопросительно-удостоверительным: *«Вы — грамотная?»* — [Луша] *«Нету... Молитвы знаю»*. *«А... вы — замужня?»* — [Луша] *«Нет еще... Девуцы мы...»* (Горький); *«Вы где служите?»*... — *«На Балтийском заводе»* — *«Интересная работа у вас?»* — *«Не знаю. По-моему, всякая работа интересна»* (А.Н. Толстой); *«Красноармейцам ваш театр понравился?»*... — *«Конечно»* (Федин).

¹ В «Русской грамматике» при сходном разграничении выделяются, кроме собственно-вопросительных, неопределенно-вопросительные и констатирующие-вопросительные. По сравнению с наименованиями соответствующих разновидностей у И.П. Распопова два последних терминологических обозначения представляются значительно менее мотивированными (М.: Наука, 1980. С. 394).

Содержание приведенных диалогов показывает, что во всех трех случаях вопрос касается фактов, неизвестных говорящему, что говорящий не располагает о них какими-либо предварительными сведениями (в которых ему нужно было бы только удостовериться)¹.

Отсутствие вопросительных местоименных слов в предложениях типа «*Вы грамотная?*», «*Вы замужем?*» естественно: выясняемые говорящим сведения таковы, что с помощью местоименного слова (всегда имеющего предельно абстрактную семантику) их выяснить невозможно или затруднительно².

Можно думать, что употребление собственно-вопросительных предложений без вопросительных слов связано с такими случаями, когда центром вопроса становится предикативный или атрибутивный признак, выявление которого в большинстве случаев требует конкретного, а не местоименного обозначения.

В целом, как показывает проведенное рассмотрение, даже первичные функции вопросительных предложений реализуются в достаточно разнообразных и сложных коммуникативных и грамматических проявлениях.

Побудительные предложения

§ 117. Побудительные предложения, как и вопросительные, употребляются обычно в условиях непосред-

¹ В этом отношении рассматриваемые предложения существенно отличаются, например, от предложения, приводимого с ними в одном ряду: «*Трудно тебе жить без отца-то?*» (Ответ: «*Привыкаю...*»), где содержание вопроса предполагает достаточную очевидность ситуации для говорящего, требует от собеседника лишь относительно формального подтверждения и где вопрос служит по существу только способом выражения сочувствия собеседнику.

² Ср. официальные вопросы «*Какое у вас образование?*», «*Какое ваше семейное положение?*», которые семантически неравнозначны рассматриваемым по своей большей отвлеченности и стилистически неуместны в условиях разговорной речи.

ственного общения с собеседником и выражают побуждение, обращенное к собеседнику или через собеседника к другому лицу. Очень ограниченно они используются вне такого общения, в основном — в лозунгах-призывах и разного рода инструкциях¹.

В большинстве случаев побудительное назначение предложения, кроме побудительной интонации, выражается употреблением глагольного сказуемого в повелительном наклонении (чаще всего — в формах 2-го лица, реже — 3-го, а также 1-го лица множественного числа). Например: — *Данюша, **вставай**, голубчик, **идем** кофе **пить*** (А.Н. Толстой); — ***Разъищи** этого Николая Ивановича... **Пуškai от-правляется** в Париж, к жене* (А.Н. Толстой).

Вместе с тем предложения с глагольным сказуемым в повелительном наклонении являются далеко не единственным грамматическим типом побудительных предложений.

Прежде всего — глагольное сказуемое, называющее действие, к которому побуждают, может стоять в побудительных предложениях и в других формах:

а) в инфинитиве: ...*кто-то крикнул: «**Не оглядываться**»* (Федин); — *Пока огонь **прекратить!*** (Бондарев); — *Вахтенный, **спустить** парадный трап с левого борта, **принять** катер,* — *скомандовал Батулин* (Князев);

б) в сослагательном наклонении: [военврач] *Предложил: «**Вы бы**, девушка, **шли** к нам в госпиталь санитаркой* (Кожухова); — ***Пошел бы**, коней глянул,* — *шепнула Ильинична* (Шолохов); — ***Ты бы не ездил, а?*** (Шолохов); — ***Не ходила бы**, Натальюшка!* (Шолохов); — ***Шел бы ты спать, Толя,*** — *сказал ему капитан* (Князев);

¹ Особую стилистическую сферу употребления побудительных предложений составляет использование их в поэтических произведениях, при обращении к лирическому собеседнику.

в) во 2-м лице будущего времени изъявительного наклонения: — **Подождешь** ровно полчаса, — бросил Николай Васильевич водителю. — А ты, Ирочка, посиди, хорошо? (Князев); **Ты поведешь** ее к генералу и **спросишь** там, **скажешь**, что я нашел и прислал (Чехов); **Сейчас эмку** заправьте, **поедете** в полевой госпиталь, **найдете** Сафонова, из-под земли **достанете** и **узнаете**, что с майором (Симонов); **Вернитесь, поедете** с нами (Ажаев);

г) в прошедшем времени изъявительного наклонения: — **Пошли** живей, Славка! (Федин); — **Поехали**, — сказал Николай Васильевич (Князев);

д) в сочетаниях форм типа *прошу задержаться, приказываю наступать*, где в 1-м лице настоящего времени изъявительного наклонения употребляется глагол, л е к с и ч е с к и выражающий определенный тип побуждения¹, а в инфинитиве — глагол, обозначающий действие, к которому побуждают. Например: — **Советую** и тебе **привести себя в порядок** (Шолохов);

е) наконец — в форме составного сказуемого типа *будет кричать, хватит спорить* с безличным глаголом, выражающим побуждение к прекращению действия, в первой части: — *Эй, капитан, будет спать, приехали* (Бондарев)².

Достаточно употребительны, кроме того, «б е з г л а г о л ь н ы е» типы побудительных предложений.

В некоторых из них называется с о с т о я н и е, к которому побуждают собеседника: — **Спокойно, спокойно, Дарья Дмитриевна** (А.Н. Толстой); **Приободришься, товарищи, внимание!** (А.Н. Толстой); **Тише! Порядок!** (Федин); **В очередь, в очередь. К порядку, товарищи!** (Федин).

¹ В формуле типа «*прошу задержаться*» часто передается, однако, не просьба, а официально-корректный приказ.

² Аналогичны предложения с безлично-предикативными словами *довольно, ладно*: **Ладно шуметь!** (Федин).

Достаточно распространены конструкции, обязательным компонентом которых является прямое дополнение, предполагающее (при побудительной интонации!) эллипсис глагола *дать* (в разных значениях): — *Хлопцы, воды!* (Песков); — *Прохор, шашку! Маузер!* (Шолохов); — *Пал-ку, Алеш!* (Астафьев); — *Коней*, — *зычно крикнул Григорий, комкая в руках плетъ* (Шолохов); — *Сигнал! Сигнал!* (А.Н. Толстой). Предложения этого типа, кроме выражителей прямого объекта, могут содержать и указания на адресацию действия (*кому* или *куда*), а иногда и на субъект действия. Например: — *Большакова мне!* — *приказал командир дивизии телефонисту* (Кожухова); — *А вы ему еще — блинков!* (А.Н. Толстой); *Антон Никитич Казак включил принудительную трансляцию и объявил: — Матроса Га-ленко — на бак* (Князев).

Особенно часто среди «безглагольных» побудительных предложений используются такие, которые содержат обстоятельства, указывающие на направление требуемого перемещения: *Он скомандовал тихо: «Замной!» — и солдаты пошли* (Кожухова); — *Все по местам!* (А.Н. Толстой); *Голос был очень строгий: «Буканова! На выход!»* (Кожухова); *Самофалов... простуженно просипел: «Овчинников и Яманов направо, Петрухин и Деретаев налево!»* (Кожухова); — *Егор Павлович! Сюда!* (Федин); — *Товарищ генерал, к телефону* (Симонов) и т.д.

При наличии подобных обстоятельств призыв к движению ясен и без соответствующих глаголов (типа *двигаться, отправляться, идти* и т.д.).

Употребляются, кроме того, междометные (а также вокативные) побудительные предложения.

Одни из этих предложений обладают очень абстрактной семантикой. Они в самом общем виде выражают побуждение начать или прекратить действие — без конкретизации того, какое именно действие имеется в виду. Таковы, например, побудительные: *Ну!*; *А ну(-ка)!*; *Давай!*;

Довольно!; Хватит! и т.д. Например: — **Ну!** — поторопил он (Федин); — **Давай!** — кричал он гармонисту. — **А ну еще!..** (Нагибин); «**Не узнаете?.. А я ведь вас выручал, вытягивал, когда вас преследовала жандармерия... Помните?**» — «**Да, да, да, позвольте, позвольте...**» — припомнил Пастухов. «**Ну, ну, ну!**» — помогал ему старик (Федин).

В силу семантической отвлеченности подобных предложений, в последующем контексте они часто конкретизируются. См., например: — **Ну! Хватит дрожать-то. Бежим** (Стрыгин); — **Но-но!** — прикрикнул на него отец. — **Не подсказывать!** (Кассиль); — **Довольно! Молчать!** (Федин).

Другие междометные предложения имеют более конкретную семантику, выражая побуждение к определенному действию (иногда это побуждение, обращенное к животному). Например: — **На, вот, на, возьми. Попроси дяденьку, он тебе почитает. Твоя смешная книжка** (Федин); — **Что-о?! — сорвавшись с голоса, гаркнул старший батальонный комиссар. — Дисциплины не знаете? Вон!..** (Нагибин); — **На конюшню! Марш!** (Шолохов); — **Цыц ты!** (Нагибин); — **Кызь!** — ...дал щелчка в лоб козленку (Шолохов); — **Тпру, дьявол!** (Нагибин).

Таким образом, структурные разновидности побудительных предложений очень многообразны. Многообразие средств выражения побудительной семантики увеличивается за счет использования различных лексических единиц. Ср., например, следующие предложения: — **Молчите, Жуков** (А.Н. Толстой); — **Молчать! Все по местам!** (А.Н. Толстой); — **Прекратить разговоры за рулем!** — строго заметил капитан (Князев); — **Так, хватит разговоров!** (Князев); — **Будет уж болтать-то, будет!** (Астафьев); — **Ладно шуметь!** (Федин); — **Запрещаю об этом со мной разговаривать!** (Князев); — **Не смей со мной разговаривать!** (А.Н. Толстой); — **Ша! Мелочь!** — гаркнул Мишка, и ребята покорно замолкли (Астафьев).

Показательно, что несколько различных по структуре предложений могут соседствовать в пределах одной цепочки побудительных конструкций. См., например: — **Стой!** — *скомандовал Княжко расчетам орудий.* — **Ждать здесь!** — *Пошли! Покажите, что у вас,* — *приказал он Перлину.* — *Где позиция роты? Идите вперед* (Бондарев); — **Матросы — на палубу,** — *сказал Батурину капитан.* — *Сами принимайте руль.* — *Он включил микрофон и объявил по судну: — Всем свободным от вахты выходить на крепление груза* (Князев).

Употребление в одном ряду не означает равноценности предложений разной структуры. В условиях приведенных контекстов они прежде всего различаются стилистически. Так, инфинитивные предложения и другие устойчивые формулы *команд* (*Стой! Матросы — на палубу!*) характеризуются строгой официальностью. На их фоне большинство предложений с формами повелительного наклонения выделяются, напротив, известной непринужденностью обращения к собеседнику.

§ 118. Разные структурные типы побудительных предложений далеко не в одинаковой степени «пригодны» для выражения различных видов побуждения: приказов, распоряжений, требований, предупреждений, предостережений, запретов, наказов, с одной стороны, и просьб, «уговоров», увещаний, советов, рекомендаций, предложений и т.д., с другой стороны.

Универсальными возможностями использования характеризуются предложения с повелительным наклонением глагольного сказуемого: они могут употребляться для выражения самых различных видов побуждения — от приказов (предполагающих *обязательность* исполнения) до просьб, советов и других видов побуждения к *добровольному* исполнению. Если используется эта специализированная побудительная форма, разновидности побуждения разграничиваются с помощью интонации

и различных других средств. На «мягкий» или, наоборот, строго официальный, категоричный или даже грубо фамильярный характер побуждения могут, кроме интонации, указывать многие другие средства: тип обращения, разного рода междометия и частицы, вводные слова (в частности — *пожалуйста*), обстоятельства *немедленно*, *обязательно*, *срочно* и под., наличие или отсутствие местоименного подлежащего *ты* или *вы*, место подлежащего по отношению к сказуемому и т.д. Играет роль и сам характер действия, к которому побуждают.

Ср. типы побуждений, выражаемые, например, в следующих предложениях: — **Приподымись, Егор, дай вылезти**, — сказал актер (Федин); — **Садитесь, садитесь, пожалуйста...** (Федин); — **Следуйте за нами**, — грубым мужским голосом приказал первый из подошедших (Казанцев); — *Уж ты как-нибудь запиши этот прием или запомни*, — ласково просит Иван Иванович (Федосеев); Бомбардировщики показываются в светлой синеве... **«Ложись!»** — доносится до нее слабый, но страшный голос (Федин); — *Ну, поворачивай, поворачивай, а то нас еще увидят...* (А.Н. Толстой); — **Немедленно примите балласт!** (Князев); — **Посторонись, граждане!..** (Федин); — *Ты не сердись*, — мягко сказал Цветухин (Федин); ...по-советовал: **«Постарайтесь быстрее заснуть»** (Домогацких); — **Брось, гадюка! Нашел час шутки вышучивать!** (Шолохов); — *Ты, Григорий Пантелеевич, не верь* им (Шолохов).

Если предложения с повелительным наклонением могут передавать любые типы побуждения, то другие структурные типы побудительных предложений употребляются для выражения не всех, а только некоторых разновидностей побуждения.

Так, в предложениях с сослагательным наклонением типа *Сходил бы ты к врачу; Зашел бы на часок* и под. (примеры выше) передаются обычно «мягкие» типы побуж-

дения к добровольному осуществлению действия (советы, предложения, просьбы) и в большинстве случаев не могут выражаться строгие, категорические побуждения — приказы, требования, распоряжения. Несомненно, что это связано с грамматическим значением форм сослагательного наклонения, выражающего действия (как желательное) лишь в предположительном, потенциально возможном, но не обязательном плане¹.

Целый ряд других конструкций, наоборот, употребляется при выражении строгих, категорических побуждений, предполагающих обязательное исполнение: приказов, команд, распоряжений, требований. Это конструкции а) с инфинитивом (без частицы *бы!*); б) с формами изъявительного наклонения во 2-м лице настоящего или будущего времени; в) с формами 1-го лица побудительных глаголов типа *приказываю* в сочетании с инфинитивом; г) большинство безглагольных эллиптических предложений. Например:

а) — **Прекратить огонь!** — скомандовал есаул... (Шолохов); Антонов орал на все село: — **Не читать! Все собратъ и сжечь! У кого найду — расстреляю!** (Стрыгин); — **Не отвлекаться!** (Стрыгин); — **Довольно! Молчать!** (Федин);

б) — **Идете берегом, доходите до переправы и начинаете наблюдение** или **Пойдете берегом, дойдете до переправы и начнете наблюдение**;

в) — **На траверсе маяка сделаем поворот. Прошу предупредить,** — сказал Николай Васильевич, дождавшись уставного ответа, вышел (Князев); **Но тут Григорий по-**

¹ Показательны в этом отношении и встречающиеся предложения с отрицательной эмоциональной окрашенностью, типа: **Молчал бы уж!**; **Ну и работал бы там!** В подобных случаях в сущности отсутствует и само побуждение, а выражающее досаду «пожелание» говорящего отнюдь не предполагает реального исполнения.

высил голос: отчеканивая каждое слово, скомандовал: — **Приказываю вернуться!** (Шолохов);

г) — **Шашки вон! В атаку! Братцы, за мной!** (Шолохов); — **Ребята! Ко мне! Двое! Двое ко мне!** (Шолохов); — **Живей, живей,** — торопил другой (Федин) и т.д.

Все подобные предложения предполагают отношения субординации, когда у говорящего по сравнению с адресатом побуждения более высокий социально-ролевой ранг — по должности, возрасту, родственным связям, просто по характеру данной ситуации и т.д.

Между собой предложения рассматриваемых разновидностей различаются уровнем экспрессивности, а отчасти и значением.

Наибольшей экспрессивностью характеризуются инфинитивные и безглагольные конструкции.

Показательно, как усиливается категоричность побуждения при переходе от конструкций с повелительным наклонением к инфинитивным в рамках одного контекста:

— <i>Товарищи, товарищи, не расходитесь,</i> — послышался взволнованный голос...	— <i>Товарищи, ни в коем случае не расходиться!</i> (А.Н. Толстой).

Предложения типа *прошу / приказываю оставаться на местах* выделяются подчеркнутой официальностью, и их категоричность определяется именно этим свойством — акцентировкой официальных прав говорящего. Некоторые контексты прямо указывают на официальную холодность подобных формул обращения: *Лида встала и холодно повернулась: «Запрещаю об этом со мной разговаривать!»* (Кожухова).

Предложения с формами 2-го лица изъявительного наклонения характеризуются по сравнению с другими рассматриваемыми типами меньшей официальностью, хотя употребляются чаще всего в ситуациях официаль-

ного общения. См., например: — *...берите кто-нибудь этот мешок. **Понесете** попеременно* (Домогацких).

Оттенок известной непринужденности обращения к собеседнику особенно заметен у этих предложений и у предложений с формами повелительного наклонения на фоне инфинитивных предложений. Ср.: — ***Развести** посты, **выставить** охранения, бойцов **накормить**, огня **не зажигать**, после **придешь** в хату* (А.Н. Толстой).

Закрепленность разных структурных типов предложений за выражением определенных типов побуждения затрагивает также предложения с «неосновными» формами самого повелительного наклонения — формами 1-го лица множ. числа и 3-го лица единственного и множественного числа.

В отличие от форм 2-го лица формы 1-го лица множественного числа типа *Споем(те); Давай(те) почитаем; Давай(те) читать* предполагают участие в действии не только собеседника, но и самого говорящего — это формы выражения «совместного действия». Естественно, что в силу этого свойства данные формы «не приспособлены» не только для выражения приказов, команд, распоряжений и т.д., но и для выражения просьб, советов — т.е. для выражения всех тех типов побуждения, которые заведомо предполагают действия только собеседника (собеседников). Обычной сферой использования форм 1-го лица множественного числа является выражение предложений, приглашений к совместному осуществлению действия: — ***Пойдем, поговорим**, — сказал он Латугину.* (А.Н. Толстой); — ***Давайте знакомиться*** (Домогацких); — *Ну, **присядем** перед дорогой, — сказал, воротившись, отец...* (Кожухова); — *Командир просил **передать**, что придет тоже... **Посидим** пока вдвоем* (Домогацких); — ***Не будем терять времени!*** (А.Н. Толстой); — ***Давайте выложим** из камня стену* (Федосеев); — ***Быстро! Едем!*** (Кожухова) и т.д.

Лишь словоформы *идем(те)*, *пойдем(те)*, выражающие побуждение «следовать» вместе с говорящим, могут иметь в определенных ситуациях характер прямого приказа.

Аналогично формам 1-го лица множественного числа (но значительно более категорично!) побуждение к *совместному* действию выражают формы множественного числа прошедшего времени изъявительного наклонения: *Пошли! Поехали! Начали!* Лексический круг сказуемых в подобных конструкциях очень ограничен: здесь употребляются лишь некоторые глаголы со значением начала, приступа к действию: — *Ну, поплыли*, — *говорил он... Никита кувырком летел в пруды, догнав отца, плыл рядом с ним, ожидая, когда отец похвалит...* (А.Н. Толстой); — *Ну, пошли же, пошли...* (Кожухова).

Семантическое своеобразие предложений с аналитическими формами 3-го лица (типа *Пусть придет; Пусть пришьют*) заключается в том, что побуждение, которое они выражают, характеризуется *двуправленной* адресацией. Грамматически (эксплицитно) в них в качестве адресата побуждения обозначается только непосредственный исполнитель действия — 3-е лицо, — лицо, не участвующее в беседе. Но имплицитно предполагается и побуждение к 2-му лицу — к собеседнику. Это побуждение *передать* наказ, приказ, совет, просьбу, разрешение и т.д. Собеседник как бы включается таким образом в число лиц, ответственных за осуществление действия.

Рассматриваемые предложения иногда встречаются в таких контекстах, где адресация побуждения собеседнику эксплицитно выражается в употреблении предваряющих предложений *Передай(те)*, *Скажи(те)* и под.: — *Передай, если что, пусть сразу зовут* (Амосов).

Не менее показательно, что конструкции с формами 3-го лица очень часто следуют за побудительными предложениями, непосредственно обращенными к 2-му лицу —

к собеседнику: — **Просмотрите** всю местность, **пошли-те разведку**, **пусть изучит** подходы (Кожухова); — *Как догонишь Лиду, сначала извинись и спроси: не надумала ли вернуться. Не спеши. Пусть подумает, поразмыслит...* (Кожухова); Генерал обернулся и сурово сказал Шерстобитову: — **Обязательно, не откладывая, сделать** надписи на могиле... **Пусть** сейчас же **напишут** родным. А я подпишу (Кожухова).

Существование специализированных средств для выражения определенных разновидностей побуждения показывает, что эти разновидности могут рассматриваться как особые функционально-грамматические подразряды побудительных предложений.

Большой интерес, как ясно из предыдущего рассмотрения, представляет социалингвистическое изучение условий употребления этих подразрядов.

Другие типы предложений по цели высказывания

§ 119. Повествовательные, вопросительные и побудительные предложения — это основные грамматические типы предложений, связанные с выражением категории целевого назначения. Но живое многообразие конкретных предложений охватывается этим делением не полностью.

Своеобразную группу составляют, например, так называемые опативные предложения, выражающие не адресованное волеизъявление говорящего — его пожелание, чтобы реализовалась или не реализовалась та или иная ситуация.

Чаще всего предполагается ситуация, имеющая непосредственное отношение к говорящему (или субъекту внутренней речи) — к его состояниям, действиям, к сфере его интересов. **Здесь бы жить... читать эти книги, рыться в тетрадах...** (Тендряков); **Не упасть бы** (Федосеев);

Только бы закончить работу (Федосеев); *Хоть товарищей выручить...* (Сартаков); *Теперь бы с неделю погоды* (Федосеев); — *Скорее бы уж папка приходил*, — вздохнула Ирина (Князев); — *Дед закрывал ворота, я ждал его... Не раздумал бы* (Астафьев) и т.д.¹

Несколько иной характер имеют оптативные предложения с частицей *пусть* (*пускай*).

При подлежащем, обозначающем лицо, пожелание может выражаться в них как «отстраненное» от непосредственных интересов говорящего: *Пусть ребята резвятся. Зачем им мешать?* (Кожухова); *Алексей сказал тихо: «Теперь пускай спит. Ничего, — парень горячий, отлежится»* (А.Н. Толстой). Но иногда такое пожелание передается и как затрагивающее его интересы: — *Моя публика слишком меня полюбила. Я оставляю ее. Пусть она потоскует* (Федин).

Если в позиции подлежащего употребляется неодушевленное существительное, предложения с *пусть*, *пускай*, а также с частицей *да* служат для передачи пожеланий очень широкого характера, при этом — в торжественно-приподнятой, риторической тональности: *Пусть сильнее грянет буря!* (Горький); *Да здравствует солнце, да скроется тьма!* (Пушкин)².

§ 120. Особое место в характеристике предложений по целевому назначению принадлежит предложениям нечленимым.

Часть их примыкает к основным типам предложений, выделяемых по цели высказывания. Так, есть среди них

¹ Пожелание, выраженное подобными предложениями, может относиться и к 3-му лицу: *Ему бы полечиться, отдохнуть.*

² Подробное рассмотрение оптативных предложений, квалифицируемых в плане синтаксического «желательного наклонения» в составе общего разряда «невопросительных» предложений, см. в «Русской грамматике»: Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. II. С. 105—110.

побудительные предложения (типа: *Ну! Ну-ка! Давай! Довольно! Стоп!* и под.), о чем уже говорилось; есть и предложения вопросительные, побуждающие собеседника к ответу или к продолжению рассказа, например: *Бабушка встретила нас еще в сенах: «Ну?» — «Нету. Не видать (не едут. — Е.С.)» (Астафьев); Они сели лицом к лицу... «Ну?» — сказал Рагозин (Федин); «Ведь вы сами, в Москве, посвятили меня в свою историю» — «Да?» (Федин); «Значит, ты одобряешь мой шаг? Да?» (Федин).*

Однако многие нечленимые предложения не укладываются в классификацию основных коммуникативных типов предложений и характеризуются специфическими особенностями целевого назначения. Их назначением может быть:

— только выражение эмоциональной реакции на ситуацию, на слова собеседника: *«Только что вот из города жена привезла повестку. Завтра являться» — «Как? — тихо выговорила Юлия Павловна, на миг замирая. — А мы?..» (Федин); — Петр Петрович? Батюшки! Да неужто это вы? (Федин); «Умерла, значит, супруга? — мимолетно говорит Рагозин и прибавляет: — Моя вот тоже». — «Да что вы! — поражается Мешков. — Такая была славная женищина» (Федин);*

— выражение подтверждения или, напротив, отрицания по отношению к предшествующей реплике: *«Вы контужены?» — спросил Прянишников. — «Да» (Симонов); «Без документов?» — удивленно протянул полковник. «Так точно» (Симонов); «Вы поможете?» — «Разумеется» (Федин); «Что это был за человек? Большевик?» — спросила она. — «Наверно» (Федин); «Машину водите?» — «Нет» (Нагибин);*

— выражение в различных ситуациях внимания по отношению к собеседнику: *«Я к народному артисту Скудину» — «А-а... Уехал» (Федин); Может быть, в эту секунду ему хотелось обнять сына, прижаться к нему, но в сле-*

дующее мгновение он просто протянул сыну свою большую руку и сказал: **«Ну, ладно, до свиданья»**. — **«До свиданья»**, — ответил сын, открыв глаза, посмотрел на него и сразу же снова зажмурился от боли. — **«До свиданья»** (Симонов); *Потом чуть слышно, он отчетливо выговорил: «Спасибо»* (Федин).

Нечленяемые предложения могут выражать особую форму волеизъявления — согласие-несогласие в ответ на прямое или косвенное побуждение к действию или на высказывание о намерении говорящего совершить действие: *«Приезжайте послезавтра вечером к маме, хорошо?» Она сказала, чуть кивнув: «Хорошо», — и скрылась за угловым домом* (Федин); *«Извините, пожалуйста, — сказала она. — Я должна сейчас сводку представить...» — «Ладно! Что уж поделаешь!»* (Кожухова); *«Нам нужна ваша помощь», — сказал Шатерников... — «Пожалуйста», — чуть удивленно проговорил Ракитин* (Нагибин); *«Ты, Аля, оставайся в палатке, пости...» — «Ни за что», — протестует она* (Федосеев); *«Так, может, лучше уйдем?» — «Еще чего!»* (Сладков).

Взаимодействие между разными типами предложений

§ 121. В большинстве случаев повествовательные, вопросительные и побудительные предложения отчетливо противопоставлены друг другу и по смысловым, и по грамматическим признакам. Вместе с тем по разным причинам может наблюдаться взаимодействие этих типов предложений — совмещение у одного предложения разных функций, закономерные сдвиги в целевом назначении тех или иных типов предложений при определенных условиях и т.д.

Одно из возможных условий взаимодействия — эмоциональная окрашенность предложения. Например, если

в вопросительном предложении с помощью интонации, а также некоторых частиц или местоименных слов выражается неверие говорящего в возможность положительного ответа, то вопросительное предложение становится выразителем экспрессивного отрицания или экспрессивного утверждения, оно не требует ответа и по функциям сближается с повествовательным предложением: *Разве за два дня такую работу сделаешь?* (= «За два дня такую работу не сделаешь»); *А с кем я могу там посоветоваться?* (= «Я ни с кем не могу посоветоваться»); *Разве его не звали?!* (= «Его, разумеется, звали») и т.д.¹ Устойчивое действие эмоционального фактора привело в данном случае к формированию особой группы предложений переходного типа. Повествовательное и вопросительное значения совмещаются в них, так как повествовательная функция отрицания или утверждения осуществляется через эмоционально окрашенный вопрос (отрицательный ответ на который очевиден для говорящего). Своеобразие этих предложений проявляется в их не впол-

¹ Проблема предложений данного типа и теоретически, и фактологически фундаментально разработана в трудах Е.М. Кубарева. Рассматриваются при этом и предложения, приобретающие побудительное (отрицательное) значение, типа: *Чего ты ее просишь?* См.: Кубарев Е.М. Интонационно-отрицательные предложения в русском языке в сопоставлении с немецким и другими языками // Учен. зап. / Куйб. пед. ин-т. Вып. 31. Куйбышев, 1961; *Его же*. О понятийно-синтаксических денотативно-коннотативных категориях (Специфика их семантики, структуры и функционирования) // Функциональный синтаксис и гиперсинтаксис германских языков: Межвуз. сб. науч. тр. / Куйб. пед. ин-т. 1983; *Его же*. Сопоставительный анализ побудительно-отрицательных эмоциональных конструкций разговорной речи, имеющих внешнюю форму вопроса // Русская филология: Учен. зап. / Куйб. пед. ин-т. Вып. 66. Куйбышев, 1969 и многие другие работы, вышедшие в издательстве КГПИ и КГУ.

не устойчивом пунктуационном оформлении — то с помощью вопросительного, то с помощью восклицательного знака (даже в пределах одного текста), см., например: *Плохо ли заменить эту дедовскую доску экраном! Нельзя разве переложить учебники на узкую пленку? Нельзя заставить мультимпликаторов объяснить диффузию материалов или битву под Бородином?* (Тендряков). Авторы «Словаря-справочника лингвистических терминов» называют их вопросительно-отрицательными и вопросительно-утвердительными предложениями¹.

Примечание. Естественно, что подобные предложения свободно употребляются в монологической речи. Здесь их использование часто сопряжено с торжественно-приподнятой или гневно-обличительной эмоциональной окрашенностью, и в этом употреблении они получили название риторического вопроса: *Мало ли таких дней рассорило время по полям недавних и давних боев?* (Шолохов); *Разве не эта война убила и без того слишком слабое представление о ценности жизни и чувство уважения к труду?* (Горький — о Первой империалистической войне) и под.

Важным фактором, обуславливающим возможное взаимодействие и сближение разных типов предложений, является широта грамматической семантики повествовательных и вопросительных предложений. И предметом сообщения в повествовательных предложениях, и предметом вопроса в вопросительных могут быть любые явления. Важно при этом, что повествовательные предложения могут передавать информацию о фактах побуждения и вопроса, а вопросительные могут содержать вопрос

¹ Розенталь Д.Э., Теленкова М.Н. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителей. М., 1976. С. 61. Риторический вопрос интерпретируется в Словаре как особый (вопросительно-риторический) тип предложений, а не как стилистическая разновидность вопросительно-отрицательных и вопросительно-утвердительных предложений.

по поводу согласия или несогласия того или иного лица на определенное действие. Например: *Директор велел мне прийти; Я спрашивал его о сроках конференции; Не согласился бы Багров прочитать лекцию?* и под. Поэтому при некоторых дополнительных смысловых и грамматических условиях повествовательные предложения могут служить выразителями побуждения или вопроса, вопросительные — выразителями побуждения. Это наблюдается прежде всего тогда, когда в предложении речь идет о собеседнике говорящего. Так, если вопрос о согласии осуществить действие относится не к третьему лицу, а к непосредственному собеседнику, вопросительное предложение служит для выражения побуждения: *Не мог бы ты прочитать лекцию?, Не отдохнуть ли нам?* Обычно отмечается, что такие предложения служат средством мягкого побуждения. Эта их особенность связана с тем, что «строгие» побуждения, типа приказа, исключают вопрос о согласии-несогласии побуждаемого. В форме вопроса могут формулироваться только такие виды побуждения, которые предполагают добровольность исполнения: просьбы, советы, предложения.

Дополнительную функцию косвенного вопроса приобретают повествовательные предложения типа *Отец спрашивает тебя об экзаменах*¹.

Повествовательные предложения типа *Директор велел тебе прийти* являются косвенными выразителями побуждения к действию.

Если в повествовательном по форме предложении речь идет к тому же о побуждении, исходящем от самого говорящего, то предложения с глаголами 1-го лица типа *прошу, советую* и т.д. вместо сообщения о состоявшемся по-

¹ Особенно ярко это сопутствующее значение проявляется при наличии придаточного предложения. *Отец спрашивает, как ты сдал экзамены.* Известно, что изъяснительное придаточное предложение, передающее содержание вопроса, устойчиво обозначается термином «косвенный вопрос».

буждении начинают выражать, как это уже показывалось выше, непосредственное побуждение к действию: *Совещую задержаться*; *Прошу соблюдать абсолютную тишину* (Паустовский); *Приказываю — не отступать ни при каких обстоятельствах* (А.Н. Толстой) и под.

Таким образом, в определенных условиях в русском языке используется ряд особых (переходных) типов предложений — вопросительно-повествовательные (вопросительно-отрицательные и вопросительно-утвердительные предложения); вопросительно-побудительные; повествовательно-побудительные предложения и т.д. О степени их отрыва от тех предложений, на базе которых они сложились, можно судить по их интонационному оформлению. Например, предложение *Отец просил сестру подождать* (сообщение о побуждении, не затрагивающем собеседника) произносится с обычной повествовательной интонацией; предложение *Прошу вас подождать* — с побудительной (это побуждение, адресуемое собеседнику самим говорящим); предложение *Отец просил вас подождать* — или с повествовательной, или с побудительной (это сообщение о чужом побуждении, которое говорящий, как посредник, передает своему собеседнику). Различаются по интонационному рисунку собственно вопросительное предложения (*Кто поедет туда в воскресенье?*) и вопросительно-отрицательное (*Кто поедет туда в воскресенье?! = «Никто не поедет...»*). И т.д.

Взаимодействие разных типов предложений — одно из многих проявлений гибкости, динамичности в использовании языковых средств. Гибкость эта связана, с одной стороны, с многообразием самих этих средств и, главное, с широтой и подвижностью их семантики. С другой стороны, она определяется диалектической многосторонностью тех явлений, которые обозначаются средствами языка. Эта многосторонность обуславливает возможность разноаспектного осмысления этих явлений и, соответственно, возможность различного их обозначения.

К проблеме классификации предложений по цели высказывания

§ 122. В выделении типов предложений по цели высказывания в истории лингвистики наблюдались известные расхождения: а) включение в их состав восклицательных предложений; б) «укрупнение» классификации за счет объединения повествовательных и побудительных предложений или побудительных и вопросительных и т.д.; в) исключение из рассматриваемого классификационного ряда повествовательных предложений как предложений, не обладающих специфическими формальными показателями (у авторов, не признающих таким показателем интонацию) и некоторые другие.

В настоящее время в отечественной лингвистике в ряде работ получает продолжение вторая из указанных выше тенденций — тенденция к «укрупнению» классификации (к выделению не трех, а двух основных противопоставлений). При этом у одних авторов объединяются повествовательные и побудительные предложения, у других — повествовательные и вопросительные. Например, в последних работах И.П. Распопова противопоставляются только повествовательные и вопросительные предложения (побудительные включаются в состав повествовательных¹), в то время как в книге «Строение простого предложения в русском языке» (М., 1970) И.П. Распопов выделял в качестве самостоятельных типов повествовательные, вопросительные и побудительные предложения. Во 2-м томе «Русской грамматики» под ред. Н.Ю. Шведовой (М.: Наука, 1980) противопоставляются друг другу невопросительные и вопросительные предложения. В книге Л.С. Бархударова «Структура простого предложения современного

¹ См.: *Распопов И.П.* Очерки по теории синтаксиса. Воронеж, 1973. С. 32; *Его же.* Спорные вопросы синтаксиса. Ростов н/Д, 1981. С. 24–25.

английского языка» (М.: Высшая школа, 1966) — непобудительные и побудительные предложения.

Соотношения соответствующих классификационных рубрик показаны в следующей схеме.

Распопов И.П. 1970	повествова- тельные	побуди- тельные	вопроси- тельные
Распопов И.П. 1973, 1981	повествовательные		вопроси- тельные
Русская грамма- тика, 1980	невопросительные		вопроси- тельные
Бархударов Л.С.	непобуди- тельные	побуди- тельные	непобуди- тельные

Общие и частные классификационные расхождения связаны с несколькими основными причинами.

Объективная возможность «укрупненных» классификационных группировок обусловлена тем, что различные функциональные типы имеют в то же время ряд общих смысловых и грамматических признаков.

Например, и повествовательные, и побудительные предложения рассчитаны на передачу информации собеседнику и в этом отношении одинаково противопоставлены вопросительным предложениям, предполагающим получение информации от собеседника¹. В этом и состоит сходство их коммуникативной роли.

В то же время по другой линии коммуникативное сходство наблюдается у побудительных и вопросительных предложений: «Момент адресованного собеседнику побуждения к какому-то действию (с включением сюда и речевого действия) в явно выраженном или скрытом, имплицитном виде всегда присутствует в семантике как вопросительных, так и побудительных предложений, и это их объединяет в противопоставлении повествовательным предложениям», — пишет

¹ См. об этом: *Распопов И.П.* Спорные вопросы синтаксиса. С. 24–25.

И.П. Распопов, отмечая, что «Ф.Ф. Фортунатов не без оснований рассматривал вопросительные предложения как одну из разновидностей побудительной речи»¹ (разрядка автора).

Сходством коммуникативной роли объясняется и близость условий употребления: в своих прямых функциях и вопросительные, и побудительные предложения, в отличие от повествовательных, используются почти исключительно в диалогической речи.

Немаловажно, что общие особенности есть также у повествовательных и вопросительных предложений. Эти предложения предполагают разные ролевые отношения между говорящим и собеседником: в первом случае собеседник — информируемый, во втором — информирующий участник речевого общения. Однако и повествовательные, и вопросительные предложения рассчитаны на выявление связей между предметами и явлениями. Из этого вытекают общие закономерности в формировании их конструктивного состава — состава членов предложения. Главное же — оба типа допускают формирование предложения **в любом модальном плане** и могут в принципе характеризоваться как реальной, так и потенциальной модальностью. В этом отношении им резко противостоят побудительные предложения, употребление которых всегда связано только с **потенциальной модальностью** (побудительные предложения предполагают возможность или необходимость реализации действия либо в ближайшей перспективе, либо в более или менее отдаленной, но именно в перспективе). Последняя особенность (с акцентировкой формально-грамматического аспекта) и формальная бессубъектность большинства побудительных конструкций подчеркиваются Л.С. Бархударовым, противопоставляющим «непобудительные» и «побудительные»

¹ *Распопов И.П.* Строение простого предложения в современном русском языке. М.: Просвещение, 1970. С. 86.

предложения как различные (структурные!) типы предложений.

Одну из объективных причин неоднозначности в современной трактовке побудительных предложений составляет, по определению Г.В. Валимовой, их модально-функциональных характер¹. Дело в том, что повелительное наклонение глагольного сказуемого или просто интонационное оформление побудительного предложения (*Молчите! Молчать! Вперед!* и под.) грамматически выражают одновременно и побудительную целевую установку предложения, и его потенциальную (а не реальную!) модальность.

Несмотря на естественное совмещение указанных грамматических значений, правомерно, однако, поставить вопрос о том, какое из них является у побудительных предложений *первичным*. Достаточно очевидно, что первична побудительная целевая установка предложения. Выражение потенциальной модальности является лишь неизбежным следствием побудительной семантики: реализация действия при побуждении неизбежно мыслится только в перспективе — более или менее отдаленной или ближайшей.

Поэтому, несмотря на то что между выражением категории целевого назначения и категории модальности в побудительных предложениях наблюдается неразрывная, жесткая и обязательная связь, эти предложения следует признать особым функциональным, а не модально-функциональным типом предложения.

§ 123. Кроме объективного сходства отдельных коммуникативно-семантических признаков у разных функциональных типов предложений, несомненную роль в тенденции к укрупнению их основных классификационных разрядов играет влияние определенных научных направлений и школ.

¹ Валимова Г.В. Функциональные типы предложений. Изд. РГУ. 1967. С. 55.

В основном это прямое или косвенное влияние структуралистских идей, с свойственной для структурализма переоценкой или излишне прямолинейной оценкой формально-грамматической специфики фактов языка и, наоборот, недооценкой их семантического своеобразия, с искусственной схематизацией в интерпретации языковых явлений.

Особенно показательны в этом плане:

- 1) трактовка «невопросительных-вопросительных» и «непобудительных-побудительных» предложений не как функциональных, а как собственно «структурных» типов предложений в «Русской грамматике» и у Л.С. Бархударова¹;
- 2) использование семантически бессодержательных понятий «невопросительные», «непобудительные» предложения;
- 3) тенденция сводить наблюдающиеся в языке сложные отношения между семантически противопоставленными средствами языка непременно к бинарным противопоставлениям, в то время как в реальной языковой системе они часто являются трехчленными или многочленными.

Решение проблемы классификации предложений по цели высказывания представляет интерес не только в чи-

¹ Знаменательно, что Л.С. Бархударов (см. указ. работу. С. 175—176) отказывает вопросительным предложениям в статусе самостоятельного (структурного!) типа на том основании, что вопросительный характер предложения передается не каким-либо одним определенным грамматическим средством, а разными средствами. Естественно, что если бы соответствующая дифференциация предложений рассматривалась с точки зрения грамматической семантики, а не в плане выявления чисто «структурных» типов, то использование разных средств смущать бы не могло: выражение одного грамматического значения разными средствами — факт обычный.

сто теоретическом отношении, но и в плане формирования такой системы описания, которая наиболее адекватно отражала бы объективные свойства языковых явлений.

Рассмотренные выше «укрупненные» классификации представляются в разных отношениях не соответствующими задачам эффективного описания языковой системы.

Включение побудительных предложений в разряд повествовательных является неудобным и нецелесообразным: коммуникативная, а вместе с тем и грамматическая специфика побудительных предложений оказывается при таком объединении затухшей, сведенной к своеобразию чисто модальному. Кроме того, невыделенность побудительных предложений в классификационном ряду основных коммуникативных типов предложений ограничивает возможности дальнейшей детализации их описания в плане актуальных задач функциональной грамматики (дифференцированное описание предложений, выражающих просьбы, советы, приказы, команды и т.д.).

Рассмотрение вопросительных и «невопросительных», побудительных и «непобудительных» предложений в качестве чисто **структурных** разрядов связано с недостатками более глубокими. Такое рассмотрение, по существу, означает отказ от одного из главных достижений современной синтаксической науки — от признания значительной самостоятельности разных аспектов в грамматической семантике и, соответственно, в грамматическом оформлении предложения.

Достаточно очевидно, что с выражением цели высказывания связана **особая грамматическая категория** — категория целевого назначения. Средства выражения этой категории имеют специфический характер, чаще всего они лишь «накладываются» на конструктивный состав членов предложения, важнейшие закономерности которого являются общими для любого коммуникативного типа предложений. Соответственно, рассмотрение коммуникатив-

ных типов предложений и средств их грамматического оформления должно составлять отдельный аспект грамматического описания.

Между тем в «Русской грамматике» наблюдается смешение разных аспектов.

Прежде всего это относится к описанию конструктивных типов предложений. Рассмотрение их структурных схем искусственно увязывается здесь с противопоставлением «невопросительных» и вопросительных предложений; основные структурные схемы конструктивного состава предложений описываются в разделе «Невопросительные предложения». Создается иллюзия, что структурные схемы вопросительных предложений принципиально отличны от «невопросительных». Между тем в действительности основная масса этих схем универсальна для предложений разных коммуникативных типов (закономерности формирования конструктивного состава членов предложения зависят от различия предложений по цели высказывания в относительно небольшой мере).

Рассмотрение побудительных предложений в «Русской грамматике» растворено в описании структурных схем конструктивных типов «невопросительных» предложений. Их коммуникативное своеобразие оказывается неакцентированным, так как характеристика их осуществляется лишь в терминах «синтаксических наклонений» — в одной плоскости с синтаксическим индикативом, охватывающим и вопросительные предложения (!), и с «долженствованием», тоже не закрепленным за каким-либо отдельным коммуникативным типом предложений.

В перспективе создания новых описательных грамматик только раздельное описание разных аспектов даст возможность высветить и своеобразие каждого из них, и проявления их взаимодействия.

Заключение

Изучение синтаксиса простого предложения важно и интересно во многих отношениях.

Прежде всего, именно простое предложение является той единицей, с которой начинается возможность практического использования языка, средств его системы. Ознакомление со структурно-семантической многослойностью предложения, с типами простых предложений, с их функциями, с составными частями простого предложения, с техникой его грамматического оформления обнаруживает, каким сложным и тонким орудием общения и выражения мысли является наш язык, какой он достиг высокой организации и совершенства, как приспособлен для выражения мыслей и чувств говорящего, для решения самых многообразных коммуникативных задач, для дифференцированного отражения действительности.

В простом предложении проявляется связь с синтаксисом других уровней системы языка — это обуславливает общезыковедческую значимость его изучения. С обслуживанием грамматической структуры предложения и передачей его смыслового содержания в морфологической системе русского языка связан весь разряд служебных частей речи; основу разряда нечленимых предложений составляют междометия; знаменательные части речи обнаруживают закономерную связь с функциями членов предложения; многие грамматические категории слова и выражающие их формы имеют чисто синтаксическое назначение; флективным характером морфологического строя русского языка обусловлена большая, чем в других языках, свобода порядка слов и т.д. Многие чисто лексические или лексико-грамматические группы слов характеризуются выполнением определенных синтаксических функций. Например, отвлеченные отглагольные существительные (количество которых с развитием языка все возрастает) открывают возможность для «опредмеченно-

го» наименования действий и для использования соответствующих наименований в синтаксической роли подлежащего, дополнения, обстоятельства (*Проверка закончена; После проверки комиссия уехала* и т.д.). Важнейшие функции в грамматическом оформлении предложения выполняют фонетические (ритмомелодические) средства устной речи.

Изучение простого предложения — необходимая отправная ступень в изучении предложения сложного. Не говоря о том, что конструктивные особенности частей сложного предложения совпадают с особенностями простого предложения, простое предложение во многом является «прообразом» моделей сложного предложения. Так, в основе формирования сложноподчиненного предложения нередко лежат те же общие закономерности распространения предложения, которые прослеживаются в простом предложении. Например, употребление придаточных определительных и изъяснительных, подобно определению и дополнению в простом предложении, связано с синтаксическим распространением отдельного слова и характеризуется обязательно «присловной» позицией, а придаточные времени, причины, условия, уступки часто соответствуют функциям детерминантов.

Естественно, что изучение системных особенностей в структуре и семантике простого предложения интересно с философской точки зрения. Оно обнаруживает многообразие направлений отражения в языке внеязыковой действительности; роль коллективного и индивидуально-го сознания в механизме такого отражения; достижения абстрагирующей работы человеческого мышления.

Несомненно, наконец, что изучение синтаксиса простого предложения, раскрывая закономерности языкового оформления мысли, способствует культуре речи и культуре мышления, так как обеспечивает необходимую предпосылку всякой истинной культуры — сознательное отношение к использованию того национального достояния, каким является родной язык.

Литература

Вузовские курсы современного русского языка

- Валгина Н.С.* Синтаксис современного русского языка. М., 1991.
- Гвоздев А.Н.* Современный русский литературный язык. М., 1973. Ч. II: Синтаксис.
- Ковтунова И.И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.
- Распопов И.П., Ломов А.М.* Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис. Воронеж, 1984.
- Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1989 и другие издания.
- Современный русский язык / Под ред. П.А. Леканта. М., 2000 и другие издания.
- Современный русский язык: В 3 ч. Ч. II: Синтаксис. Пунктуация / В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов. М., 1987.
- Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц / Под ред. Е.И. Дибровой. М., 2001 Ч. II: Морфология. Синтаксис.
- Современный русский язык / Под ред. Д.Э. Розенталя. М., 1984 и другие издания.

Описательные грамматики современного русского языка

- Грамматика русского языка / Под ред. В.В. Виноградова. М., 1954. 1960. Т. II: Синтаксис. Часть первая.
- Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1970.
- Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980, 1982. Т. II: Синтаксис.
- Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. 2-е изд. М., 1990.

Дополнительная литература

- Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. М., 1976.
- Бабайцева В.В.* Односоставные предложения в современном русском языке. М., 1968.

- Золотова Г.А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1978.
- Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Золотова Г.А., Ониненко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Крылова И.И., Хавронина Г.А.* Порядок слов в русском языке. М., 1986.
- Лекант П.А.* Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М., 1976.
- Лекант П.А.* Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1986.
- Ломов А.М.* Типология русского предложения. Воронеж, 1994.
- Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- Прияткина А.Ф.* Осложненное простое предложение в современном русском языке. М., 1990.
- Расповов И.П.* Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970.
- Скобликова Е.С.* Согласование и управление в русском языке. М., 1971.
- Федоров А.К.* Трудные вопросы синтаксиса. М., 1972.
- Фоменко Ю.В.* Трудные и спорные вопросы синтаксиса современного русского языка. Новосибирск, 1997.
- Чеснокова Л.Д.* Связи слов в современном русском языке. М., 1980.
- Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. Л., 1941.